

ГРАНИ

GRANI

61

1966

Postverlagsort: Frankfurt/Main, Oktober 1966

Г Р А Н И

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА, НАУКИ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Год издания XXI

№ 61

1966 год

СОДЕРЖАНИЕ

Владимир Батшев сослан	3
ВЛАДИМИР БАТШЕВ — Стихи	5
СМОГ	14
Стихи из сборников СМОГа: Леонид Губанов, Владимир Алейников, Юрий Кублановский, Сергей Морозов, Юлия Вишневская, Макар Славков, Владимир Батшев	18

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

ВАЛЕРИЙ ТАРСИС — Ничего достоверного. Рассказ	25
Иван Сума — разрушитель мира. Рассказ	49
АРКАДИЙ МИХАЙЛОВ — Три стихотворения. Смерть студента (поэма)	55
ВИКТОР РОСТОПЧИН — Скудость. Рассказ	62

К ГОДОВЩИНЕ СМЕРТИ А. В. СВЕТЛАНИНА

† А. СВЕТЛАНИН — Февраль (Из воспоминаний)	71
Н. ТАРАСОВА — Андрей Васильевич Светланин	83

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

ЭММАНУИЛ РАЙС — Модернизм и молодая русская литература (Об авторах СМОГа и о поэте А. Михайлове)	89
--	----

ДОКУМЕНТЫ

Речь Василя Быкова на съезде Союза писателей Белоруссии	113
Открытое письмо священников Николая Эшлимана и Глеба Якунина Патриарху Алексию	122
Открытое письмо священников Николая Эшлимана и Глеба Якунина Епископам Русской Церкви	168
Заявление председателю Президиума ВС СССР Н. В. Подгорному от граждан СССР Эшлимана и Н. И. Якунина Г. П.	175

ИСКУССТВО

НИКОЛАЙ ЕЛЕНЕВ — Замыслы и труды 190

ФИЛОСОФИЯ. ПУБЛИЦИСТИКА

ВЯЧЕСЛАВ СОРОКИН — К проблеме движения 203

ЗАМЕТКИ. ПИСЬМА. ОТКЛИКИ

От редакции 224

«Переписка с друзьями журнала «Г р а н и» 224

Отклики советских писателей на «Переписку с друзьями» 225

Владимир Батшев сослан

Владимир Батшев, 1946 года рождения, москвич. Отец его занимает ответственное положение в Главлите.

Отрицая ложь и соглашательство старшего поколения, Батшев уже более двух лет самоотверженно и бескомпромиссно ведет борьбу за свободу слова и творчества, являясь ярким представителем нашей свободолюбивой молодежи.

Батшев — талантливый поэт. Он большой поклонник Пастернака. Известно, что во время литературных чток у памятника

Маяковского летом 1965 года, он выступал с чтением стихов Пастернака. Некоторые его стихи посвящены этому великому поэту.

Стихотворения Батшева были опубликованы в ряде литературных сборников молодежи, вышедших в 1964–65 гг., как напр.: «Мастерская», «Чу», «Сфинксы», «Шея». Его рассказы помещены в сборнике «СМОГ». В изданиях СМОГа вышли сборники его стихов «Лабиринт» и «Синий корабль». В рукописях имеются также его стихи 1966 года.

Батшев — активный участник молодежного творческого движения СМОГ. Его творчество перекликается с идейными стремлениями СМОГа, нашедшими яркое выражение в Воззвании СМОГа.

Батшев принимал активное участие в демонстрации СМОГа 14 апреля 1965, во время которой выдвигались требования свободы слова, права на независимую творческую организацию, освобождения Нарицы, Буковского, Осипова, Бродского. Ряд участников были захвачены КГБ, избиты и отправлены под арест. Среди них был Батшев.

Когда готовилась демонстрация в защиту Синявского и Даниэля, Батшев принимал активное участие в ее организации, за что был 2 декабря 1965 г. задержан КГБ и на короткий срок заключен в психиатрическую лечебницу «Матросская тишина» в Москве.

В феврале 1966 года Батшев входит в организационный комитет по подготовке демонстрации против реабилитации Сталина (назначенной на 5 марта.). Вместе с другими участниками комитета его подвергли допросу 24 февраля, задержали и направили в Лефортовскую тюрьму.

Власти принимают решение «обезвредить» Батшева. На закрытом «процессе» его приговаривают как «тунеядца» к пяти годам ссылки в Сибирь, где он находится с лета 1966 года.

Адрес Владимира Батшева в ссылке:
Красноярский край, Большеулуйский р-н, село Большой Улуй, до востребования.

Адрес В. Батшева в Москве (квартира его родителей):
Москва Е-43, 9-я Парковая ул., д. 25, кв. 13.

Вл. Батшев

СТИХИ

СОНЕТ Л. К.

Как часто ночью говорят
Предметы комнаты вчерашней.
Вот этот стул, портрет навязший
В зубах, и абажур, как маскхалат,

Висит уж сколько лет подряд,
Как будто парашют парящий,
О чьей-то помощи просящий,
Хоть этой помощи не рад.

Пусть говорят они в тиши.
Перебирая твои даты.
Домой идти ты не спеши,

Ты знаешь, то, что не отдали
Тебе большого одиночества,
Забыв об имени, об отчестве...

СОНЕТ ДРУГУ

Когда к тебе придет прозреньё,
Ты оглянись назад, и пусть
Ты не поймешь свой страданный путь,
Поймешь лишь холод и презреньё,

Тех городов, чьего волненья
Не избежать ни там, ни тут,
Но помни, что тебя сомнут
Страницы дней непротивленья.

Ты позабыл, ты старше стал,
И мать тебе чужая как-то,
Когда она кладет на стол,
Потертые, как годы, карты.

Друзья твои? Их забываешь.
Гробы их ночью забиваешь.

СОНЕТ ПАСТЕРНАКУ

И мосты, как дрова, сожжены...
Те мосты столько лет поминал
Петербург. — Марбург свой поменял
На кусок нелюбившей страны.

Оборвутся четыре струны,
Там, где три на виду подымал,
А над струнами дым и май
Обломают четыре стены.

Не аукнут аккорды Акрополя,
Как и голос с посмертного фото,
Лишь прошамкает ржавый некролог,
Что скончался «один из Литфонда».

Я приду. Поклонюсь памятнику.
Помолюсь. Я ведь маленький-маленький.

ВАРИАЦИЯ НА РИТМИЧЕСКУЮ ТЕМУ ИОСИФА БРОДСКОГО

Белый дым стелится надо мной.
И белый снег давно растаял.
Но мне очень трудно. Я изнемог,
и я себя по местам расставил:

еще на свободе Буковский,
но я не знаком с ним даже
я только что вырвался из города.
Я у друга моего живу на даче —
жаркое лето
63 года.

Я ухаживаю за девочками:
они хорошие и плохие.

На лугу пасутся коровы
и жрут травы.

Я еще очень маленький
и совсем плохо пишу стихи я.

Но я читаю газеты,
и мне становится страшно.

По шоссе проходят военные.

На их плечах синие погоны,
их лица и руки чем-то липким клеймены...

Жаркое лето
63 года —

мы с.... еще лучшие друзья,
и мы победить клянемся.

Я уже работаю на заводе.

В душу рабочего

и всего народа я проникаю,
все чаще я задаю себе вопрос:

«А что будет, если?...»

Но я еще маленький.

Я ничего не знаю.

И мне надо ехать.

Опять куда-то ехать!

Я хочу изменить Россию,

дать ей что-то такое невиданное,

мне мерещатся декабристы, народовольцы, путчи.

Я завидую Буковскому.

Я ему очень завидую,

но я его не знаю,

и это, может быть, лучше.

Я не знаю, что будет завтра.

И наверно от этого, а не от неумения

у меня во рту после первой ночи горько.

Я расхваливаю стихи,

которых еще кот наплакал...

Я маленький.
Жаркое лето
63 года —
я дорогу свою выбираю,
я выбираю свой путь на плаху.

СОНЕТ Г-СКОВУ

Твои ночные отраженья
приходят не на пять минут.
Они одни тебе не лгут
и говорят без промедленья

всю правду. И твоё волненье
здесь не оценят, не поймут
они тот обнищавший труд,
что выдаешь за вдохновенье.

Они придут. А новый день
морозом остужает горло.
Ты шапку теплую надень.

Тебе идти сейчас по городу
так долго. Очень труден путь.
Они приходят — не забудь.

* * *

*

Всё надо начинать сначала:
осколки склеивать,
а новое
лепить из глины не случайной,
не доверяясь голословным
ответам,
отзывам,
рецензиям,
и понимать,
Кого

ласкаем.
Ведь наше дело по рецептам
нельзя составить, как лекарство.
Переулки сегодня длинней,
всем проспектам они подражают.
Командир, запишите мне
поражение.
Я уснул на посту в декабре.
Я устал.
Я из сил выбился.
Вы сегодня меня обрежьте,
словно чуб, из-под шапки выбившийся.
Довольно.
Закройте пустой календарь,
где лица,
где липы,
где галок полеты...
Переведите меня, командир,
на старое место поэта.

ФЕВРАЛЬ

1.

Как обрезают пуповину,
иль в воду бросают впервые,
так мир, разорванный наполовину,
разбросил пальцы прямые.

О, ритмы! О, грани! Орали ораторы...
Оркестры асфальты оплевывали.
И плыли над плахами, радовались
паденью великих оплотов.

Оплакивал зиму февраль — краснобай.
В дверях застывал: «Уже проснутся к вам...»
По щекам полз пятнами Красноярск —
расстрелянный миг Рождества.

2.

Столица! Сторицей столетья отплатят
за пять десятилетий десницей карающей.
Тебе не поможет, как Ною, отплытье,
качаться в лучах флюгерами «товарищам».

Москва, сетку улиц на темя приладьте:
пусть космы костей сквозь ячейки провиснут.
Масштабы раздавят, как танки. Пригладьте
мне волосы, сердце и мысли.

Напрасно. Я жив. Только глазки мучнистые
промчатся в кустах через горло голодное.
И вспомню я первого коммуниста,
который Христа распял на Голгофе.

3.

Нет времени ждать нам. Гитара
разбилась о головы глупого мира,
надеясь, что завтра китель китайца
заменит парадность и небо мундира.

Надеясь! О наша вина под винтовкой,
расплачивайся за ошибки победные —
быть может, юнец с необычайной сноровкою
разделит твой мир на счастливых и бедных.

О, Родина! Пьяный корабль событий!
Разбился о рифы в ревущей судьбе.
Но зная, что завтра я буду убитым,
погибну я снова, как верность тебе.

ПУШКИН НА СЕНАТСКОЙ

1.

Разрушился Олимп
и охромел Пегас...
Послушай, Натали,
твой камелек погас!

Над кладбищем калек
кресты подняли бунт:
мятежное каре
решит твою судьбу.
А что тебе они?
Зачем тебе мятеж?
И новый год поник
под грузом мертвых тел.
Нетрудно постареть,
увидев пост столиц.
А где-то в том каре
любимый твой стоит.

2.

Ты смотришь из окна,
ты хочешь постареть,
как неизвестный знак
мерцают на стене
о, тени мертвецов! —
ты их не пережил.
И сломано весло
оплеванной души.
Запрячь свои романы
в забытый стол,
тебя на площадь манит
кровавый стон,
беда бежит на площадь:
быть иль не быть?
А может это проще:
царей убить?
Конечно, это проще.
Но ты — поэт!
А площадь кровью ропщет
и дарит пистолет,
кричит: «Ты самый левый!
На мельницу не лей...»
Ты знаешь, что Рылеев
качается в петле,
ты знаешь, что поэты
в Сибири за ножи...

Хоть шлешь ты им приветы,
но ты-то жив!
Побыть бы здесь подольше,
но огненный рысак
тебя увозит дальше —
тебе пора писать.

3.

Ты вспомнишь эту площадь
и мертвый взмах руки,
когда в холодной роще
защелкают курки.
В апреле? в мае? кончатся
сонеты и сонаты.
И площадь Маяковского
станет нам Сенатскою.

КАРЕЛАНЕ

Если голоса нет —
руки есть на стене.

Губы есть в стороне —
только голоса нет.

Ты об этом забудь —
я тебя позову.

Если голоса нет —
постучу по стене.

Слышишь, слышишь мой стук —
приговоры несут.

Мне уходить от тебя
осенью без октября.

Гул шагов не затих.
Если можешь — прости.

Если можно уйти —
ты сожги этот стих.

5 марта 1966

Лефортовская тюрьма

* *
*

Теперь я государству нужен —
не гасят ночью свет.
И лампочку не тушат
в зеркале-стекле,
Всё чудится, всё кажется...
О чем мне вам рассказывать?
Здесь только стены кашляют
зеленым горлом камеры,
вот сон придет коварный,
свободный, без решеток...
И, как шаги конвойных,
капель стучит по желобу,
и, как аплодисменты,
глазок стучит на двери,
и стоны в мокрых стенах...
Не на что надеяться.
А день тяжел и труден.
А за стеною тайны.
А за стеною люди.
А за окошком тает...
Рвануть, как ворот, форточку:
весна, чему научишь!?
Горят глаза Лефортово
решетками наружными.

6 марта 1966

Лефортовская тюрьма

С М О Г

10 февраля 1966 г. редакция «Граней» передала представителям западной печати воззвание СМОГ'а. Этим она выполнила просьбу составителей воззвания «опубликовать (его) в западных газетах».

Английские, немецкие и американские газеты писали о нем. В датских и бельгийских — текст воззвания был помещен полностью. Воззвание СМОГа нашло отражение и в советской прессе (см. «Известия» от 18 февраля 1966 г., статью Стурюа о Валерии Тарсисе).

Вот его полный текст.

МЫ СМОГ!

МЫ!

Наконец нам удалось заговорить о себе в полный голос, не боясь за свои голосовые связки.

МЫ!

Вот уже восемь месяцев вся Россия смотрит на нас, ждет от нас...

Чего она ждет?

Что можем сказать ей мы, несколько десятков молодых людей, объединенных в Самое Молодое Общество Гениев — СМОГ?

Что?

Много. И мало. Всё и ничего.

Мы можем выплеснуть душу в жирные физиономии «советских писателей». Но зачем? Что они поймут?

Наша душа нужна народу, нашему великому и необычайному русскому народу. А душа болит. Трудно больной ей биться в стенах камеры тела. Выпустить ее пора.

Пора, мой друг, пора!

МЫ!

Нас мало и очень много. Но мы — это тот новый росток грядущего, взошедший на благодатной почве.

Мы, поэты и художники, писатели и скульпторы, возрождаем и продолжаем традиции нашего бессмертного искусства. Рублев и Баян, Радищев и Достоевский, Цветаева и Пастернак, Бердяев и Тарсис влились в наши жилы, как свежая кровь, как живая вода.

И мы не посраим наших учителей, докажем, что мы достойны их.

Сейчас мы отчаянно боремся против всех: от комсомола до обывателей, от чекистов до мещан, от бездарности до невежества — все против нас.

Но наш народ за нас, с нами!

Мы обращаемся к свободному миру, не раз показавшему свое подлинное лицо по отношению к русскому искусству, помогите нам, не дайте задавить грубым сапогом молодые побеги.

Помните, что в России есть мы.

МЫ, СМОГ.

РОССИЯ, XX ВЕК

Молодой задор, с которым написано воззвание, высокий слог, уверенность в себе могли бы повиснуть в воздухе вместе со всеми словами воззвания, оказаться ничем, если бы не подтверждались *делами* членов общества СМОГ, буквы которого расшифровываются ими не только, как Самое Молодое Общество Гениев, но как «Смелость, Мысль, Образ, Глубина» или как «Сжатый Миг Отраженной Гиперболы».

Общество СМОГ ведет энергичную издательскую деятельность. Журнал «Сфинксы», опубликованный нами в «Г р а н я х» № 59 за 1965 г., является, например, одним из детищ этого общества. Кроме «Сфинксов» в издательстве СМОГ в 1965 г. вышли книжки отдельных авторов — поэтов и прозаиков:

В. Алейников, «Календарь», книга I, стихи, 1963-1964 гг.

В. Алейников, «Календарь», книга II, стихи, 1964-1965 гг.

Л. Губанов, «Болезнь», стихи.

Л. Губанов, «Ждите», стихи.

В. Батшев, «Лабиринт», стихи.

В. Батшев, «Синий корабль», поэма.

С. Морозов, «Стихи».

Ю. Кублановский, «Арлекин», стихи и поэмы.

М. Щукин, «Переплет», поэма.

А. Урусов, «Крик далеких муравьев», изыск в 2-х частях (опубликован в «Г р а н я х» № 60 за 1960 г.)

Также вышли журналы и сборники произведений целого ряда авторов: «Авангард» № 1 — журнал Авангарда Левого Искусства, под редакцией Л. Губанова.

«СМОГ-молодой» — стихи и рассказы Ю. Вишневской, Б. Дублина, М. Янкевича, А. Иванушкина, С. Морозова, В. Резникова, В. Гусева, А. Разумовского.

Сборник «ЧУ» — стихи В. Батшева, В. Алейникова, Ю. Кублановского, Л. Рубанова (распродан).

В прошлом году, по данным издательства СМОГ, находились или готовились к печати сборники отдельных авторов:

Л. Губанов, «Лики».

В. Алейников, «Календарь», книга III, стихи и комедии.

В. Батшев, «Кинодрамы», стихи и поэмы.

Альманахи и журналы:

«СМОГ» — рассказы, повести, статьи О. Курченкова, М. Панова, Н. Калугина, А. Урусова, В. Батшева, К. Труевцева, С. Морозова, Ю. Сорокина, В. Калугина.

«Авангард» № 2, под редакцией Л. Губанова и В. Алейникова.

«ЮГО-СМОГ» — журнал южной группы.

«УРАЛ-СМОГ» — журнал восточной группы.

«СМОГ-Одесса» — сборник.

Просматривая список фамилий во всех изданиях СМОГа, мы легко можем насчитать до сорока участников — поэтов и прозаиков. Каковы размеры общества в настоящее время, представить себе очень трудно, особенно если учесть, что уже в 1965 году общество СМОГ имело группы своих членов и сотрудников на Урале и на юге.

Члены общества СМОГ живут активной творческой жизнью. Их деятельность не ограничивается только литературным творчеством и издательским делом. Они ведут идеологическую работу, прилагая все усилия к распространению своих идей не только на Западе, как мы видели в случае составления и пересылки «Воззвания», с обязательной просьбой опубликовать его в западной прессе, но и в самой России.

В 1965 году СМОГом был «всенародно» оглашен в Москве возле памятника Маяковского «Манифест», подписанный «Главным Теоретиком Смозизма». (См. «Комсомольскую правду» от 20. 6. 1965 г., фельетон Леонида Лиходеева, «Отраженная гипербола».)

Два элемента отмечает Л. Лиходеев в своем весьма не объективном «фельетоне»:

1) Обращенность членов общества к национальному искусству России: их объединяет, как они пишут в Манифесте, «любовь к подлинной жизни, до восемнадцатого века не тронутой дарами цивилизации». Как следствие этого, члены общества отталкиваются от эпигонского современного искусства, построенного на подражании иностранным образцам (о «соцреалистической литературе», как видим, никакой речи вообще нет).

2) Своей целью члены общества ставят «отображать разлад человека с общественной жизнью, с миром, с самим собой, своим искусством выражать эти терзания, думы».

Во многом поэтическое и прозаическое творчество членов общества СМОГ базируется на опытах больших русских модернистов начала двадцатого века (см. в этом же номере «Г р а н е й» статью Э. Райса «Модернизм и молодая российская литература»).

В течение последних полутора лет члены СМОГа проявили себя и как активные борцы за свободу. 14 апреля 1965 г. митинг и демонстрация были устроены от имени СМОГа. Члены общества требовали признания своей организации, требовали права на свободу мысли, творчества, печати. В двух последующих общественных выступлениях члены СМОГа участвовали: в демонстрации, организованной 5 декабря 1965 г. в знак протеста против незаконного ареста Ю. Даниэля и А. Синявского и 5 марта 1966 г. против возможной реабилитации Сталина на XXIII съезда КПСС. В результате целый ряд смогистов был арестован. (Из известных нам: В. Буковский и В. Батшев накануне демонстрации 5 декабря 1965 г., Ю. Вишневская, Л. Губанов, С. Морозов после выступления). Буковский просидел в сумасшедшем доме до августа 1966 г., остальные были через некоторое время выпущены из тюрем. В. Батшев, арестованный вторично после выступления 5 марта 1966 года осужден и сослан на пять лет в Красноярский край. Многие другие участники этих выступлений, члены СМОГаа — студенты — были исключены из высших учебных заведений.

В этом номере нашего журнала мы публикуем подборку стихов, взятых из поэтического сборника «ЧУ», и отдельного сборника С. Морозова, присланных в нашу редакцию из России. Отдельно даем биографический материал и последние стихи поэта-смогиста Владимира Батшева.

Р е д а к ц и я

СТИХИ ИЗ СБОРНИКОВ СМОГА

Леонид Губанов

СТИХОТВОРЕНИЕ О БРОШЕННОЙ ПОЭМЕ

Эта женщина недописана,
эта женщина недолатана,
этой женщине не до бисера,
а до губ моих ада адова.
Этой женщине только месяцы,
да и то совсем непорочные.
Пусть слова ее переменятся,
не скрипят зубами молочными.
Вот сидит она, непричастная,
непричесанная, нет ведь надобности,
и рука ее не при часиках,
и лицо ее не при радости.
Как ей хмурится, как ей горбится,
непрочитанной, обездоленной?
Вся душа ее в белой горнице,
ну а горница недостроена.
Вот и все дела, мама-вишенка,
вот такие вот, непригожие.
Почему она просто лишенка,
не гостиная, не прихожая?
Что мне делать с ней, отлюбившему,
отходившему к бабам легкого?
Подарить на грудь бусы лишние,
навести румян неба лётного?
Ничего-то в ней не раскается,

ничего-то в ней не разбудится.
Отвернет лицо, хрустнет пальцами,
незнакомо, страшно напудрится.
Я приеду к ней как-то пьяненьким,
завалюсь во двор, стану окна бить,
а в моем пальто кулек пряников,
а еще потом что жевать и пить.
Выходи, скажу, девка подлая,
говорить, хочу все, что на сердце.
А она в ответ: ты не подлинный,
ты вали к другой, а то хватится.
И опять закат свитра тертого,
и опять рассвет мира нового,
черный снег да снег, только в чем-то мы
виноваты все невиновные.
Я иду домой, словно в озеро,
карасем иду из мошны.
Стольких женщин мы к черту бросили,
скольким сами мы не нужны.
Эта женщина с кожей тоненькой,
этой женщине из изгнания
будет гроб стоять в пятом томике
неизвестного мне издания.
Я иду домой, не юлю.
Пять лягавых я наколол.
Мир обидели, как юлу.
Завели, забыв, на кого.

Владимир Алейников

* *
*

Огниво, чтиво и рыжая прядь...
Где же потомки? наверно, в потемках.
Незачем брать, нечего взять
в черную магию тощей котомки.
Мальчики жгут голубые костры,
пальцы жгутым и надкушены губы.

Головоломкою нашей поры
 лжете в горах, довели перелюбы
 до... Перемелят ли нашу печаль
 волны?.. стучит и царапает днище,
 вороном вьется... (не замечал —
 завтра черед! и в могиле отыщет!)
 Заспаны лица. Проспали потоп —
 снова проспят. Недоспавших пытайте —
 если расскажут, будет потом
 огниво, чтиво и рукосплетанье.

Юрий Кублановский

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ «АРЛЕКИН»

Вл. Алейникову

Когда под вечер скрипит перо,
 и светит фосфор в людской кости,
 на зимнюю улицу выходит Пьеро
 и говорит: «Господь, прости».
 Мальчик маленький, голубок,
 что за песенку достонал.
 Локон женщины голубой
 из кармашка все доставал.
 Точно льдом разорвало рот,
 губы красные в пол-лица.
 Ваша роль, Пьеро, ваша роль
 не доиграна до конца...
 Завтра вечером и опять —
 но в заснеженной стороне,
 где на землю поэт упал,
 быть проталине и траве.

Р. S.

На углу, где задутый ветер шал,
 с большими губами и томиком Данте,
 опершись ногами в оледенелый шар,
 стоят Земные Комедианты.

Сергей Морозов

Я выдумал велосипед,
тот трехколесный, неуклюжий,
не нужно шлепавший по лужам
я выдумал велосипед.

В век баллистических ракет
и рокировок в высших сферах
во что-то лучшее я верил
в век баллистических ракет.

Как архаичен и смешон
его клаксон — пузырь резиновый.
Среди кальсон, зимы и ЗИМов
он архаичен и смешон.

«С другим дерьмом его смешать,
в утильсырьё!» — шипят соседи.
Но сами почему-то медлят
с другим дерьмом его смешать.

У ожиданья есть конец,
я волоку его на свалку.
Я к тем колесам вечность сватаю.
Ведь ожиданью есть конец.

Но обернувшись уходя,
я вижу, как пацан зрителя
жмет на клаксон, крича:
— «Смотрите!» мне.
И я киваю головой.

В век баллистических ракет
и рокировок в высших сферах
он выбрал среди самых первых
мой трехколесный «ласапед».

Юлия Вишневская*А. С. Есенину-Вольпину*

А я лиричный циник.
Я не Брут
и,
уввы!,
не Цезарь:
моя родина —
дряхлый цензор,
мои ритмы —
сплошная проза.
Мне не жить —
я клейменный циник.
Моя речь —
прогорклая помесь,
а мой город —
чужая простынь.

А мы,
а мы неряшливые старые лакеи,
а мы запрятаны в себе,
как в стенке винтик.
Из этих стен —
не вырваться, не выйти
и даже прошлое вовеки не продать.

А мы,
а мы загадочные старые халдеи,
мы парадоксами обманываем время
и раздаем чужие города.

А мы,
а мы поэты и прочие позёры:
нас обучают и моралям, и манерам...
А мы прошлись разменной монетой
по кошелькам,
по шапкам,
по рукам.

А мы,
а мы поэты и прочие позёры,
а мы из тех,
кто остается неспасенным,
которые подарены векам.

Я терпимый больной философ:
моя родина —
дальний город,
мои ритмы —
сплошная горечь,
а мой город —
большая плеть.
Я терпимый больной философ.
Я —
любимая мысль Филона,
если только смотреть теплей.

Переосмысливать историю
в своей химической реторте.
Мы в нашей жизни,
как в Ротонде,
и наши помыслы не спят.
Не нам ли,
скептикам и стойкам,
переосмысливать историю,
недоосмысливать себя.

Макар Славков

НЕ ПРИСЛОНЯТЬСЯ!

Я знал, что будет все по-прежнему,
но тем не менее и паче
поверил разуму прозревшему,
готовому решить задачи
назревшие... Но слишком шаткими
остались к истине ступени.

Расшаркиваясь перед шавками,
слоны выросли и тупели...
Хлебнут отчаянно и солоно,
и вновь — ни холодно, ни жарко.
Сверхтолстокожее сословие
слоновье

только унижаться
способно!

Экая диковина —
по замкнутому кругу ходят.
Самой судьбою продиктовано,
чтоб шавкам их водить за хобот.
Была и мне повестка прислана,
в которой умоляли письменно
изъять из памяти неясность.
Но я остался верен принципу —
не прислоняться.

Владимир Батшев

Был монастырь
были красные стены
которые красили маляры
в белый колер за счет настоятеля
как маркёры мазали мелом бильярдные кии
по стенам бегали зайцы
и когда они пробегали мимо монахов
те испуганно крестились и говорили: откуда здесь черти?
я побежал по стенам
туда где колокол стукнул стаканом
т р а х - трах-трах и еще раз т р а х страх
стены
обвивались вокруг моей шеи
как язык колокола на шее звонаря
ко мне подошел заяц
и извинившись сказал: хотите тигров?

Ничего достоверного

*В мечте есть сторона, которая выше
действительности. В действительности
есть сторона, которая выше мечты.*

ЛЕВ ТОЛСТОЙ

*Жизнь состоит из маленьких забот и
великих мгновений.*

АВГУСТ СТРИНДБЕРГ

Ид мартовских остерегайся, Цезарь!

ПЕРВАЯ ГЛАВА

Андрей Лин вышел из ярко освещенного вестибюля «Астории».

Сумрачный блеск ночи ослепил его таинственностью. Ему мерещились встречи, остро пахнувшие близкой весной.

Март свирепствовал.

Вконец разворошил зимнее убранство. Почерневшие лохмотья его валялись у стен и оград. Ветер задумчиво пел зиме отходную. Туманы ходили караванами, очищая дороги от снежных сугробов. Город гулко и встревоженно сопровождал Андрея в его поисках пути к цели, о которой он знал очень много неопределенного и — ничего достоверного.

Одним словом, ленинградское небо дышало весной.

Андрей Лин жил сейчас только ожиданием небывалой встречи, которая круто повернет фарватер его жизни. Душа его тяжело занемогла страшным недугом ненависти. Люди невольно при-

чинили ему слишком много зла в силу закономерностей, ни им, ни ему непонятных.

Только бы изменилось течение его жизни, — тогда он изменит русло мира.

В светлые минуты, все более редкие, Андрей Лин сознавал, что родился преждевременно и поэтому не имеет права на победу. Не за что винить мир, живущий по предначертанному графику. Не только подлецы кидали в него камни. Люди с чистой совестью не менее усердно выталкивали его из жизни. Он мешал им, хотя единственной целью его было поднять их на недосыгаемый уровень.

Но таков закон — великие дела требуют гибели творцов.

А он любил жизнь и ненавидел своих палачей, вольных и невольных.

Избрав катастрофическую профессию творца нового мира, он знал, что избирает. Сделать зачерстевшие души, с непроницаемой наледью жестокости, теплыми и нежными, было несравненно труднее, чем растопить ледяные панцири Антарктиды и айсберги полярных морей. За эти грандиозные дела уже принимались всерьез. В тишине и грохоте лабораторий отважные громовержцы вели богатырское единоборство с космосом. Но в большинстве мастерских человеческих душ было душно, пыльно и веяло скукой повседневности. Немоцные старцы и худосочные юнцы с трясущимися руками производили на свет невзрачных гомункулов и страховидных роботов. Над миром нависла угроза душевного обнищания.

Но об этом никто не думал.

Всем казалось, что на планете, которую мастера техники спешно оборудовали новейшими удобствами, автоматически наступит красивая жизнь как естественное следствие трудовых усилий.

Было уже немало сделано.

Этого не мог отрицать даже сумрачно настроенный Андрей Лин.

Сделано чрезвычайно много, — утверждали оптимисты. И втихомолку, боясь услышать опасное признание из собственных уст, перешептывались о том, что жизнь почему-то не хорошеет, не разглаживаются на ее лице морщины озабоченности, слишком выразительны следы излишеств и пороков. И даже у тех, кого время и людская молва вознесли в сонм избранных, все чаще обнаруживались душевные язвы и нечистые помыслы. Так что Андрей Лин, подобно Фоме Неверному, не поверившему в вознесение Богородицы, потребовал доказательств, но не видел, чтоб

кто-то ему сбросил спасательный пояс, как это сделала святая Дева.

Особенно тревожили молодые. В их буйной поросли было очень много растущих вкривь и вкось. Отцы, которыми гордился народ, вырастили детей, которых сами стыдились.

Все это внушало большую тревогу за будущее Андрею Лину, знавшему источник беды. Худшие стороны зла не отсекаются, даже культивируются новые ростки старого зла.

Андрея обвиняли в том, что он клеветает на действительность. Дом его опустел. Друзья смотрели на него с опаской, и в один год, — Андрей не назвал его прекрасным, — дружно и единодушно отвернулись от него. Преуспевающие перестали его замечать, когда Николай Сергеевич Арзамасов оборвал с ним разговор на полуслове и ушел, не прощаясь, сделав вид, что даже и не оскорбил Андрея, а вел себя обычно, как надлежит новобарину из самоновейшего синклита.

Андрей закрыл поплотнее дверь своего дома, чтобы избежать вторжения еще более горьких обид. К несчастью, он был легко уязвим, и даже легкие раны у него подолгу не заживали.

Андрей Лин любил жизнь страстно, с той острой безнадежностью, не переходящей, однако, в отчаяние, с какой обычно привязываются к бытию пессимисты. Никто так сильно не любит, как влюбленные, потерявшие надежду на взаимность.

Однако сказать о живом еще человеке, что он потерял надежду, значит — заведомо солгать.

Даже отчетливо сознавая себя на смертном одре и уловив обострившимся до предела слухом заботливо-хозяйский шопот наследников, человек не доходит до отчаяния, и голос последней надежды замирает одновременно с последним вздохом.

Андрей постоянно вспоминал страшные слова любимившегося ему Константина Паустовского:

«Совершенно непонятно было то обстоятельство, что на протяжении жизни я, как и каждый, не позволял себе жить по велению своего сердца, а был занят только как будто неотложными делами».

Значит, даже он, единственный, не живет по велению сердца. На что же тогда надеяться?

Однако теперь Андрей жил по велению сердца. И поначалу ему казалось, что это выход из тупика, в который он так неожиданно попал.

Несчастье его заключалось в том, что он был гений без портфеля. Избрав столь рискованное ристалище для бега наперегонки

с самой жизнью, он жадно набросился на все науки и искусства, вплоть до электроники и классического балета. Писал маслом, акварелью, пером, играл, строил дома, врвался повсюду, как резкий ветер. Но все поспешно закрывали двери и форточки, чтобы не дуло. Разумеется те, от которых это зависело, простые люди очень даже хотели, чтоб на них подуло свежим воздухом.

Очутившись в полном одиночестве, Андрей почувствовал себя не в раю, не в башне из слоновой кости, а в одиночной камере. Он поразился этому несомненному факту, в который трудно было поверить. Незаурядные люди замыкались в себе, в башнях, пещерах, монашеских кельях. Но все это лишь разновидности обыкновенной могилы, — пусть не на общедоступном кладбище. Он с пронизывающей болью ощущал могильный холод и убедился, что теплый луч из глаз друга, брата, любимой столь же необходим для жизни, как луч солнца. Чтоб переделать мир, надо любить людей, ибо мир — это прежде всего люди.

И теперь он жил только этой мыслью — вновь сблизиться с людьми, найти к ним путь, полюбить их.

Это было самое большое веление его сердца.

Но как?

Все его попытки разбивались, как хрупкие бокалы, упавшие на каменные плиты.

Арзамасов обвинял его в том, что он противопоставляет себя всем.

— В ваших словах и поступках чувствуется, — говорил он, — что вы пренебрегаете практикой партийной жизни. Разве она не оправдала себя в глазах народа?

— Но я стремлюсь только улучшить ее, поднять на новый уровень.

— Не вам этим заниматься. На то есть руководство.

Андрею казалось, что слова эти падают на него как холодные капли дождя из серых ледяных глаз Арзамасова. У него похолодели даже руки.

Так, потерпев крушение в попытках сблизиться с людьми, которых он знал давно, Андрей Лин, на грани тоскливой безнадежности зимы, которую он выпроваживал с испепеляющим нетерпением, буйствовал вместе с метельным мартом, чтобы потом, надъшавшись до отказа апрельской свежестью, ринуться по-майским неистовым дорогам, с озерами цветов, разлившимися по обочинам дорог, которые сами ведут путника к неведомому счастью. Но никогда не доводят. Только разойдешься, и не заметишь, как

осенние ливни погасят пылающие Стожары, — а без них и дорога пресекается, словно тропа, приведшая в болото. Всегда останавливался на черном рубеже осенней ночи Андрей Лин, и казалось ему — навсегда. До самого марта казалось.

Ему приходилось делать всё больше усилий, чтобы сдвинуть время с мертвой точки. Оно застывало на его глазах, вмерзало ледяной глыбой в землю, и казалось ему, что ничто ее не сдвинет и никогда не побегут вешние ручьи. Если бы на юг! Там, где круглый год все цветет. Но в тех краях не говорили по-русски. А без сладко пьянящих струй божественной русской речи он не мог жить, как без воздуха, хлеба и воды.

Может быть многие возразят, и не без основания скажут, что Андрей Лин тоже не живет по велению сердца.

Но только на первый взгляд он жил не так.

Как и многие его сверстники, он делал что-то незначительное, хотя мог бы ворочать горы. Это была случайная работа инструктора министерства культуры. Так же, как миллионы других, он писал какие-то бумажки, кого-то поучал, сам толком не зная, зачем и кому это нужно. Андрей считал работой лишь труд, который давал людям пищу, вещи, книги, музыку. Все остальное он пренебрежительно называл пустой тратой времени. Если человек что-либо умеет делать и любит свой труд, он не нуждается в том, чтобы его поучали и подталкивали. Андрей Лин уже давно заметил, что так называемые руководители и инструктора знали гораздо меньше в любой области, чем рабочий народ, который их только терпел, с молчаливой иронией выслушивая их пустоপরোжные речи.

Он знал также, что изменить этого нельзя, — бездельников этих слишком много и они сделают все от них зависящее, чтобы отстоять свое паразитическое существование.

И, однако, Андрей жил по велению сердца.

Искал человека, который облегчит его ношу.

Он уже осознал трагичность своего преждевременного рождения и трудился для будущего, твердо убежденный, что мечта его жизни все же осуществится.

Была еще одна особенность у Андрея Лина, отличавшая его от всех остальных людей, с которыми ему приходилось сталкиваться. С людьми он именно сталкивался, и ни с кем ему еще не удалось попросту встретиться так, как это бывает на свете, как пишется в романах, — чтобы полюбить или подружиться. Андрей

сильно страдал от этого и упорно искал выхода из образовавшейся вокруг него пустоты.

Объяснение этому он вскоре нашел.

Суть в том, что он был просто человеком и не мог стать еще чем-то, в то время как окружающие были, главным образом, еще чем-то, а людьми меньше всего. Наиболее удручающим воплощением этой породы был Арзамасов. У него была неискоренимая привычка начинать разговор примерно так:

— Как партийный и советский человек я должен заметить...

— Как работник идеологического фронта я обязан сказать...

— Как облеченный доверием народа я не могу не констатировать...

— Долг отца и мужа вынуждает меня придти к заключению...

— Глазами искушенного читателя я определенно вижу и не могу не видеть...

— Обязанность главы коллектива заставляет меня решительно заявить...

— Как общественный деятель я, прежде всего остального...

Поэтому Андрей Лин чувствовал себя одиноким и незащищенным перед всеми почитателями, последователями и учениками Николая Сергеевича Арзамасова. Как ни старался Лин, он мог себя почувствовать только человеком. И то, что он работал в области культуры, Андрей ощущал как что-то внешнее, ни в малой степени не выражающее его сущности.

Что же выражало его сущность?

Этого он и сам не знал. Будучи человеком нескромным и притязательным, он только чувствовал и понимал величие своей человечности. Этим даром он был наделен даже сверх меры, так что его душа превратилась в чувствилище, остро реагирующее на все добродетели, которые воспринимал хуже, чем любые пороки. И такая цельная натура как Арзамасов, выступавший сразу как семеро, повергала его в пучину страха, неуверенности и самоуничтожения. Он ступевывался перед ним, — как и перед прочими, выступавшими во многих личинах, надетых ими на себя как некие нагрузки времени, — так как он всегда был в единственном числе — человек, и никто больше.

Хотя Андрей Лин и не придавал значения доносившимся до него пересудам и более или менее явно выраженным симпатиям и антипатиям, однако, он и сам не мог себя оценить. Считая всех положительных героев более чем сомнительными, он находил горькое удовлетворение, глядя сквозь магический кристалл на

свою душу — сокровище, которое ему не даст разориться, как бы его ни громили все, кому не лень.

Может быть поэтому он никогда ничем не поступался, не шел ни на малейшие компромиссы. Он хорошо знал, что бессовестность — это бездушие, замена человеческой души универсальным агрегатом, который легко прилаживается ко всем обстоятельствам и условиям существования. Он также отлично знал, что жить и существовать понятия несоизмеримые, и отказывался от любых материальных благ, если для этого надо было снизить душевный потенциал хотя бы на одну иоту.

Мне пришлось так много рассказать об Андрее Лине, о его сокровенных думах и чувствах, что я опасаясь нареканий. Читатели вправе меня обвинить в смертном грехе многословия. Но дело в том, что Андрей Лин сам о себе ничего не говорит, не совершает почти никаких поступков, ничем не обнаруживает своих настроений, и может пройти по жизни как тень от легкого облака. Не скрою — мало кто его любил, а все больше ненавидели. И я даже не стремлюсь его оправдать. Ведь узнав эти подробности, читатели к нему отнесутся по-разному, ибо каждый человек — неограниченный владыка мира, сам устанавливает для него законы, не стесняется в симпатиях и мнениях, и если подчиняется чужим, то лишь из-под палки. Недаром так почитают всюду людей, держащих в руках дубинку. Поэтому Андрей Лин выбирал для своих прогулок и размышлений отдаленные рощи, запущенные парки, печальные поля, недавно скошенные нивы, пустыри и окраины, где шатаются бродяги и недобродетельные люди.

Не только окружающие недолюбливали Андрея. Он и сам не склонен был себя хвалить. Ведь у него были только хорошие намерения.

И вот он бродил по свету, бережно храня в себе мечту о нечаянной встрече. С мужчиной или женщиной. Но, прежде всего, с человеком.

Покажется более чем странным, что в последнее время он искал таких встреч в барах среднего разряда, хотя он сам почти не пил. Ему незачем было искать утешения в хмельных напитках. Он и без вина был всегда в каком-то чаду.

В ночном сумраке Андрей ощущал непрестанно морозящий дождик, который невозможно разглядеть даже на ярко освещенных площадях. Сквозь окно казалось, что только легкая рябь

кольшет воздух, чуть-чуть уплотнившийся, с темным стекло-видным отливом.

Город был прекрасен.

Его печаль и слезы струились по вдохновенному лицу, светлomu, как северная ночь. Голубоватый свет лился из далеких миров, еще не имевших названия. На Литейном, где по преданию жила Пиковая Дама, он надеялся встретить Лизу, а может быть и Германа. Мягкий дождь долго его уговаривал и, наконец, уговорил зайти в бар «Новая Бавария». Ему уже случалось здесь бывать. В баре было достаточнолюдно и шумно, чтобы можно было размышлять наедине, пиво подавали свежее, кавказские блюда приносили молодые женщины с подведенными глазами, разочарованные навеки, но в них было что-то неожиданное, словно они знали многое, что было неведомо ему, знакомому со всеми вымыслами великих соблазнительей.

Андрей медленно брел между столиками, разыскивая свободное место.

Его окликнула молодая женщина. Голос у нее был звонкий, девичий, руки — почти детские, золотые браслеты на узких запястьях. Андрей неловко поклонился. Он был смущен. Незнакомка звучала как увертюра из «Кармен». Синева миндалевидных глаз оглушила его. Легкая дрожь и шум в ушах не прошли еще, когда она заговорила, — будто вступили снова скрипки, заглушая валторны и фаготы:

— Садитесь с нами... Свободных столиков нет, а лучшей компании вы не найдете. Мы уже давно кутим и можем развеселить... Не правда ли, Игорек? — повернула она голову к сидевшему рядом с ней человеку маленького роста. Он был ниже ее на целую голову, с большой шапкой иссиня-черных волос, сумасшедшими глазами, в рубашке с расстегнутым воротом, хотя на улице была еще мартовская зима.

Он ответил сиплым голосом, не предвещавшим ничего хорошего:

— Садись, братуха... Я, понимаешь, моряк... Две недели как вернулся из дальнего плавания, почти весь мир повидал — хреновина! А это, — он кивнул головой в сторону своей соседки, — Алька... Я ее любовник или в этом роде. Муж ее — профессор географии... На прошлой неделе, понимаешь, такая выпшла каверза, вернулся он из университета, в аккурат лекцию читал об Индии, а дома у него тоже индийское чудо, застал меня со своей благоверной в супружеской постели... Ну, мы с ним поговорили по душам. Разговор у нас вышел аккуратный, как полагается

между благородными людьми. С полным соблюдением этикета... Ну, не совсем полным. Понимаешь, неловко было, что мы с Алькой были совсем раздеты, а одежда лежала на стуле в другом конце комнаты. Ну, так и поговорили. Он — интеллигент. Сказал, в общем, что это наше личное дело, а потом просил, — когда я уже ушел, — значит, Альку просил не уходить от него — согласен мол на все — только бы она с ним тоже... Между прочим девка-брильянт, цены нет...

Женщина слушала внимательно. Ее длинные ресницы спокойно лежали на глазах, прикрывая их, как упавшие листья тихую гладь озера. Опять прозвенел ее голос:

— Ты пьян, Игорьь.

— Я всегда пьян. Спроси ее — можно ли быть с ней трезвым?

Она тихо произнесла:

— Муж — хороший человек. Даже слишком хороший. Уверяю вас, мне так давно хочется его любить...

Игорь перебил ее:

— Никого ты не можешь любить... А как тебя зовут, братуха? Андрей... Хорошее имечко, когда-то наш флаг морской назывался андреевским... Ну, давай, пей, Андрюша... Давай, веселись, Андрюша, а то втюришься сразу в Альку, и пропадешь ни за что, ни про что.

Андрей тихо сказал:

— Я вас должен предупредить, друзья, что я — служитель муз, то есть человек легкомысленный и ненадежный...

— Вы писатель? — испуганно спросила Аля.

— Можеть быть... Но жанры — слабая преграда для людей, придумывающих разные соблазны. Под влиянием красивых глаз я способен на все, и за себя не ручаюсь.

— Я же говорил, — расхохотался Игорь. — И оклеветать можете под влиянием красивых глаз... Это я не про тебя, а вообще про вашего брата.

— Смотря с чьей точки зрения, — сказал Андрей. — Сейчас в мире водятся такие деятели, которые склонны самую чистую правду назвать грязной клеветой. В искусстве не существует эталонов, одобренных всеми.

Аля посмотрела на него требовательно и строго:

— Ну хорошо, допустим, что вы на все способны, хотя я в этом сомневаюсь...

— Почему сомневаешься? — крикнул Игорь, глядя на нее с подозрением, — если ты хочешь сказать, что тоже на все способна, то знай, что я тебя все равно зарежу.

Аля широко раскрыла глаза, а Андрей вздрогнул. «Боже, как она отчаянно хороша, — подумал он со страхом, — она действительно может легко столкнуть человека в бездну».

Не глядя на Игоря, и даже как будто не расслышав его слов, Аля медленно продолжала, не отрывая глаз от Андрея, следившего за ней с покорностью и страстной преданностью добровольного раба:

— Вы только вообразите в любом жанре, — для меня это безразлично, — что вы способны на все. Пусть это будет повесть, которая повергнет всех в изумление, трепет и негодование... Всех серьезных, легкомысленных и вообще живых людей — их не так уж много. Чтобы доставить вам удовольствие, — конечно, если вы это сделаете, — я уговорю Игоря, чтобы он подождал меня резать и на время подчинился всем моим безрассудствам. Посмотрим, что из этого получится. Я вам серьезно говорю, Андрей, что вы ничуть не пожалеете, и даже благодарить меня будете... И повернувшись к Игорю: — А в твою любовь я и так верю. Бросать тебя не собираюсь. К чему же такие мелодраматические эффекты? И потом, согласишься, что будет более справедливо и эстетично с твоей точки зрения, если уж тебе невтерпеж, устранить себя. Ведь ты сам говорил не раз, что я умею доставлять людям наслаждения и муки, которым цены нет. Зачем же уничтожать такое сокровище? Ты то ведь никому еще особенных наслаждений и мук не доставил. И мне — только среднее удовольствие, которое я умею ценить.

Сказав все это, Аля, уставшая от какого-то неясного напряжения, откинулась на спинку стула.

— Чёрт побери! — прохрипел Игорь. — И наклонившись к Андрею, страшновато поблескивая зелеными, таинственными как далекие миры, мерцающими глазами, полушепотом начал бубнить: — Ей-Богу ты мне кажешься подходящим парнем... Так что давай вместе веселиться... Но уж вовек!

Вокруг хрустальных люстр под раскрашенным плафоном плыли серые облака дыма и пара, пахнувшего прогорклой сыростью, окурками, винным перегаром и горячим бараньим салом. Но было что-то и небесное, — лазурь и сияние Кассиопеи, — может быть потому, что близко сидела Аля. Так показалось Андрею и казалось еще долго...

И давайте условимся на сегодня, товарищи: пусть всё, что кажется Андрею Лину, будет для вас непреложной правдой. А то ведь мы ни до чего не договоримся, сколько бы вы ни возражали и ни убеждали меня. И правда эта — Андрея, а не моя. Я его совершенно не уговаривал, ни к чему не вынуждал, невзирая на наше близкое родство, о котором вы, вероятно, уже догадались. И прошу вас, пожалуйста не грозите ему, а то вы его совсем замучите. Человеку все грозят — и начальники, и редактора, и пьяный в доску Игорь недвусмысленно, хоть и молчаливо, угрожает его зарезать.

Игорь так и говорит, кося волчьим глазом:

— Я вижу, ты уже начинаешь влюбляться в Андриюшу... Так что пока я всё ничего... До утра, одним словом.

— Ну, этого, пожалуй, достаточно, — сказала Аля. — За это время Андрей, если у него есть талант, сумеет создать целый роман. Поэтому, Игорь, нам надо быть для него хорошими товарищами и помощниками. Дадим ему материал. Он безусловно это заслужил. Хотя бы потому, что ты ведь почти промотался, а я чувствую, что он хочет нас угостить, и не пожалеет всех своих командировочных.

— Да? Не пожалеешь? — горячо задышал Игорь, сверля своими глазками побледневшее лицо Андрея.

Музыканты заиграли танго, Аля увлекла Андрея. Но он еще успел сказать:

— У меня — семьсот рублей, они мне не нужны...

— В таком случае я ничего не понимаю, — сказал Игорь.

— Видали этого фраера? — обратился он к гражданину за соседним столиком, мрачно пившему водку в полном одиночестве. — Он подцепил зря брильянтовую девченку, цена ей миллион долларов, и он такой добросовестный, что отдает свои последние.

Мрачный субъект стукнул стопкой и сказал:

— У него может быть еще сто тысяч на книжке припасено. Откуда ты можешь знать? Вид у него злодейский.

— А ты его разглядел? — усомнился Игорь.

— Нет... Я ни на кого не смотрю. Но раз на него тянет такую девочку...

— А ее-то хоть разглядел?

— Нет... Я же тебе сказал, что ни на кого не смотрю.

— Дурак!

— От дурака слышу.

— Ну, я вижу, ты подходящий парень. Чего тебе одному пропадать? Иди к нашему столу.

— А те? — кивнул он в сторону танцующих.

— Плевать. Он же объявил, что ставит семьсот.

— Больше поставит.

— Тем более. Стесняться не будем. Сам напросился. Притом девчонка — брильянт... Миллион долларов.

— Ты меня не уговаривай — девки мне ни к чему... И тебе не советую — пропадешь. Хотя, без них тоже пропадешь. Ну ладно, чёрт с тобой, пропадай как хочешь.

— Давай на пару.

— Какая я тебе пара? Я и не думаю пропадать. Я же сказал тебе, что девки мне ни к чему, ни на кого не смотрю, а выпить — от этого не пропадешь. Тысячу лет пьем, а не пропали. Так что меня надолго хватит.

— Ну, брось насчет политики. Я моряк и политикой не занимаюсь. Ты кто?

— Ветеринар. Только лошадей почти не стало. Я лошадей любил.

— А говорил — только вино.

— Погоди, дурак, я может быть от того и к вину пристрастился, что любовь свою единственную потерял. Людей никогда не любил, баб не подпускал сорок семь лет, годовалым мать кусал, ни одна не окрутила меня. Только лошадей любил. Эх, вы кони, мои кони! А теперь нету их. Приходится только разную мелкую тварь лечить — кошек, собак. Не люблю я их. Эти комнатные твари больно уж очеловечились. А конь к человеку не подлаживается, нрав свой свято бережет.

— Так... Ну, давай, садись с нами.

— Мрачный, — сказал сосед и протянул руку Игорю.

— И сам вижу, что не приветливый.

— Это фамилия моя — Мрачный. А сам я как все — ни то, ни сё.

Вернулись Аля и Андрей. Они были полны друг другом, плохо замечали окружающих. Игорь старался не видеть того, что надвигалось неизбежно и грозило осложнениями.

Оставалось лишь пять дней до отплытия в Сан-Франциско. Оттуда предстоял заход в Йокогаму. Али он больше не увидит, — он не был уверен, что сможет без нее жить. Деньги пропиты. Он еще надеялся занять у капитана, положительного героя, весьма бережливого. Думал о том, не имеет ли смысла задушить Алю и поехать на Нерчинские рудники добывать железо. Все это было

нелегко. Водка и джаз окончательно спутали его мысли. Да и вообще он не очень умел думать — занятие опасное, словно вести корабль среди коралловых рифов в узком проливе.

Становилось чадно. В длинных и узких стеклянных запыленных вазах тоскливо млели бумажные розаны, желтые и красные. Журная буфетчица презрительно глядела на стойку, от которой пахло пролитой водкой. Она злилась — зачем сюда ходит эта рыжая с моряком? Когда приходила Аля, почему-то облюбовавшая это заведение, все смотрели на нее, а не на буфетчицу, обладательницу монументальных форм, от которых бесились ху досочные продавцы из Пассажа.

Игорь сказал:

— Давайте говорить о чем-нибудь отвлеченном, иначе Андрюшка пропадет от тебя... Слышишь, Алька?

— Например... — сказал Мрачный.

— Ну, например, о всеобщем счастье.

— Например? — снова повторил Мрачный. — Как это так — счастье? Примером объяснить надо, что это за штукавина.

— Вот бестолочь! — пожал плечами Игорь. — Ну, например, если б тебя полюбила... не лошадь, конечно, а Аля, — ты был бы счастлив, дурак, как персидский царь Крез.

— Сударыня, — наклонил голову Мрачный, исподлобья взглянув на Алю, — сударыня, неужто вы полагаете, что вас хватит на всех.

— А вы почему знаете? Может и хватит.

— Брильянтовая... Миллион долларов... — прохрипел Игорь.

— Это глупость, чепуха... для всех, — сказал Мрачный.

— Вы хотите сказать... — обратился к нему Андрей.

Мрачный положил волосатые руки на стол и заговорил:

— Я могу вам вкратце изложить свою теорию, поскольку вы платите за водку. Я не философ, а ветеринар, времени у меня много, делать почти нечего. Я тоже думал. Даже начал с того, что хотел весь мир облагодетельствовать, как вы, сударыня, и кончил тем, что... — он опорожнил свой стакан, крикнул, и старался вспомнить, о чем говорил. — Стремление устроить всеобщее благоденствие всене непременно приведет ко всеобщему повальному бедствию. По этому поводу мною написано двадцать общих тетрадей, но я кратко... Вообще я пришел в процессе размышлений к неожиданному и ошеломляющему выводу, а именно: всякое стремление отдельного человека или всего общества в целом приводит к диаметрально противоположным результатам. Революции — это вроде фейерверка на воскресной гулянке. Еще хорошо,

если дело кончается Наполеоном. Еще хорошо — говорю я. Наполеон — это еще цветочки... И вы, мадам, обладая несомненным даром приносить людям счастье своей лучезарной красотой, можете только приносить бедствия. И, наверно, загубили немало душ. Я и сам мог бы от вас погибнуть, но, вооруженный своей теорией, я застрахован и на практике. А этот щенок, — указал он волосатой рукой на Игоря, — полез, и ему амба. И этому, — указал он пальцем на Андрея, — тоже амба... По этому случаю выпьем...

— Ваша теория потрясла меня, — сказал Андрей. — Но я ее опровергну. Вы правы потому, что все делают не то и не так. Но я научу людей.

— Вы уже нас научили. Вы платите за ужин, и потому мы вас готовы считать апостолом.

— Будем сыты и пьяны, это уже много значит. Только вот Алька... — сказал Игорь.

— Это мы еще посмотрим! — в глазах Али блеснули синие молнии. — Как бы вам не пришлось взять свои слова обратно.

— Очень может статься и не возьмем, — ехидно, с неожиданно потрезвевшими глазами сказал моряк. — Как зажжет она свой фонарь Иуды, белый свет другим становится, и от самого имени своего откажешься.

— Сударь, вы меланхолик, — сказал Мрачный. — А между прочим — не стоит. Ведь все это — спектакль, так что расстраиваться глупо. Выпьем за ваше несчастье, товарищи моряк и писатель!

Он поднял свой стакан, но Андрей даже рукой не пошевелил.

— Послушайте, Мрачный, — сказал он, — ваша философия не стоит яичной скорлупы. Несчастье — то же самое, что затмение солнца. И только невежды могут думать, что тьма наступила навечно. Ваша философия напоминает мне знаменитую «Анатомию меланхолии» Роберта Бертона. Ему тоже мир казался кляузным учреждением, кладовой нелепостей и безрассудств, нудным спектаклем. Но любопытно, что Энгельс, по собственному признанию в письме к Лампле, испытывал постоянное наслаждение, читая эту мрачную книгу. Ваша философия прелестна, и я охотно смеюсь, — счастья у меня не отнимут, хотя я еще не достиг его.

— Вы деревообделочник, — сказал Мрачный, — без лака ни на шаг.

— Для ясности замнем, — сказал моряк. — Собрались тоже

горе-философы. Давайте лучше пить, а то совсем с вами отрезвеешь.

— Верно, — сказала Аля. — Мы для этого и пришли сюда. И вообще, истины надо доказывать на деле. Если вы писатель, Андрей, то должны знать, что истины давно похоронены на дне чернильницы вместе с дохлыми мухами и воскрешать их не стоит. А в жизни — все ново. Каждый вечер мир заново рождается, каждую ночь безумствует и на заре умирает, чтобы вновь воскреснуть вечером. Выпьем за роман сегодняшней ночи, — если Андрей сумеет его создать. Но не забывайте, что ничего исправить нельзя. Завтра для вас не будет.

*

Но увлеченный несбыточными надеждами, я не обратил внимания на ее вещие слова, потерял бдительность, и такое пошло...

Тут я вынужден был удалиться.

Мужчины начали сильно пить, а я этого не переношу. Но к удивлению своему должен сказать, что после того как я удалился, действие развернулось чрезвычайно бурно и стремительно. Говорю я это, чтоб никто меня не обвинил в каких-то перегибах или недогляде. Я не гувернер, не берусь воспитывать своих героев, а особенно — их переделывать, и если они, воспользовавшись моим уходом, начудили, это их дело.

Аля и сама не предполагала, что так получится.

Все дальнейшее я рассказываю с ее слов, и так как она женщина с фантазией, то может быть все произошло и не совсем так. Хотя она поразительно правдива.

Она видела, что Андрей передергивает, а потом уж вовсе стал наливать себе лимонад. Сама она в это время думала о том, что все ее почему-то любят — и притом, обычно, с первого взгляда, а она, как ни старалась — никого, и это, пожалуй, бессовестно.

Теперь ей показалось, что она может полюбить Андрея. Правда, это тоже могло быть иллюзией. Она была достаточно трезвой, чтобы оценить экстравагантную романтику знакомства, обстановки и прочего реквизита, достаточного для того, чтобы сварганить первосортную иллюзию. А может быть это очень серьезно? Но, с другой стороны, раз уж он сам напросился и заявил, что и без нее вполне может не быть несчастным...

Аля долго ломала голову, не зная как все это совместить —

осчастливить Андрея, одновременно сделав его глубоко несчастным.

Хорошо еще, что я обладаю некоторой способностью подглядывать за тем, как резвятся и озорничают человеческие души, даже на большом расстоянии от их обладателей. Мой магический кристалл позволяет видеть их забавы. Но не завидуйте мне. Это совсем не то, что подглядеть красотку на пляже, даже такую неотразимую как Аля.

Все злодеяния и пакости человека — ничто, сущие пустяки в сравнении с теми оргиями, которые он позволяет себе в душе, в полном одиночестве, уверенный, что свидетелей нет и быть не может. Если бы удалось каким-нибудь чудесным аппаратом сфотографировать переживания душ, то все в ужасе отшатнулись и, пожалуй, сожгли бы все телевизоры.

Так что не завидуйте — мне и самому часто жизнь не мила. Вы что же думаете, — приятно всю эту скверну видеть? Я так люблю все прекрасное, мне хотелось бы рассказывать об ангелах...

В это время в душе Али созрел план. Ну, хоть бы она решила соблюсти очередность — сначала осчастливить, а потом наказывать... Нет, — ей надо было сделать так, чтобы человек, только почувствовав вкус счастья ночью, уже на заре нового дня ощутил с такой же силой горечь беды.

Ну, хорошо... Дальше было так.

Может быть всего этого и не случилось, если бы Андрей Лин, понеся столь чувствительные потери в жизни, в этот переломный вечер долгожданной встречи с тем, что могло стать его счастьем, не потерял присутствующего ему самообладания.

И даже явно ощутив и осознав, что теряет его, Андрей с хладнокровием тонущего пловца подумал:

— А зачем мне обладать собой, теперь, когда у меня есть шанс ценой этой невеликой потери хотя бы одну ночь обладать всем миром?

Должно быть, прочтя это на его побледневшем лице, Аля неожиданно сказала:

— Андрей, заплати по счету и поедем.

Соседей по столу она явно не принимала в расчет, хотя те смотрели на них во все глаза. От услышанного «ты» Мрачный даже громко икнул. Морячок расстегнул еще одну пуговицу на своей помятой рубашке.

По дороге в гостиницу «Астория» они оба дрожали, тесно прижавшись в тесном кузове машины. Приближался решительный час битвы. Оба были уверены в победе и дрожали не от страха, а от приближения к цели. Может быть и от того, что это уже больше никогда не повторится? Или от возникших опасений? Удастся удержать в руках синюю птицу? — А вдруг выскользнет — в клетку ее не посадишь — пусть хоть и в золотую... Как все сражающиеся, они не знали той простейшей истины, что сегодня победы невозможны уже ни на каком плацдарме — ни на поле брани, ни в сердце, ни в разуме.

Андрей Лин всегда умел не только умерять, но и совсем отталкивать, рассеивать и уничтожать желания даже большого накала, вожделения, доходящие до страсти, расстреливал их баллистическими ракетами, несшими заряды мыслей высочайшего напряжения. Его запас мыслительной энергии высокого потенциала мог убить любую страсть, и он был неисчерпаем.

Но сейчас Андрей сделал то, чего еще не позволял себе никогда — выключил рубильник, и желания начали свое яростное и безудержное наступление.

Впоследствии он понял, что только так разоружившись, можно быть счастливым.

При этих маловероятных и почти немислимых обстоятельствах, однако внешне ничем не выраженных, ими двумя были созданы величайшие ценности почти космического значения. Неслучайно же они потрясли Андрея Лина больше, чем все исторические смуты, которым люди дают разные названия. Это было нечто такое, о чем нельзя было высказать никаких суждений, пользуясь хорошо известными законами логики и психологии — они не допускали измерений ни в каких мерах и масштабах. Время, пространство и сама жизнь уже превращались в незначительные величины, которыми можно было пренебречь. Это не было ни большим ни маленьким, ни высоким ни низким, ни хорошим ни дурным, — но это было всем — мировой гармонией, о которой нельзя было ничего сказать, — симфония без программы — творчество, которое нельзя было назвать ни коллективным, ни индивидуальным, творчество вневличное и вневременное, акт превращения человека в бога, доведение жизни до бессмертного перла творения.

У Андрея и Али, при всей беспорядочности их блужданий, сохранился душевный запас молодости, без которого ни творче-

ство, ни счастье невозможны. И эта взрывчатая сила несла их с такой скоростью, что они ничего не понимали.

Можно ли описать, что переживают люди, когда они становятся богами? Думаю, что эта тайна не будет раскрыта, — смертным она не под силу.

Впервые отвернувшись от мира, который он так страстно хотел пересоздать, Андрей, однако, не испытывал угрызений совести, — его рассудок молчал и некому было произнести приговор.

Я еще не вернулся к своим героям. Пока они предоставлены самим себе. Но это вовсе не означает, что я вам позволю думать насчет происходящего в номере гостиницы «Астория» какие-нибудь стандартные фривольности.

Не гоняясь за высокими словами, которые всегда улепетывают, как только мое перо пытается зацепить их острием, и становятся маленькими и невзрачными, я не стану, в стотысячный раз распространяться о необыкновенных чувствах, о любви, но скажу лишь, что двое — никак не больше, — повернувшись лицом друг к другу и спиной к остальному миру, могут сотворить такие чудеса, для которых все высокие слова — пустые и бесцветные звуки.

Боясь всяких слов, условностей, условий, Аля и Андрей ни о чем не говорят, ни в чем не уславливаются, может быть они даже пьяны или полагают, что все это происходит во сне.

Но Андрей вдруг замечает, что Али нет.

Это тоже во сне?

Нет, — это явно не сон. Ее действительно нет. И это потрясает его с такой силой, что он не в состоянии пошевелить рукой, позвать на помощь, вновь начать жить... Сereет мгlistый рассвет, клубится туман, на площади гаснут фонари, а бурая громада Исаакия как призрак плывет по пустынному небу. На бархатной скатерти с вышитыми розанами тускло поблескивает бронзовая лампа — Амур и Психея касаются медными губами, под ними вянут неправдоподобные розы. И Андрей, как всегда во время сильных потрясений, постепенно теряет ощущение действительности, машинально уходит в невидимое пространство мира, пристраивается к странице книги или мизансцене. Вот он вмонтировался в подоспевший фрагмент из Льва Толстого, где тот, заезжий прожигатель жизни, глядел на Алю, только что заполнявшую весь мир своей красотой, поцелуями, синими глазами и ему «действительно приходило в голову, что это не жен-

щина, а цветок, и не розан, а какой-то дикий бело-розовый пышный цветок, выросший один из девственного снежного сугроба в какой-нибудь очень далекой земле».

Андрей давно читал эту повесть и сейчас вспомнил с пугающей ясностью, что еще тогда строки эти властно остановили его, заставив впитывать их в себя. Они как бы проникли во все поры его существа. И кто знает, может быть с того дня он и начал искать этот дикий бело-розовый пышный цветок, один единственный в очень далекой земле.

Серый день входил в широкое окно, рассеивал мглу, изгоняя из дальних углов притаившиеся тени, и у Андрея уже не оставалось надежд, что где-то за тенью затаилась Аля.

День, обычно незаметно мелькающий в сутолоке и суете улиц, комнат, тупиков, становится огромным и нескончаемым, если с утра не окунуться в бегущий мимо поток, а беспомощно откинуться в кресле наедине со своими мыслями, воспоминаниями, книгами. Тогда до следующего утра можно пережить годы, столетия, многотомные романы, родиться и умереть, переродиться и воскреснуть, смешать сон с явью, забыть, кем ты был и не знать, кем ты стал.

Это случилось с Андреем.

Хотя ему некуда было спешить, и он даже забыл, зачем приехал в Ленинград, мысль его все еще работала лихорадочно. И если бы записать все, промелькнувшее до следующего рассвета в его голове, получился бы толстый фолиант. Усложнилось бы это дело еще тем, что он не все время чувствовал себя самим собой, а становился то тем, то другим из своих излюбленных героев, и попадал в разные места и времена, мало ему знакомые, так что лабиринт, по которому он блуждал, лежа неподвижно на постели в алькове, ширился и рос.

Больше всего его угнетала мысль, что все непоправимо. Он не мог бы объяснить почему, но был твердо убежден, что больше никогда не увидит Али.

Он знал, что всё, чем он жил до вчерашней ночи, для него сейчас отложенное дело. Может быть он еще вернется к нему..., если останется время, и кубок жизни не будет исчерпан. С каким-то вялым безразличием подумал он о том, что эти мечты наивны и беспочвенны.

Ну, пусть даже сегодня вечером во всем мире наступит всеобщее благоденствие. Все будут сыты, обуты, одеты, довольны, и даже Арзамасов куда-то скроется, все равно — он, Андрей Лин, будет так же безмерно несчастлив, потому что где-то в далекой

земле будет цвести дикий, пышный, бело-розовый цветок, которого он больше никогда не увидит.

Никогда...

Никогда...

Вдруг он вскочил и начал метаться по комнате, заглядывая во все углы и даже щели.

Нет. Никакого следа. Ни клочка бумаги. Ни волоска, невзначай оброненного. Ни шпильки. Ни тонкой струйки аромата дикого цветка.

Внезапно он вспомнил, как угрожающе она сказала:

«Это мы еще посмотрим. Как бы вам не пришлось взять свои слова обратно».

«Я на все согласен. Возьму обратно все свои слова, все свои мысли — я их отнесу, зарю в девственные сугробы в очень далекой земле, чтобы ты выросла из них, одна-единственная.

Такая страшная месть. Но разве только мне? Разве мы не вместе в эту ночь сотворили мир? Так нельзя же такой мир разрушить мгновенно, из-за прихоти...

Нет, здесь что-то другое.

Может быть она решила, что рай может существовать не больше чем одну ночь?»

ВТОРАЯ ГЛАВА

Много воды утекло с тех пор, много людей умерло, много родилось, много выросло и состарилось, еще больше родилось и умерло мыслей; много прекрасного, молодого выросло и еще больше недоросшего, уродливого, молодого появилось на свет Божий.

ЛЕВ ТОЛСТОЙ

Воспоминания о том, что было, и о том, чего не было, представления невозможные и немислимые с умопомрачительной быстротой сменялись в голове Андрея.

Все они, то сжимались в плотный комок, сплющивались в одну точку на далекой земле и там расцветал бело-розовый цветок, то вдруг широко раздвигались, вбирая в себя времена и земли, близкие и дальние.

Проходили вереницы людей и событий — рождения и смерти

— идеи и замыслы — мечты и разочарования — мысли и цветы, рождавшиеся весной и умиравшие осенью, кроме одного цветка и одной мысли.

Вот так вырос он, Андрей Лин, и казался себе, а может быть и был, чистым и достойным счастья, потому что и другим хотел его дать. Но еще больше недоросшего, уродливого, молодого появилось на свет Божий.

За окном бесшумно, как старуха с распущенными седыми косами, шаталась раскисшая мартовская метель, закрывая горизонт слезливой мутью, порой тычась плечом в окно, и тогда ее космы, как бичи, хлестали в стекла и крупные слезы стекали по ним.

И вот недоросшее и уродливое появилось на пороге комнаты в виде Игоря в сопровождении Мрачного.

— Да будет свет! — рявкнул Мрачный и повернул выключатель.

Под потолком вспыхнула люстра. В хрустальных гранях зажглись радужные огни. Лица трех стали желто-синими и всё напоминало театр. Это оживило Андрея, потому что если жизнь подходила к концу, и ему как будто нечего было делать, — можно еще принять участие в спектакле.

Игорь был все в той же помятой рубашке с расстегнутым воротом, в запятанном черном костюме. Мрачный, — тоже в черном, с красным галстуком, — безмолвно подошел к столу, неторопливо вынул из обоих карманов по бутылке водки, поставил на бархатные розаны, а моряк вытащил из бушлата коньяк, колбасу и три лимона, которые со стуком положил на стол.

В окне зазвенели стекла. Вошла девушка, сильно хлопнув дверью. Она была в белом переднике, с кружевной наколкой на голове. Ее тяжелые ресницы устало падали на синеватое лицо. Она хрипло сказала:

— Разрешите убрать.

— Не надо, — ответил Мрачный. — Принесите пива, яичницу, полдюжины соленых огурцов.

— Я передам буфетчице. Но, надо бы убрать. Непорядок. Мрачный строго посмотрел на нее:

— Порядка нет. Метель. Уборка отменяется.

Сначала пили молча.

Андрей только чокался и тут же ставил стакан на стол. Они этого не замечали. Моряк все больше бледнел. Андрею казалось, что он скоро упадет замертво. Но он продолжал пить с той же невозмутимостью.

Лениво прожевывая ломтик копченой колбасы и держа в руке дымящуюся, сильно помятую папиросу, он скосил глаза на Андрея:

— С тобой спала?

— Нет, не спала.

— Ясно, — констатировал Мрачный.

— Да, ясно, — как эхо повторил Андрей. — Она ушла и больше никогда не вернется. И ты ее тоже больше не увидишь.

— Ясно, — сказал Мрачный. — Я же тебе предсказывал, Игорь. Только не будь идиотом, не вздумай искать ее. Иначе она Бог весть что возомнит о себе. И снова пойдет у тебя мерехлюндия. — Он слегка повернул голову к Андрею. — Женщины не любят водки, они предпочитают более крепкие напитки, настоенные на наших сердцах. Но идиотов становится все меньше. Я образую партию неподдающихся никаким уговорам. Вступайте в нее. Есть большой шанс спасти мир, если не от зла, без которого жизнь невозможна, то хоть от всемирного идиотизма, грозящего перейти в повальное безумие. Я уже изложил вам свою теорию, из коей следует, что борьба за всеобщее счастье, которую вели все от христиан до папистов, может привести и приведет ко всеобщей гибели. Поэтому моя партия выдвигает программу всеобщего равнодушия и невмешательства в личную жизнь. Поскольку все стремятся к превосходству и свободе, испытывают отвращение ко всякому гнету, мы предлагаем всем народам свергнуть все власти, и соединиться в единое безгосударственное общество. Тогда наступит все остальное. По этому случаю выпьем.

Все молчали. Мрачный, поочередно оглядев сидящих за столом, продолжал:

— Сегодня каждая кухарка или шофер может лучше управлять миром, чем разные президенты и им подобные. Беда в том, что люди не могут сговориться... Я произвел подсчеты. Оказывается, почти три четверти человечества не производят никаких ценностей. И эти дармоеды еще обижаются, что плохо живут. Удивительно, что они не умирают десятками миллионов с голоду. А всяких ценностей и благ на земле столько, что есть полная возможность производить на каждую семью продуктов примерно на пятнадцать тысяч долларов в год. Но человечество почти не прикасается к этим капиталам. Сидя на сундуках с золотом, оно подыхает с голоду. Приведу лишь один пример — Африку. Это, буквально, золотое дно. И там тоже мрут с голоду. Почти не разрабатывают недр. Экспедиция Роммеля и англичан обошлись в мил-

лиарды долларов. На эти деньги можно было бы пустыню Сахару превратить в райскую страну. Но разве кто об этом думает?

— Брось трепаться, Мрачный. Кого ты думаешь уговорить, меня что ли? Я как пил водку, так и буду пить. Хрену собачьему весь этот твой мир, раз в нем не будет этой стервозы — Альки, — и вдруг мертвые глаза его загорелись, ожили. — А если она балуется? И просто сидит дома, чтобы нас подзадорить? Я сейчас поеду узнаю. А вы меня ждите здесь.

Он побежал к выходу. Оставшиеся долго молчали.

— Вы ничего не сказали по поводу моих предложений. Так что же? — спросил Мрачный.

— Бред, — откликнулся Андрей. — Словами свет не переделаешь.

А разве вы сами не заговорили себя окончательно?

В комнату вошел моряк.

Он шел вразвалку, словно не по натертому блестящему паркету, а по палубе корабля во время сильного шторма.

Подойдя к столу, он едва не свалился. Лицо его было мертвое, глаза полуприкрыты набухшими синеватыми веками. Попыталась подняться рука и бессильно упала. Мрачный налил ему стакан водки. Опаловая жидкость громко булькала, словно открыли кингстоны и морская вода врывалась в тишину, как в трюм корабля.

Вокруг все было выложено отсыревшей ватой тумана и она глушила все звуки, — автомобили двигались неслышно, клаксоны гудели как будто не за окном, а где-то за десять миль, как судно терпящее бедствие у подводных камней.

Андрей вздрогнул. Он боялся спросить Игоря что-либо. Моряк был похож на человека, только что услышавшего свой смертный приговор.

Значит, Али не будет.

С этим нельзя примириться.

Была большая земля. Море — тоже. Но двум стало тесно, и один должен уйти. Так думал Андрей.

Но Игорь знал, что должны уйти двое. Мужа Андрей не считал, однако он был. Игорь мог бы рассказать многое, если бы у него было желание. Но никаких желаний у него не было. Он даже не знал, что с ним происходит. Ведь только вчера он чувствовал себя счастливым. Разве счастье — кошелек, который может вытащить первый воришка? Ему не хотелось думать, что счастье может быть отнято судьбой столь же внезапно, как и дано.

Андрей это знал. Он решил не упустить того, что пришло нечаянно, знал, что больше этого не будет.

Но это еще было.

Он вспомнил прочитанные где-то строки, врезавшиеся ему в память: Передо мной шли маленькие певчие и звоночками возвещали народу о приближении святыни, которую я нес в сокровищнице моего сердца.

Но звоночки постепенно затихали, их заглушала скорбь любви, едва народившейся и уже обреченной.

Наконец, моряк заговорил.

Слова, тяжелые, сиплые, шуршащие, словно снежные комья, которые метель швыряла в окна, падали на Андрея. Он их сбрасывал с досадой, а они все падали, слепя глаза, остужая сердце.

— Пришел я... сидит ее муж, ревет как белуга, без стеснения. Водки на столе нет... Сроду еще не видал, чтобы в полной трезвости слезы лить.

— Эх ты, щенок, понятия о жизни не имеешь, — пробасил Мрачный. — Человек рыдает от невозможных мечтаний.

— Брось трепаться, убью, — пригрозил ему Андрей.

Мрачный посмотрел на него с удивлением, но промолчал.

Моряк продолжал:

— На меня поглядел... Может думал, что я драться полезу. Потом жалеет, будто я его брат меньшой... Даже злоба меня взяла на такую мерехлюндию. Спрашиваю его, где Аля. А он головой качает и говорит так, что хочется убить его, гада: «Кабы я знал». — И письмо мне вот это протягивает.

Андрей схватил скомканный листок. На нем было написано неровными детскими каракулями:

«Я уезжаю... Куда, сама еще не знаю. По дороге соображу. Я вообще ничего не знаю. Может быть я даже безумно счастлива. Вероятнее всего, так оно и есть. Вдали от всех вас надеюсь сохранить то, что нечаянно досталось мне. Никто не будет знать и не отнимет. Ведь все хотят отнять — может быть и тот, кто дал мне это. Я ни в чем не уверена. В жизни моей, да и вашей, нет ничего достоверного.

Я думаю, что никто, хотя бы из врожденной апатии, не станет за мной гнаться, — разве можно догнать тень? И еще я думаю: если кому-нибудь я так необходима, как хлеб и вода, а не призрак для пьяного бреда, тот не пожалеет усилий и найдет меня без адреса.

Прощайте».

Андрей Лин вспоминает былые дни с грустной нежностью. И особенно странно то, что все давние разочарования потеряли свою

мрачность. Неужели это он был на горьком рубеже безнадежности?

Конечно, грустно, что не оценили человека с тонкой и лирической душой. Но главное в жизни — не дурное, а хорошее. Пусть вокруг — снежная пустыня, но кончился март, и всюду шагает апрель. На одиноких сугробах уже пробиваются ростки диких белорозовых цветков. И один из них он держал в руках.

Как же можно отчаиваться? Он будет искать до последнего дня, до последнего дыхания. Он знал уже, что всё возможно — только не останавливаться. Самое страшное, когда ничего не происходит. Жизнь — замечательное, невероятное путешествие. И, если ты даже не достиг цели или потерял ее из виду, годы странствий прекрасны, как неоконченная сказка.

Иван Сума — разрушитель мира

Полынные горькие рубежи набегают на большак, где ревомчатся дни мои к последнему, самому горькому.

На темнотырке подшумел меня, как голодного волка, самолет счастья — и не уйти мне от привады.

Еще не погасли звезды.

Слежу за воображаемым самолетом, развожу из валежника теплинку, потом поднимаю голову к небу. В далекой вышине едет Воз по Птичьему Пути, а степь небесная так велика, серебрятся на ней звездные соцветия, травы, а позади идут Косцы — падают под косами цветы, ложится на землю звездный покос, холодит ее студеной росой.

Скоро проснутся тетерева. Я о них думаю, стреляю всегда с величайшей неохотой, но все уверяют меня, что охотничью страсть можно привить — иначе какой я боец на свете?

И я вспоминаю моего друга Ивана Суму, которого схоронили вчера.

Почему-то все друзья и враги мои непоколебимо уверены, что человек создан бойцом, охотником, рыболовом, и цель его жизни в том, чтобы, сызмальства изготовившись, охотиться за счастьем, как за дичью, торопливо и жадно засовывать его в свой ягдташ, ловить спиннингом или в умело расставленные сети чужие души,

делать их своими пособниками, применяя при этом всевозможные коварства, оправданные в бою, а жизнь это и есть — бой.

Но уже во время подготовки, в голубые годы отрочества я тайно, с необычайной силой возненавидел заветы учителей и наставников.

Даже самые слова эти, — бить, ловить, стрелять, воевать, — вызывали во мне непостижимое отвращение.

Я испытывал ощущение, близкое к судорожному трепету, видя как раздуваются ноздри у моих маленьких сверстников, а глаза наливаются темным свинцом злобы. И когда они бросались друг на друга, и дыхание их становилось прерывистым и свистящим, мне казалось, что вокруг свистят пули, и сейчас одна из них пронзит мне сердце.

— Заразы! Чёртовы заразы! — кричал я и, сердито плюнув, убегал.

Это было самое страшное ругательство в нашей среде. Вслед мне летели комья земли и камни. Меня называли трусом, маменькиным сынком, но никто из них почему-то не решился назвать меня заразой.

Когда мне минуло тринадцать лет, я мечтал стать царем всей земли.

И так думал: первым законом моим будет — распустить солдат и генералов, сломать все винтовки, а малышей, которые вздумают драться, запирать в сырые погреба и держать их там на хлебе и воде.

Второй мой закон такой будет: на всех оружейных заводах строить мирные самолеты, чтобы все могли летать как Уточкин и Сципио-де-Кампо, которых я видел своими глазами — они летали над нашим велодромом, поднявшись на головокружительную высоту в двадцать метров.

Третий мой закон — чтобы во всех городах печатали книги и маленьким их давали бы даром, потому что — где ж им деньги взять на книги, если они стоят так дорого, а мать больше маленькой серебряной монетки не дает?

Жила во мне твердая уверенность, что издав эти три закона, я сделаю все необходимое для счастья человечества, а потом царей уже не нужно будет, я освобожусь от этой хлопотливой должности и стану читать все книги, чтоб всё решительно уразуметь. Многое мне еще было непонятно, потому что я читал только книги для взрослых, а к детским относился пренебрежительно, как к заводным игрушкам и тряпичным куклам. Я даже обижался, когда мне подсовывали эти книжонки, так как считал, что они на-

писаны для дураков, вроде моих товарищей, которые пуще всего любили драться, играть в войну, и считали, что пропадать целые дни за книгами могут только «малохольные».

Сердце мое, недоступное злобе и вражде, не возмущалось в ответ на глумление моих товарищей. Я скорее жалел их. Им были недоступны высшие радости, как мне — шоколад, о котором — не скрою — я думал с замиранием сердца. Настанет день, когда я овладею всеми знаниями, заработаю много денег, как отец Мити Красова, начальника дистанции юго-западных железных дорог. Плитка «Золотого ярлыка» стоила пятнадцать копеек и я мог бы уже не раз собрать эту сумму, но всегда преодолевал соблазн. У меня была заветная мечта купить большие однотомники, в которых были все сочинения моих любимых писателей.

Я прочел «Былое и думы», в которых, очевидно, понял очень мало, но эта книга стала моей путеводной звездой. Мне тоже хотелось с верным другом забраться в горы и дать там клятву, что мы будем бороться за три закона, о которых я не забывал ни на минуту.

Но такого друга у меня не было. Все, даже Митька Красов, — сын такого отца, — смеялся над моими замыслами и звал играть в войну. Я уходил один на загородные холмы, поросшие буком, и еще дальше, туда где начиналась Мирная Дубрава — прообраз будущего мира. И там я подружился с добрым охотником.

Случилось это так.

На дворе уже стоял октябрь, была мокрядь, вороха листьев зловеще шуршали под ногами, и я продрог от неунимавшегося дождя. Тогда я остановился перед покосившейся избой.

В октябрьских студёных просонках, над приунывшим князьком дранковой кровли, в сизом стылом поднебесье горделивый аист стоял на старом-старом выщербленном колесе счастья.

Стоял он там, вроде, зря — давно уже не вертится, не напророчит аист долгожданного счастья старому бобылю, — и это хорошо знает Иван Сума.

Но помириться не хочет.

Стоит всё вокруг по-прежнему в ожидании невиданных радостей, несбывшихся свиданий.

В чернолесье нахохлились тысячекратно трёпаные кроны, под ними взмокли побитые лозняки подлеска, а к земле припадают согбенные старички-мошники, — только тронь — рассыпятся, да в колдобинках стынет дождевая муть.

Из окна видно, как густо сойдясь, шепчется куртинка молодо-

го осинника, клонятся осинки, как на вечерней молитве, и думает Иван Сумá:

«Близкозор я навечно, не примануть мне ничевошеньки издаля, а счастье охотничье надо сперваначала далеко разглядеть, а тогда уж нацелиться».

Стылым серебром в неглубокой балке отливает лодейная дорога среди черных ляд, а за ними темным лаком среди вязкого сурадья чернеют высокие гривы, папоротниковые взлобки, поблескивают зáбереги сбежистой реки, подпухшей от осеннего многоводья. Была она здесь раньше обсажена липами-богатырями, но теперь, как застывшие медведи, чернеют корорины выворотней, а дальше до горизонта — степная гладина́.

Табунятся последние грачи к отлету — да улетят ли? Может, так же, как он, забыв про навыки лесовольных предков, сядут на горбатую укладку, — так, как сидит сейчас он.

Вот она — его судьба, не принесла даров ни в дом, ни в сердце, а как нерадивая жена-растащица по волоску, по ниточке растащила добро, припасенное молодостью. И только черствая коврига хлеба осталась на столе, прикрытая пестрядинным закатником.

Пойти, что ль огонь развести на загнетке... А может стылого похлебать или вовсе пожевать чего всухомятку.

Пересохло в горле. С влажной доски на кадке с водой взял берестяную плицу с длинной рукояткой, зачерпнул воды, напился, жадно, по-волчьи, лакая.

Потемневший от времени лик Николая Угодника привычно глядел на лицо Ивана Сумы, тоже потемневшее от многих лет скитаний, зноя и ветров, которые задубили его кожу и сделали похожим на икону. И оттого, что лик Чудотворца и лицо мученика пребывали в долгом и близком соседстве, они стали похожи, как супруги, вместе прожившие долгий век.

За недосугом горести, недозволенные думы и выцветшие мечты крепко слежались в душе Ивана Сумы, как пронафталиненное смятое платье в укладке. Но вот досуг старости приподнял крышку на ней и ворвался студёный ветер дум, ранее недодуманных, а теперь ничемных, — будущее уже не манит и не страшит.

Я вошел в избу, едва не стукнувшись о низкую притолоку. Хозяин глядел на меня сумрачно. Помолчав и не дождавшись моих слов, — почему-то я испугался его, — он сказал хриплым голосом: — Ишь, вымахал, как коломенская верста.

Но может быть, увидя мой испуг, или разглядев в потемках

на моем лице недолгий мой век, он улыбнулся тысячью добрых морщинок; и тогда я осмелел, сказал, что привело меня к нему, а вскоре мы вместе хлебали холодные щи, и я ему рассказывал о трех законах и о том, что никто со мной не хочет на пару принести клятву на горе.

Иван Сумá усомнился в величии и праведности моих учителей. Он не верил в прямые дороги, в мир и благоденствие. Но он был одинок так же, как я, и мы подружились.

Прошли годы, прошумел Октябрь, я стал учителем, не чувствуя особого призвания, — но так устроила жизнь, и я не противился. Единственное, что я мог внести в мои отношения с учениками, — это взаимопонимание. Большинство из них любили книги, я не забивал их головы школьной мудростью, а сам охотно выслушивал их мнения о прочитанных книгах, иногда спорил с ними, но редко. Я считал, что свое мнение — главное в жизни человека. Мне хотелось, чтобы они учились думать самостоятельно и ценить высшее достижение человечества — вольную мысль. Я не считал также, что мнение, не признанное большинством, является ошибкой.

Таким образом я вел жизнь не тягостную, и у меня был досуг для бесед с Иваном Сумой, который недавно стал сторожем нашей школы.

Как в отроческие годы я не мог сойтись с моими сверстниками, так и сейчас суетливое существование сослуживцев отталкивало меня, — я не решался им поведать о моих трех, все еще не осуществленных законах. Печалило меня, что всё больше становится солдат и генералов, воюют страшнее, оружия делают много, а хорошие книги достать очень трудно. Я говорил об этом Ивану Суме, которому было в ту пору уже за семьдесят.

Помешивая оловянной ложечкой жидкий чай в большой фаянсовой кружке, он глядел на меня строго и наставительно, как лик Чудотворца, которого, однако, в его сторожке не было.

Он говорил:

— Стало быть, ты, Лексей, ангелом мира стать возмечтал. А я не в пример тебе задумал стать разрушителем мира. Почему — спросишь... А потому, что мирный человек больно много пакостного вершит, а как почнет рушить, останову ему нету, всякую мерзость огнем выжигает дочиста. А мерзости ой как много в мире.

Отпив несколько глотков, он вытер усы и продолжал:

— Ныне человеку заказаны прямые дороги, по-зверушечьи петляют, сигают точно беляк-листопадник от лисы-огнёвки, го-

ном да катом, перелазом и прихвatom. И так уж искони заведено, чтобы сшибать живот со смертью след в след, тем и кончится земляной век. Оно бы хорошо, конечно, чтоб собрались все белки в одно гайно, да мохом его утептели, да скопом шишечки запасали. А того не смекаете, что на каждую белку нацеливается и ястреб когтистый, и та же лиса, и охотник с дробовиком, — она бы и рада гайно готовить, а ее самое заготавливают.

В другой раз рассказывал Иван Сума о своей жене, умершей еще до революции:

— Баба она была некручинная, отходчивая, но временами — с аргументами громокипящего свойства, — читал я про таковских у сочинителя одного. Была она, однако, не книжнотёмная, а ясноголовая, полносмысленная. А вышло одно на одно... Счастья то и не было. И вроде ее вовсе не было — душевный я бобыль во веки веков... Стало быть, так, только не смеяться, а плакать надо, — закончил он строго и презрительно.

Помолчав немного, он продолжал:

— Народ наш беспричинный, живем, как Бог на душу положил. Душа наша, вроде, как никудышная подклеть — швыряет туда долюшка всякое барахло, что ни попадя... Какой же есть первоначал нашему безобразию? Одни винят богатеев — мол, людей зрят. А те не без ехидности отвечают, что дураку дай, он однава пропъет, а вдругорядь меж пальцев у него утечет, потому у дурака рука что решето, а у мудрого — клещи. Оно и правда, — как поглядишь, то гольтепа всякая больше пропивает, чем богатеи загребают. Стало быть, не в богатстве и бедности — безобразии, а в том, что человек с человеком жить не могут. Каждому бы хватило, да в драке последнюю сорочку или там исподники порвут, чтоб никому не досталось. Валяется первородство человеческое, занехаенное при дороге, а человек проходит мимо, да прямо в кабак.

Я перебил его:

— А ты-то умен, да трезв — большим ли счастьем забогател?

— Эх, друг, так ведь мой рожон каков!

Умер Иван Сума.

Гаснут последние звезды.

Догорает теплинка. И неохота мне идти за валежником.

Но я разожгу новый костер, большой-пребольшой...

Пусть в нем сгорит все старье, все ветхие здания, трухлявый сухостой, который не удалось разрушить моему другу Ивану Суме — разрушителю старого.

Три стихотворения

АКВАРЕЛЬ

Я хочу быть женщиной, рощей, солнцем,
одиноким заснеженным деревом на равнине,
трухлявым валом колодца
скрипеть и стынуть.

Я хочу, чтобы и меня как краски
смешивали и клали.
Хочу иногда притронуться ласково
к чьей-то печали.

Я люблю, когда чиста краска.
В поле белом, поле бесстрастном
поползут два нестрашных рака —
зеленый и красный.

ДЕТСКОЕ

Мать приходит в лагерь чуть свет —
устало садится на подоконник.

— Отца больше нет, —
говорит она спокойно.
(Так. Убитые не возвращаются домой.)
Молодо
сбегаем с огненных холмов
навстречу солнечному холоду.

Мы приходим на Волгу.
В визге, чешуйном блеске закат уходит —
и долго, томительно долго
ждем расхлябанный пароходик.
И мы умирающе ползем
мимо плесов,
и закат играет холодом радуг
в колесах.
И опять земля, от трав колкая,
голых звезд безмолвный позор.
Совхоз, бесконечная Волга,
край камышевых озер.

В то лето в Волге водились сомы —
ленивые, как коровы —
и люди, уберегшиеся от невзгод зимы,
были радостны и здоровы.
Я слонялся один по стерне,
от безделья портился день ото дня.
В то лето мать подурнела
от ругани и приставаний.

ЛЕС

Гигантский мох — звездчат.
Рубиновые комары чащи.
На каждом пне звездочетом
сидит изумрудный ящер.

Омутов древних лоно
не засветят мгновенные зори,
где над любым из озерец
опечаленные Алены,

Где месяц тихонько вытек
из скорлупы небосвода,
где сосны жалобам выпи
вторят медовым звоном —

Там тень твоя бродит ныне
в прозрачных, зеленых звонах,
тоскуя, желая выйти
из камней раскаленных.

Смерть студента

(ПОЭМА)

Я ныне, несколько протрезвев,
думаю глухо, без стенаний —
сколько свершил бы Лавуазье,
будь он Канаев.
Сравниваю этих двух Геркулесов,
похожих, как два рисунка в обоях,
все за и против прилично взвесив,
постепенно склоняюсь в пользу обоих.

Лавуазье — несомненный гений.
Он что-то такое там вывел на газах.
Живи он через несколько поколений,
он вывел бы то же уже на джазах.

Он без усталости выводил бы то же
на финском взморье, на тихих соснах,
на мелодичных железнодорожных
мостах. На столиках в кафе «Космос».
И все бы к нему с открытой душой:
— «Месье — вот вам площадь, творите, живите —
хоть надобности и нет в вас большой,
поскольку у нас есть Канаев — Витя.»

Нет, Канаев отнюдь не гений, месье!
Но редкие качества, редкая скромность.
Его здесь коробит буквально все,
бежит, запирается и сидит в комнате.
О чем он думает в эти часы
тихого, душистого вечера,
когда в небе загораются две-три звезды
и не о чем думать и делать нечего?
И мы все ходим из угла в угол,
стараясь не производить шума,

при встрече подмигивая друг другу —
— Канаев думает? Да? О чем же?
О чем нынче думает Канаев?
О жестокости венецианских дождей?
О бессмысленной высоте Гималаев?
— Не знаем. Может быть. Но мы видели,
как Канаев плакал над какой-то книгой,
плакал как раненый, неумно и дико,
плакал так, как будто обидели.
И мы молчим под влиянием мига:
он еще может плакать над книгой.

Мы молча стоим и расходимся молча.
Мы понимаем, как это здорово —
где-то вдали, одиноко, по-волчьи
плакать над каким-нибудь маленьким вздором.

И я ухожу. Вдруг, поднявши ногу,
останавливаюсь: глухой, как стена,
передо мной вырастает Канаев:
— «Пойдем выпьем, Серега!»
Идем. Садимся. Пьем нечто —
и смотрим в окно, как над городом скал
плывет луна, теплая, вечная,
и струится воздух тяжелей песка.

Хорошо так. Сидеть с ним и пить —
вдвоем под полярной звездой.
— «Ты еще можешь, Вить,
плакать над ерундой?»
— «Я, старик? Плакать?»
Он усмехается в темноте,
усмехается смущенно и мягко.
— «Я, старик, не из тех.»

— «Значит не из тех. Значит, не так.
Значит не было и в мыслях.
И это не твоего отца
опалил выстрел».
А он молчит, будто этим
сражен ненароком.

— « Да, старик, в сорок третьем,
под Кривым Рогом.»

И тут уже некуда деться.
Мы не такие уж детки,
но пути нашего детства
все-таки чертовски крепки.
Надобно только развить,
только собранности немного.
— «Почему ты не напишешь, Вить?»
— «О чем писать, Серега?»

— «Ах, о чем писать!
Опять старые разговоры.
О том, как стали скисать
всякие важные вздоры,
про то, как гибли старики,
как мы становились большими,
про куст одинокой ракиты
почему не напишешь?
Про то, как Канаев сечет
историю — страшный предмет...»

Канаев сдает зачет
и уже ответил на билет.
Его хвалят, пусть сдержанно, пусть сухо,
но тут его кусает какая-то муха:
— «После ответа столь многостороннего
мне сказать вам, пожалуй, нечего.
Вам не приходилось утрачивать гармонию?
'Чувство других' в просторечьи?
(Улыбывшись от удивления разинул рот)
Со мной, естественно, все наоборот.
Смятенный ли как тень на снегу,
или от врожденного порока,
мой ум застыл наподобие мятущихся фигур
барокко.
Вам не понять это даже отчасти —
(тут он захохотал, все аж вздрогнули)
это равноценно потере счастья —
я не верю ни в черта, ни в бога!»

Канаев не верит даже в черта!
Ему нельзя поставить зачета!
— Надо же во что-то верить, дорогой, —
оскорбленно сказал Улыбышев.
Канаев махнул рукой,
засмеялся и вышел.

А мы его ну ругать.
А он нам: — Да что вы... я.
Педант, — говорит, — он, догматик,
старая свинья!
Однако ходил расстроенный,
подавленный всем этим.
У него уже портилась кровь.
Ему не давали стипендии.

Небо разорвано линиями
света безудержного и скользкого —
лишь грезят поздними инеями
маленькие сады Никольского.
Девушки белыми лилиями
плывут благоухая по Невскому.
и пахнут фиалками синими
ноги Кореневского.

Канаев лежит в гробу
в доме на Пушкин-стрит,
невзирая на худобу,
подтянутый и побритый.
У гроба устраиваем чай —
канаевские чай с хлебом свежим.
И девушки приносят красоты свои:
Канаев был с ними особенно нежен.

Одна подходит, становится рядом —
и, не двигаясь с места,
смотрит долго пронзительным взглядом.
Кто она ему? Сестра? Невеста?
Канаев прислушивается к ней —
вот-вот улыбнется. Будто во сне,
шевелинет губами, захочет сказать
тихий, как снег на поле:

—«У вас удивительные глаза,
льющиеся в душу капля по капле.
Они погружают в эфир ушиб.
Я как будто перестал быть собой.
Будто пальцы хирурга коснулись души
и вынули из нее всю боль.»

А она не уходит и смотрит, как в прорубь
холодную смотрит осколок месяца.
Смотрит, как воплощенная скорбь,
как мадонна на своего младенца.
Смотрит, безмолвно и страшно мучаясь.
Счастье в чем? И в чем вина его?
Смотрит так, как будто все лучшее
было и ушло с Канаевым.

Где были вы раньше, девочка?
Глухо стучает гроб —
лишь дрогнула теплая веточка —
тяжелое, черное серебро.

Синего дня краса
в воздухе застуженном.
Тихо стоят леса
прелестью незаслуженной.

Да и чем ее заполнишь —
пустоту?
Да и чем ее заслужишь —
красоту?

Никольское, Москва.

Январь-август 1963 г.

Скудость

Есть бытие, но именем каким
Его назвать? Не сон оно, не бдение, —
Меж них оно, — и в человеке им
С безумием граничит разумение.

Е. БАРАТЫНСКИЙ

I

Начали с маленьких верхних ящичков комода. И не с левого, а с правого: именно там, в заднем углу, под салфеточками, находилась картонная коробка с бумажными вырезными кружевами, приклеенными по краям.

Несмело, как-то растерянно, без воли и, может быть, без думы потянулись к коробке еще не старые, но сухие белые руки с тонкими пальцами, на одном из которых еще блестело потускневшее золотое кольцо, а на другом — как соломинка, перстень с красным камешком, густым, будто капля вина или сока вишневого варенья.

Эта нерешительность и растерянность еще более усилились в явной медлительности, когда рука коснулась ящичка, обитого внутри красным бархатом. Слабо стукнул замочек, и открылась крышка с белой блестящей шелковой подкладкой. Блеск шел от шелка и от золотых ложечек. Должно быть, они были дороги кому-то, потому что бледные пальцы, сначала остановившись, стали бережно прикасаться к каждой ложечке, как бы поглаживать их, ощущать: будто бы они страдали, как нечто живое, эти рукотворные золотые вещи, всегда запертые в красном бархатном ящичке. Их

жалели, как что-то родное, живое, как что-то необыкновенно милое и дорогое.

Не потому ли и была эта растерянность в движениях пальцев и рук, когда они прикасались к ящику комода и медленно, не спеша, вынимали из-под салфеточек и платочков это как бы втайне хранимое золото в красном ящичке? Не потому ли было любовное прикосновение к каждой ложечке такое осторожное, будто нужно было только слегка стереть пыль? Хотя на самом деле и не было пыли, и золото не могло потускнеть и потерять свою первую, давнюю прелесть. А на середине крышки, на белой шелковой подушечке, золотыми ниточками был выбит вензель с маленькой короной наверху и с надписью, тонкою и кокетливою, на нерусском языке.

Были еще две коробочки, также обитые бархатом, и на золото в них особенно долго смотрели встревоженные и грустные глаза: там в золото был вправлен розоватый аметист.

Еще и еще раз женщина подносила серьги к ушам; еще и еще раз надевала она тонкий браслет на левую руку, — и потом раз, только один раз выкатились из глаз слезинки и упали на батиловую грудь. Должно быть, чего-то жаль было, и примириться с чем-то было трудно, если не невозможно.

И еще много кое-чего было в верхних ящиках комода и в столе на толстых круглых точеных ножках, с зеленым сукном поверху. И на нем стояли карточки в рамках, чернильницы с желтыми крышечками и с ручками толстыми и тонкими, с карандашами черными, красными и синими.

В этом столе, в левом выдвигном ящике, в замке которого часто торчал ключ, лежали два портсигара: один тонкий, золотой, без узоров на крышках, но с двумя буквами на уголке, под коронкой, и с мелкой латинской прописью на внутренней стороне — *Sic transit*. Узоры были на крышках другого портсигара, толще и крупнее первого; он был матово-серебряный и казался как бы потертым: там еще оставались две-три толстых папиросы и высыпавшиеся из папирос светло-коричневые волокна табака. По запаху можно было бы, пожалуй, точно судить, что табак был фабрики Месаксуди, Стамболи или же, что весьма вероятно, это был особый табак Герцеговина Флор.

Но обычно хранившийся в этом же ящике, только в другой коробке, табак уже давно отсутствовал: прямо около чернильниц на столе был брошен синий плюшевый кисет, — его обтершиеся бока оттопыривались; около кисета, на промокательной розовой

бумаге, кнопками приколотой к столу, просыпана была зелено-желтая махорка, ливенская или елецкая.

Не белые тонкие руки открыли однажды этот ящик, и не медленно тянулись они к портсигарам: судорожно дернулись дрожащие пальцы, с желтой сморщенной кожей и с коротко обрезанными ногтями. Быстро и сильно схватили портсигары, вынули из стола, задвинув опять ящик поспешно, как бы озлобленно. И все дрожали резкие жесткие пальцы, и не было оказано никакого внимания ни гладкому грустному золоту крышек, ни изящно сплетенным буквам, столкнувшимся головками под коронкой, ни мягкой матовости серебра, ни стройному узору лотосов на нем.

II

Нельзя, конечно, было запомнить, когда именно и как, сразу или постепенно, выдвинуты были нижние ящики комода, когда те же бледные руки, с тонкими пальцами, вытаскивали бережно сложенные старинной белизны скатерти или какую-нибудь кофточку из нежной добротной материи, видимо, оставленную в комоде не для повседневного ношения, потому что и рукава, и кружева на груди, и пелеринка напоминали совсем другое время. Теперь нигде нельзя было увидеть широких обшлагов, и не было пышных кремовых кружев на груди, не было и пелеринок с тонкою в несколько рядов мережкой. Вероятнее всего, такие кофточки и блузки давно не вынимались из места их хранения.

Одно платье было белое, блестящего атласа, с отлежавшимися складками и с бантами на плечах и у пояса. Оно хранилось тщательно завернутым в белую бумагу, а затем уже в газеты, пожелтевшие и пооборвавшиеся по углам. Платье было узко, сшитое будто на девочку. Бросалось в глаза множество складок и кружев, — и, вероятно, поэтому так берегли его; и, вероятно, поэтому раз в год, весной, когда все добро, слежавшееся, пахучее и сыроватое, развешивалось по саду на едком солнце, это платье старательно расправлялось и вывешивалось на тонкой веревке, протянутой от столбика террасы до старой груши. Вывешивалось оно не низко к земле, потому что могли загрязнить его куры, возившиеся всегда под кустами крыжовника, и ребятишки, копавшиеся в земле, и тут же делавшие пирожки из песка с водою, а иногда занимавшие похоронами цыпленка, случайно замятого отцом, человеком с сердитыми глазами и тяжелыми усами, который, выходя утром на крылечко во двор, завертывал из волокнистого табака толстую па-

пиросу и, пыхтя ею, торопил всех с чаем, жалуясь на то, что не вытерпишь — и закуришь, не выпивши стакана чаю.

... Этой весной многое, очень многое не показалось в саду. Не было и того атласного, в сборках и бантиках, невестинного плаття, не было многих блуз и кофточек, не осталось и легкой дымчатой фаты и длинных полотенец, концы которых, с вышитыми на них красными и черными цветами или петухами, были, кроме того, подшиты тонкими рукодельными кружевами. Только человек с более чем строгими, — ужасными, — глазами дольше просиживал на ступеньках террасы, тяжело вздыхая, хрипя и хватаясь за сердце; и курил он тяжело, просыпая табак из синего кисета. Глаза его странно, как будто не видя, блуждали по желтому, оберточной бумаги, листу газеты, где было много напечатано о красной армии и о белобандитах, о спекуляции, саботажниках, о контрреволюции и о приговорах, приведенных в исполнение, но мало сообщалось о выдаче хлеба и крупы, и совсем ничего не было о талонах на сахар и керосин; где уже не было объявлений о домашних обедах и горячих ужинах, где уже не искали репетиторов за стол и квартиру, не предлагали обедов на чистом сливочном масле из трех блюд за сорок пять копеек, и не отпускали молоко от собственных коров по восьми копеек за штоф.

III

Правда, можно было еще раз подойти к красному, с облупившимися боками, сундуку, приоткрыть крышку, на которой внутри были наклеены картинки из «Нивы», разноцветные бумажки от конфет (барбарис, пуншевая, беже, сиамского короля), а также листочки старинной азбуки с рисунками, например, разносчика в фартуке, с деревянным лотком на голове, с подписью: Астраханский Белый Виноград. Однако не долго пришлось бы рыться в невысокой стопке катаного белья, пахнущего сырой холстиной и застоявшимся нафталином. А когда-то его было много, — и не так давно это было, — в этом же сундуке; и не только в одном этом, обитом блестящими жестяными полосами, делившими крышку на зеленые, а бока — на красные клетки. И не только в сундуках, но и в комодe с четырьмя выдвижными ящиками, где бельe всегда лежало в порядке, где чуть слышался пригорелый запах глаженого белья. А в верхних двух небольших ящиках, где застоялся запах сладкий, будто от конфет или от духов, лежали стопкой маленькие платки с каймой; некоторые из них были с кружевцами,

правда, кое-где заметно уже порванными. Несколько платочков было цветных: два-три светло-желтых, два-три темнокрасных. Они стирались редко, потому что из комода переходили не в карман пиджака или брюк, не в ридикюль или в кривые кармашки коричневых гимназических платиц, не под кофточку, за отсутствием кармашков, или за резинку у талии, а в маленькие карманчики на груди или батистовой кофточки или синего жакета, выглаженного и заботливо закрытого простыней в платяном шкафу.

Что можно было найти теперь в этом наполовину пустом, престарелом сундуке? Неужели достать с самого дна последние три полотенца, с сочной вышивкой по концам, с петухами и крупными розами, со старательной, прилежной вышивкой ровными крестиками и квадратиками, когда-то красными и черными, а теперь полинявшими, ставшими бурными и розовыми, ложившимися в свое время на канву не спеша, обдуманно, и поэтому доселе хранившими какую-то прочность, устойчивость и вызывавшими теперь уважение к былой неторопливости, определенности, обдуманности, что совсем не вязалось с нынешней суетливостью, беспорядочностью и скудостью.

IV

Не медленно приходило оскудение, но будто надвинулось сразу. Как если бы в доме рухнули угловые столбы, развалились стены, и крыша с потолком придавила своею тяжестью людей, которые и раньше жили в этом доме, и были спокойными, веселыми и добрыми, а теперь стали вялыми, как бы бессильными, молчаливыми, будто мертвыми.

И стало так, что в семье все остались разрозненными, не как раньше, когда все были как-то теснее, вместе. Старших детей уже не было в доме. Один умер еще раньше, до оскудения, и он ничего не видел и не знал, есть ли какие перемены; о нем жалели и плакали, хотя теперь-то каждый видел, что ему, умершему, лучше, если он не дожил до нынешних лет запустения. И даже завидовали и просили у Бога (быть может, в сердцах и на мгновение) внезапной смерти, ибо не всякий может взять веревку и твердо, обдуманно всунуть голову в шершавую петлю; не всякий способен броситься в холодную черноту реки под горою; не всякий решится, даже умея, приставить твердую сталь к теплomu виску и нажать пальцем кусочек бездушного металла.

А смерти-избавления все не было. Что-то страшно тягостное

было в этом ожидании не чего-либо лучшего, но неизбежных страданий, когда люди один за другим без сил падали с ног; когда будто смерть уже заходила в изголовье небрежной, неряш тивой постели, по грязной подушке которой переваливались жирные, с черным пятнышком на как бы кружевном брюшке, вши.

И потому, что раньше в доме никогда не водились ни вши, ни даже клопы, ожидание смерти было тяжело для всех, ибо сильная власть этих, овладевших грязным телом, свободно ползающих неотступных существ чувствовалась безнадежно. И поэтому почти не было никакого сомнения в том, что они одолеют, когда нет ни привычки, ни умения, ни даже воли к борьбе с ними, нет и средств для самосохранения. Уже не осталось стопок глаженого белья, пахнущего утюгом и чистой свежестью и прохладой, — даже от тех маленьких стопок носовых батистовых платков, с еле уловимым запахом заложённых цветов и пролитых духов, сохранилось только причиняющее большую боль, едва ли нужное теперь, но милое воспоминание.

И не только грязь стала хозяйкой в доме, не только о духах и белёе и о золотых ложках и бокальчиках воспоминание остро мучило раздражённые и недовольные сердца. Духи и портсигары были где-то и сейчас, у других; где-то и кем-то все это сохранялось, однако не в этих ящичках, теперь пустующих. Больше всего, приятнее, мучительнее всего было воспоминание о том, чего не было теперь у многих, о том, что не всегда бывает, но всегда нужно, что хотя и преходяще, но нужнее всего и всего полезнее, а сейчас вот и дороже всего.

Холодным сухим голосом говорил посторонний человек, хмуро глядя на желтые лица больных и на пятна от раздавленных вшей на подушке. Этот человек говорил о бульоне, («лучше бы куриный бульон!»), о куске мяса, о молоке и лимоне. И потому сильнее всех мучился отец, закрыв рукой глаза и шопотом говоря:

— Теперь бы щец тарелочку, молочком бы забелить... Или картошки поджарить с салцем... О-хо-хо... Куда все это делось?!

V

Так и умер отец, умер не в городе, а в селе, куда выехали всей семьей и приткнулись к школе; старшую дочь, семнадцатилетнюю гимназистку в волости записали в школяры. Сухое тело отнесли на погост, не на то место, которое было заранее куплено на Троицком кладбище в городе, рядом с могилой старшего сына, где стояли бе-

лые кресты с плачущими ангелами, и решетки, и чугунные плиты, и где о смерти ничего не знал один только соловей, почему-то любивший мудрую тишь кленов, тополей и берез и одинокую скромность сирени.

Мать уже забывала о проданных платьях, простынях и скатертях. Не забыла лишь атласного платья с бантами и дымчатой фатой; не забыла и Казанской Божией Матери, иконы с двумя свечами в киоте, перевитыми золотой полоской, и с восковыми цветами. Особенно долго помнила она (не могла забыть) женщину на молочном базаре, осторожно и внимательно рассматривавшую образ и выразившую как бы сочувствие:

— Господи, до Божия милосердия дошли! И когда все это кончится? И как проживем до смерти?!

Хотела бы теперь мать только убрать из дому недоросших ребят, сдать куда-нибудь **на казну**. И конечно, белые руки с худыми пальцами, жалевшие золоченые ложки в комод, материнские руки, пожалели бы и этих, сына и дочь, оторвать от сердца и бросить в неведомое место, где собраны Бог знает откуда и чьи ребята, которые, как все говорят, ходят изможденными и оборванными без материнского глаза.

Но что делать! Что может успокоить сердце? И должно ли теперь биться материнское сердце, когда все человеческое, все теплое заменено чем-то неизвестным; когда нет любви, нет привязанности; когда не нужно дома, не нужно даже думать о завтрашнем дне, не зная еще, как пройдет эта ночь до утра, в которое взойдет то же солнце. И ему, солнцу, не надо ни хлеба, ни сахару, ни чаю; не надо ни базара, ни молока, ни говяжьих костей, печенки или требухи; не надо ни болезней, ни вздыханий; ни доброго, ни злого; ни великого, ни малого, а все только живое, радостное, благодатное.

... Одно место, место в темном чулане хранило следы прошлого. Там были разбросаны на полу и брошены в ящик старые книжки, журналы и письма. В этих письмах сообщалось о здоровье, об университете; о том, что к дяде Саше еще не пришлось сходить, хотя от Солодовки до Грохольского переулкa близко, и не надо трамвая; что от урока нужно бы отказаться, так как ездить далеко, в Замоскворечье; что в Москве в восторге от Николая Ставрогина в Художественном и от Анны Карениной у Корша; что Уточкин летал на Ходыньском поле так низко, что чуть не задевал шляп восхищенных дам на трибунах; что на бегах можно выиграть порядочно, если поставить на хорошую лошадь, но бегам надо предпочесть театр, где во время Вишневого сада как будто пахнет цве-

тущей вишней. Однако больше было коротких поздравлений (на открытках, между прочим, с портретом Федора Шаляпина) с праздником, к Пасхе, со днем рождения, Ангела. Весьма часто письма начинались сообщением о получении денег, за что и посылалось спасибо.

Книжек было много. Картинки в журналах ребята внимательно рассматривали в детстве. И сейчас в «Новой Иллюстрации», в «Огоньке», в «Ниве» и «Родине» можно было бы читать роман Луи Буссенара «Капитан Сорви-Голова», а в «Вокруг Света» — о драме в Андах, с картинками вроде «здесь умер Ангилопа»; среди сваленных в кучу книг был и Катехизис православной католической церкви митрополита Филарета, и сухонькая книжонка «Плоды учения графа Л. Н. Толстого», и роман с оторванным первым листом «За что ее убили?», и исторические описания «Покорение Кавказа» и «Под щитом Севастополя». Много было и непонятных книжек; их читал, вероятно, кто-то ныне отсутствующий, неизвестный, кто-то далекий: это были книги и журналы (впрочем, даже и письма, и открытки с нерусскими почтовыми марками и штемпелями) на иных, чуждых языках. Журналы валялись горами в беспорядке, смятые, пооборванные и даже слипшиеся от какой-то оставившей на листах желтые круги жидкости, от которой пахло мышами и кошкой. В журналах изображалось более чем странное для нашего времени, например, гулянье в Булонском лесу и Лонгшанские скачки, Пауль Крюгер, с бородой-полоской до ушей, но без усов; обед в честь шефа 73 Черноморского полка, данный господами офицерами; охота английского короля Эдуарда VII с Вильгельмом II и раут у министра иностранных дел Сазонова.

Только одна случайная тоненькая книжечка «Песни пролетариата», с серпом и молотком на обложке, говорила о совсем другом. Каждый, кто хотел бы, мог по этой книжечке петь о том, что «вышли мы все из народа», что «сами набьем мы патроны», что «проклятый, заклеименный» должен встать, и что «владыкой мира будет труд»... Одна эта книжонка, она одна отодвинула все другое, подавляла; одна таила смысл и разгадку всего, что есть теперь, что пришло как бы внезапно и заслонило беспрекословно все, что было раньше привычно дорого, с чем умер отец, человек с беспомощно-сердитыми глазами; о чем вздыхала мать, забывшая о своих когда-то белых пальцах, теперь возившаяся в отрубях и картофельных очистках; чего еще не знало маленькое живое существо, с синими худыми ножками, судорожно бившимися в воздухе,

— ребенок, которому шел только первый год, жаждал чего-то и не успокаивался, да и не мог успокоиться ни на минуту, ибо черный кусочек будто бы хлеба, с припекшимися крупными соломинками, который совали в рот кричавшему, не мог заменить почти неведомого ребенку материнского молока, потому что суха была грудь матери, познавшей пришедшую скудость и погибавшей медленно именно через эту, уже непоправимую, каким-то беспокойным ветром нанесенную, не принимаемую сердцем скудость.

Орел

Февраль

(ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ)

Март 1917 года. Стодворовое рязанское село Кость Мерная, в двухстах верстах от Москвы.

Приходская школа на выгоне, рядом с церковью и старым погостом. Школа новая, кирпичная, добротная, под железной крышей, с двумя светлыми классами — горницами, со светелками учительниц, со сторожкой и рыжебородым, молчаливым сторожем Евдокимом. Из окон школы открывается вид на поле. Что можно увидеть зимой в поле? Сухие ветки полынного. Пустынная дорога с желтыми вешками. И снег, снег, снег...

В жарко натопленном классе — мы, школьники, и наша молодая черноглазая, белая, чистая — такая чистая, что и сказать нет слов, — учительница Юлия Васильевна. Она — новая, и прежде мы знаем только, что она из соседнего села Шелемишева, что отец ее — старый дьячок Орехов (уже дважды приезжавший навещать дочку), и что она — хорошая. Мы знаем больше того — что она очень хорошая!

Юлия Васильевна называет нас не по фамилии, как это делала старая учительница, а так, как нас папáньки и мамáньки зовут, и как мы сами себя называем — по имени. Очень, очень это приятно, когда есть на свете кто-нибудь, кто по имени тебя называет. И сейчас вот хорошая Юлия Васильевна, обращаясь в третий, в пятый, в седьмой раз к моему соседу, бирюковатому Володьке, говорит все так же терпеливо и ласково, как в первый, четвертый, шестой раз:

После смерти А. В. Светланина, в бумагах его найдены были фрагменты различных незаконченных произведений. Мы печатаем один из таких фрагментов.

— Ну, Володя, будь умником, встань же. Встань и прочитай нам «Зиму». Ты же хорошо умеешь. Встань, милый...

Внезапно в коридоре раздаются тяжелые, пугающие шаги. Юлия Васильевна даже вздрогнула, мы все это заметили. Мы заметили также, что и мы вздрогнули вслед за хорошей Юлией Васильевной, или за хорошую Юлию Васильевну, хотя ей, такой хорошей, кажется ничто на свете не может угрожать.

Странно, что могло бы встревожить сердце в такой белый, неподвижный, глухой, сонный день, когда надо всем светом, кажется, повисла дрема Великого поста, а из сторожки доносится такой вязкий, такой дурманящий запах горячего хлеба...

Дверь широко распахивается и летит в сторону, как щепка, словно за ручку ее взялся сам Голиаф. О Голиафе нам только вчера отец Николай сказывал, что он был филистимлянин, что он был великан, и что его, слава Богу, застрелил из пращи маленький Давид.

Распахивается дверь и, не спрося дозволения, что не любит хорошая Юлия Васильевна, молча, совсем, совсем-таки молча, словно в пустую ригу за вязанкой сена, а не в полную народом школу, в класс входят — мы их тотчас же узнали — братья Лагутины, Миша и Коля.

Лагутины — первые на селе богачи, а в округе — первые силачи и великаны. Их четыре брата, и что ни брат, то ходячая колокольня. От одного только, что посмотреть на них снизу вверх, помереть можно со страху. Но в действительности они безобидные и ласковые телята.

Не обращая внимания на вопросительный взгляд смолкнувшей, побледневшей учительницы и на затаивших дыхание ребят, братья Лагутины в гробовой тишине подходят к передней стене, где в черных лакированных рамках висят большие портреты императора и императрицы. Миша деловито, как бы снимая с полки солоницу, обеими руками берется за портрет царя, Коля — за портрет царицы.

С силой они отрывают портреты от стены. Сыплется пыль.

Портреты брошены на пол. Без особого ожесточения, но с той же ужасающей деловитостью, молча, братья Лагутины топчут их мокрыми от мартовской слякоти сапогами, рвут на клочья.

Потом, так и не сказав ни слова, уходят.

Юлия Васильевна еще некоторое время стоит белая, как статуя, держась одной рукой за переднюю парту. Потом тихо, спекшимся голосом она говорит, не подняв глаз:

— Дети, идите домой.

Еще не веря своему счастью и под впечатлением того, что произошло что-то ужасное, мы сторожко и даже как-то виновато, наступая друг другу на пятки, выходим из школы.

На улице — веселая капель, восторженно орут счастливо возвратившиеся на родину грачи, и так просится в руки мокрый, пахнущий весной, снег! Галдя, мы начинаем играть в снежки. Мы швыряем друг в друга тяжелые, почти свинцовые комья снега и заливаемся смехом, забыв про все на свете и про то, что в классе на полу остался лежать поваленный, растерзанный император...

Мало что помню из того, чем ознаменовалась революция в нашей округе. Да и едва ли произошло что-нибудь значительное. Помещичьих имений тут было в обсчет: одно — князей Оболенских у деревни Кузьминки, другое — совсем крошечное: облупленный дом в парке — присяжного поверенного Леонова у деревни Конюховки. А так скачи на пятьдесят верст во все стороны — помещичьего духа не встретишь...

Помню, по возвращении из школы, застал мать в слезах: мать убивалась по царю. Я не понимал, как можно плакать о ком-то очень дальнем. Вот если бы сестренка Тоньча снова заболела корью, или хотя бы соседка Павловна, чужая, но добрая, умерла. А то ведь — где он, этот царь? Он нам никакая не родня. Да и что стряслось с ним? Ну, отрекся и отрекся. Не умер же и не заболел корью...

Помню жидкую толпу с флагом на улице, идущую в сторону соседнего Ново-Кремнева.

Из города пришел выпущенный из тюрьмы сельский богач, Василий Дмитриевич Фролов, разбитый параличем старик с лицом Кащея, по прозвищу Жамруй. В тюрьму он был посажен незадолго до революции за оскорбление Ее Величества: непристойным словом обозвал царицу — в связи с Распутиным.

Я не социолог и не историк и не берусь рассуждать о том, что озлобило против трона именно мужиков богатых. Но братья Лагутины — раз, Жамруй — два. Это факты.

Было слышно, что конюховские мужики малость пограбили присяжного поверенного — разделили на дрова рояль, на штаны — бархатную обивку мебели.

Да еще не проезжал больше по селу верхом на лошади урядник из стана — к моему величайшему успокоению: каждый раз при появлении на улице урядницкой фуражки я совершенно беспричинно умирал от страха, забивался на печку и трясся в лихорадке. Урядник, останавливавшийся у нашей избы, чтобы почти-

тельно осведомиться у матери, какие вести от Василия Егоровича (ученого нашего отца в округе знали и уважали все) разговаривая, время от времени восклицал страшным голосом:

— А ну, где тут Андрюшка разбойник?

Изнемогнув на жаркой печи, я слезал к окну и умоляюще кричал в стекло, как учила меня мать:

— Я не разбойник, я маленький мальчик.

— Нет, разбойник. Чуркин ты. Вот сейчас заберу тебя. — Урядник делал движение ногой, будто слезая с лошади.

Мною овладевало отчаяние и тогда я становился безумным храбрецом.

— Это не я разбойник, это ты разбойник. Бя-бя-бя! — Показав язык уряднику и обливаясь слезами, я убежал двором в огороды...

На всю жизнь сохранился у меня этот страх перед любой казенной фуражкой. Смее винить своих российских праотцев: их кровь — наша кровь.

... Мужики, в общем, кажется, не были сильно озабочены. Скорее были настроены на веселый и мечтательный лад. Бабы поплакали и перестали.

А тут как раз подоспело время пахоты. Царь-царем, революция-революцией, а земля подсохла: в аккурат пахать...

По окончании весенней распутицы приехал домой отец, бросив свою конторскую службу у нотариуса в Зарайске.

Отец привез картинку с портретами членов Временного Правительства, с князем Львовым в центре, и приколот ее к простенку. Для меня в его кармане были электрический фонарик и два листка бумаги с текстами «Интернационала» и «Марсельезы». Раскачиваясь во дворе на веревочных качелях, я напевал себе под нос революционные гимны. Мелодий я не знал и, может быть, распевал их на мотив «Коробочки.»

Отец, крестьянский сын, самоучка, болельщик за правду русскую и всесветную, давно сочувствовал революционерам. Однажды в нашем доме скрывался важный государственный преступник, бежавший с этапа, эсер-боевик, Александр Петрович Чубаров, доводившийся отцу дальним родственником.

И, конечно, отец радовался революции. В нашей тесной избенке бесконечно толпились мужики; сидели на лавках, пили

чай. Отец рассказывал, как в Зарайске ловили по чердакам полицейских, читал газеты. О революции говорил с чувством. С упоением. О том, как т е п е р ь будет. О пришествии правды мужицкой. Отец верил в правду мужицкую.

Мать при отце еще раз всплакнула о Государе, говоря, что «не в том суть, что будет лучше, а как бы не было неправды перед Богом.» Но отец весело смеялся и всё повторял, что революция несет России новую эру. Таинственная эра эта представлялась мне белоснежным пасхальным узлом с куличами и крашенными яйцами...

Не знаю, под влиянием ли отцовской эры, но был у меня вскоре первый «революционный акт».

Законоучитель школы о. Николай Перцев привел нас, учеников, прямо из школы в свою ригу и сказал, чтобы мы поработали — повытаскивали из риги прелое, слежавшееся сено.

— Это не наше сено. А у вас есть работник, — взбунтовался я.

Отец Николай пытался поймать меня за ухо, но я вывернулся и убежал домой.

От священника прислали за матерью. Трепка меня не миновала. Но «социально» она была для меня не столь непереносимой — все-таки от собственной матери. Заступился отец — добрый отец, веривший во все прогрессивное.

Через какое-то время пришло письмо от старшего из детей — Кости. Мать побледнела: с фронта. Костя учился в Сергиевской школе садоводства. Когда о Косте говорили в семье, называли Серебряные Пруды — место, где находилась школа. От названия этого в ушах стоял диковинный звон.

Семнадцатилетний Костя писал, что по воззванию правительства пошел добровольцем в ударный батальон — защищать отечество и революцию. Считает это своим долгом патриота и крестьянского сына.

Отец виновато взглянул на мать. Мать зарыдала.

В один из первых дней лета у нашей избы остановились дрожки. Слезший с них черноусый великан в летней поддевке обнялся с отцом, как с родным братом, поздравил и с приездом и с праздником. Под праздником подразумевалась, должно быть, революция. Это был волостной старшина. Он пригласил отца ра-

ботать секретарем волостного правления. Отец согласился с радостью: ведь это было служение правде мужицкой!..

Волостное село Боровое было в семи верстах от нашего. Пройти задами длиннее село Пушкарское, потом полем через большак — вот тебе и Боровое.

Босой, с палкой в руках — защитой от злющих пушкарских псов, я хаживал к отцу. С трепещущим сердцем перебегал большак, на котором немо и таинственно гудели телефонные провода, и где каждое мгновение мог показаться на своей удалой тройке разбойник Чуркин.

Деревянное здание волостного правления с высоким крыльцом стояло одиноко в центре села, у картофельного поля. Отец жил тут же в маленькой комнатенке.

Мне было тут хорошо, потому что отца любили и уважали везде. Черноусый великан и волостные конторщики, проходя, ласково трепали меня за ухо. В волостном правлении пахло дегтем, а это милый запах.

Как магнит, манил меня к себе телефон — громоздкое деревянное сооружение с двумя круглыми поблескивающими звонками, висевшее на стене. (Справедливости ради следует заметить, что в нашем ничем не примечательном уезде все волости были связаны между собой — через уездный коммутатор — телефоном, и это было до 1917 года!). Вечерами, когда кончались занятия, с замиранием сердца подходил я к телефону. В трубке слышались далекие-далекие неразборчивые голоса. Они казались мне голосами марсиан. Однажды, крутнув ручку и услышав в трубке близкий голос «барышни», я со страха убежал в картофельные грядки и пролежал там допоздна...

Частенько после службы мы с отцом ходили в соседнее яблочное село Дымово и возвращались с узлом бѣли, китайки, грушевки.

Революция мне нравилась.

Но отец был как-то чуточку озабочен. Однажды я слышал, как он разговаривал с мужиками из Пушкарского, пришедшими в волостное правление узнать, когда же будет прирезка земли.

— Да будет, будет непременно, наша теперь земля-то! — весело говорил отец, стоя на крыльце. Шляпа его съехала на затылок. — Повременить только нужно. Чтобы без этой... лишней анархии.

— А от каких нам прирежут-то? — со жгучим любопытством осведомился молодой мужик, у которого левая штанина была короче правой. — Чертям Кузьминским, к примеру, от Оболенского. А нам от чего?

Отец был озадачен:

— Да ведь... оно, конечно. Земля не резиновая, а помещиков не послал нам Бог. Эка оказия!.. Ну да что там: найдется! Должно найтись. Революция-то, брат, наша. Без сомнений. Никто не будет обижен...

Мужики стояли настороженные. По лицу отца блуждала виноватая улыбка. Он всегда и во всем чувствовал себя виноватым.

В конце сентября отец пришел из волости домой, тихо-торжественно объявил:

— Ну, брат, Андрейка, собирайся. Поедем в Скопин.

Из разговора отца с матерью я узнал, что отец получил приглашение работать секретарем уездного земельного отдела. Пригласил его Чубаров, тот самый эсер-боевик, который однажды сидел у нас в подполе. Чубаров теперь заведывал земельными делами в уезде. Перейдя к большевикам после их прихода к власти, он в первый же год был назначен председателем укома партии, а через семь лет стал начальником Главугля и членом президиума Высшего Совета Народного Хозяйства, председателем которого был сам Троцкий... Но не буду забегать вперед.

— Тебе в городское училище пора, двенадцатый годок кончился, не всё тебе воевать с Перцевым, — с доброй насмешинкой сказал отец. — А мне надо поискать мужикам землю. Уезд-то побольше волости, должна где-нибудь сыскаться. Эх, земляца, талисман заветный!..

Отец любил все возвышенное...

И вот через два дня мы встали рано. Под окнами избы Мишка Чаной, соседский сын, подмазывал тележные колеса. Мать хлопотала у загнетки печи — варила прощальную кашу. Старшая сестра Лида скалкой гладила на столе мое праздничное убранство — расшитую васильками рубашку. Младшие Кулёна и Тоньча, свесив головы с палатей, перемигивались с собаченкой Валик, уместившейся на пороге. Меньшой трехлетний Серка, укрытый ватным одеялом, посапывал на заднике.*)

---

*) Задник — широкая лавка у задней стены.

На улице уже ждали друзья-приятели: двое Андрюшек, оба Васильевичи, оба Фроловы, но из разных домов и даже не родственники. Только тем и различались, что у одного прозвище было Одя, у другого — Бормота. Тут же был бешеный Арсюшка — тоже Фролов — по прозвищу Семеновна. Всюду поспевавший Косорукий, желтушный Ваня-дурак, палкой зачем-то обстукивал сруб колодца, мыча: «Бара-тара, ушел-пришел». Я показал ему язык, Ваня снял с головы соломинку и бросил в меня. «Это к хорошему», — сказала мать. Сестра Чаного, бесстыжная девка Клашка, всего на два года старше меня, но уже ходившая на торфа*) и принесшая дурную болезнь, чмокнула меня в губы: «Ишь, нарядный... Симпатия!» Я был застенчив и не оттолкнул Клашку, только утерся рукавом...

Это был мой первый выезд в город. До этого ездил на чужой лошади в ночное на бугры, с чужим возом на мельницу; на свадьбу тетки Вари в Крутое; хаживал в страшную Песочню по ягоды; на хутор Брежневых покупать яблоки; на стоявшую одиноко в поле маленькую станцию Желтухино — так просто, поглазеть на рельсы; к деду Семену в Казначеевку, к тетке Домне в Бахровку, в Шишкино — на ярмарку...

Когда-то я был городским жителем, но это было давно, очень давно, и все позабылось. Пять лет назад, в 1912 году (когда мне было семь лет) отец на двух подводах привез весь выводок в родную деревню и сказал, что тут мы будем жить, и что тут приятственные места. Посмотрел украдкой на мать, перекрестился на большую овцу, привязанную на кол у соседской избы, протер влажные глаза и начал стаскивать с воза узлы. Через неделю он уехал один на городскую службу.

И мы стали тут жить — спать на печи, умываться над лоханкой, босоножничать, зарастать цыпками...

И всё, что было допреж, позабылось.

Но где-то был город. Не тот обыкновенный, где, по рассказам матери, мы когда-то жили. С домами из кирпича и дерева, с садочком у верандочки, с халвой и пряниками. В этом не было дива, потому что даже и халва перепалада нам в деревне, когда отец по двенадцатым праздникам приезжал с гостинцами из города. Часами под сухим жарким плетнем, в грядке на огороде, в прох-

---

*) Половина села ходила в отхожий промысел на торфяные разработки под Москвой.

ладной канаве под лопухами, в просвечивающей ржи леживал я, предаваясь сладостной мечте о городе-чуде, где все необыкновенно и все наоборот...

Такое же ожидание увидеть необыкновенное, непредставимое, волшебное пережил я, когда много лет спустя везли меня пленного через германскую границу... А еще через пятнадцать лет прочитал я у молодого советского поэта мечту все о той же диковинной стране, где стрелка на часах ползет наоборот и где живет наоборотичей народ...

С волшебным городом связывались и все мои сны на яву — о правде-матке, о добре, о наказании обидчиков. Где-то там, в городе, была чудодейственная вода, умывшись которой можно стать невидимкой-невредимкой. Мне представлялось, как я перелетаю по воздуху из дома в дом. Передо мной падают запоры, расступаются стены. Меня не берут ни огонь, ни пуля. Я сужу человеческие несправедливости; беру у богатых, раздаю бедным или друзьям: старой Павловне — полушалок, пастуховой Дуне — новую дежу, Оде — пригоршню монет, светловолосой девочке Полинке — изумрудное колечко...

На огороде у меня подземелье со всякой всячиной; на полках поблескивают ряды электрических фонариков, в мешках тускло мерцают монеты; полушалки с синей, золотой каемочкой навалены горой. Я привожу сюда ребят с завязанными глазами. Срываю с глаз платок, предлагаю брать всё, что понравится. И ощущаю на своих глазах слезы умиления перед собственной добротой...

И вот теперь я еду в город, уже совершив все благодеяния, какие только возможно совершить. Мою мысль не занимает, получила ли Павловна полушалок, но я-то его дал, и прекрасно помню, что это была мягонькая теплая фланелька с серебристой каемочкой и блестящими шелковыми концами; отлично помню, как натруженные ее руки задрожали от радости, и слезы благодарности хлынули из глаз... Да вот и она сама, Павловна, стоит с ведерком у колодца, смотрит в нашу сторону; слезы все еще катятся по темным овражкам-ущельщикам ее белого лица. Она плачет, должно быть, по случаю нашего отъезда — сердобольная русская мать она всегда плакала и будет плакать по всем... Но меня вдруг охватывает страшное сомнение: да был ли полушалок-то? И я уже трушу перед встречей с городом: да есть ли чудо? Будет ли чудо?

... Дурашливый Чаной ударяет лошадь кнутовищем по крестцу. Телега покатила...

Миновали Казенный лес, и перед глазами, верстах в двух, несколько в низине, открылся гигантский (таким он мне тогда представился) город со сверканием красных и синих крыш, с поблескиванием церковных луковок, с золотым маревом у воздетого почти к самому небу креста на белой колокольне. Я был в исступлении, ерзал по телеге.

— О-хо-хо! Скопин! Нашенский! — закричал отец, озорно пощекотав меня под мышками. — Сретенья — золотая, Успенья — желтая, Николы — заоблачная!..

Мне показалось, что когда-то это я уже слышал...

Успокоившись, отец с гордостью стал рассказывать (не столько мне, сколько Чаному), что город наш особенный, всем городам город. Благоукрашен он много лучше всех других городов губернии, а может быть, и всей России. А благоукрасить его помог скопинский патриот Иван Гаврилович Рыков, которого одни называли богатырем Буслаевичем, а другие Соловьем-разбойником. Рыков в прошлом веке создал самый знаменитый на всю Россию банк и пустился на американские штучки: давал такие высокие проценты, которые не могли оставить равнодушными даже святых отшельников; его посланцы трубили о скопинском золотом дне по всем городам и закоулкам страны — от Кишенева до бурятской кочевой кибитки. Скоро скопинская кубышка, в которой сначала лежало всего лишь десять тысяч рублей основного капитала, наполнилась до краев — Рыков уже ворочал миллионами. Доверчивее всех к скопинскому золотому дну оказалось духовенство...

На собранные деньги Рыков подвел к Скопину железную дорогу, заложил рудники по добыче каменного угля, воздвиг несколько благолепных храмов, построил богадельни и приюты для бедняков, открыл реальное училище и другие учебные заведения, создал пожарную команду... Скопин во времена Рыкова называли «маленькой республикой».

Израсходовав деньги вкладчиков — а их было двенадцать миллионов — рыковский банк потерпел крах. Рыкова и его дружок и сообщников Иконниковых, Рудневых, Барабанова, Овчинникова, Заикина, Оводова, Матвеева и других («Вот ты заведешь знакомство с их внуками», — сказал в этом месте, обратившись

ко мне, отец) судили в Москве в 1884 году, и это дело прогремело не токмо на всю Россию, но и на весь свет — многие страны прислали на суд своих корреспондентов. Рыков признал себя виновным, но говорил, что пекся о благе родного города и удовлетворении бедных; просил суд отпустить его в монашескую келию, где он будет оплакивать свои грехи. Но суд решил иначе — Рыкова отправили в ссылку в не столь отдаленные места Сибири...

— Рыкова увезли на каторгу, а Скопин-то стоит! — заговорщически подмигнул отец.

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ СВЕТЛАНИН
1905 - 1965

Андрей Васильевич Светланин

I.

1 августа 1966 года исполнилась первая годовщина со дня смерти редактора еженедельника «Посев» и сотрудника журнала «Грани» Андрея Васильевича Светланина.

Андрей Васильевич Светланин — подлинное имя Николай Никитич Лихачев — родился 7 июля 1905 года в селе Пупки Корнеевской волости Скопинского уезда Рязанской губернии, в доме тетки его матери, и был крещен там же, в церкви св. Покрова. До семи лет жил со своей семьей в различных городах, а затем, с 1912 года, семья утвердилась в селе Костемерове, на родине отца Андрея Васильевича, где мальчик и окончил четырехклассную церковно-приходскую школу. С осени 1917 года Андрей Васильевич учился в Режицкой мужской гимназии, эвакуированной из Прибалтики в город Скопин, которая с осени 1918 г. превратилась в единую советскую трудовую школу II ступени. 6 января 1920 г. четырнадцатилет от роду А. В. Светланин вступил в комсомол, а в середине февраля того же года потерял в течение одной недели отца и мать, умерших от сыпного тифа. Смерть родителей заставила его бросить учение и возвратиться в деревню, в отчий дом, где остались без присмотра младшие две сестренки и брат.

Об этом периоде своей юности А. В. Светланин вспоминает в очерках «Преходящее и вечное» («Грани» № 27-28, стр 157):

«Положение сирот было отчаянное: лошади в хозяйстве не было, да и всё равно некому было бы на ней работать, — старший, Костя, страдавший, как и отец, запоем, бродяжничал по городам и домой почти не показывался, а у меня еще были слишком слабы руки, чтобы держать тяжелую соху».

В тот период сирот выручал их двоюродный брат, описанный

А. В. Светланиным в главе тех же очерков «Жертва времени» (там же).

Со дня смерти родителей началась для четырнадцатилетнего Андрея самостоятельная взрослая, тяжкая и увлекательная жизнь.

С 1920 по 1924 годы Светланин работает в качестве рабочего в шахтах, на разных должностях, одновременно пытаюсь заниматься сельским хозяйством в родном селе и успеваю учиться дальше: в 1921-22 году он кончает четырехмесячную уездную советско-партийную школу в г. Скопине.

В 1926 году случилось новое несчастье в семье Лихачевых: дом их

«избушка на курьих ножках сгорела... Да и хорошо это было, — вспоминает Светланин, — к одному уж концу! Я, позванный большаком, уже два года скитался по городам, служил... Приехал в последний раз посмотреть на пепелище, взял в воз моих сестренек и брата Серку и навеки покинул землю, меня родившую...» (там же).

Освободившись от повинности крестьянина и пристроив сестренек и брата, Светланин пошел той широкой дорогой, которая в те годы была открыта ему, сыну бедного крестьянина, потянувшегося к советской рабоче-крестьянской власти.

В 1926 году Светланин поступает в рязанскую двухгодичную губернскую совпартшколу. Через год он становится уже кандидатом партии. В 1928 г. кончает школу.

Но уже в 1927 году, в двадцатидвухлетнем Андрее пробуждается протест против приходящего в те годы к власти Сталину. Он принимает активное участие в оппозиции Сталину, распространяет так называемую «Платформу «83»» и получает кличку «вождя молодых». В тот период партийная борьба шла еще открыто:

«Схватки между оппозиционерами и сталинцами в губсовпартшколе доходили до рукопашных боев, — вспоминает Светланин в своей автобиографии. — На бурное собрание в школе для погрома «молодых» прибыл секретарь губкома Гилянский... В последовавшие годы террора мне пришлось тщательно скрывать свое участие в оппозиции 1927-28 гг.

С того же времени, — пишет он дальше, — я начал критически относиться к существующему строю».

Тем не менее, путь его, прирожденного общественника, обнаружившего к тому же в себе с раннего возраста способности и тягу к литературе и журналистике, не изменился в те годы. Уже с 1926 г. Светланин начинает одновременно работать разъездным корреспондентом, инструктором отдела и заведующим отделом газеты «Рабочий клич». Пробует свои силы в литературе: публи-

кует в той же газете, в местном литературном журнале «Шаги» и в журнале губкома партии несколько произведений, в частности, небольшую повесть «Шаг в жизнь». В тот период он состоял также в местном литературном объединении, главой которого был писатель В. Д. Ряховский.

После окончания партийной школы Светланин продолжает работать в редакции губернской газеты до осени, когда его призывают в армию. Военную службу в роте одногодичников 66-го стрелкового полка, 22-ой стрелковой дивизии отбывает в Краснодаре и там же в 1929 г. переводится из кандидатов в действительные члены партии.

Демобилизованный в 1929 году со званием командира взвода запаса Светланин возвращается на редакционную работу и получает сначала место ответственного секретаря, а затем и заместителя редактора в Краснодарской городской газете. В 1931 г. назначается редактором районной газеты Краснодарского (сельского) района «Червоний стяг» (на украинском языке) и избирается членом райкома партии. В этом же году женится.

Весной 1932 года бывший «вождь молодых» и сторонник «Платформы «83»-х» снова обнаруживает в себе разногласия с политикой партии и правительства: возникает дело об опубликовании в редактируемой им газете статьи, которая была признана «правоуклонистской» (речь в ней шла о нерентабельности колхозного производства). Статья была написана оппозиционно настроенным интеллигентом, заведующим агитпропом райкома Евг. Суриным по предварительному совету со Светланиным и при его полном согласии и одобрении. Результатом этого оказался выговор по партийной линии 27-летнему главному редактору за «правоуклонистскую» статью. Осенью его уже не переизбирают на очередной партконференции в члены райкома. И когда приходит срок Светланину снова идти в армию (для прохождения службы во вновь созданном Особом — «Колхозном» — корпусе Особой Краснознаменной Дальневосточной армии, райком отпускает его с легкой душой.

Следующий период жизни А. В. Светланина, который можно условно назвать «дальневосточным» (с 1932 по 1938 г.), воплощенный им после Второй мировой войны, в Англии, в книгу «Дальневосточный заговор», характерен таким же быстрым продвижением по службе и новым, более страшным срывом. Пройдя службу в 7-ом Отдельном Михайло-Семеновском полку, дислоцированном в Биробиджане, на берегу Амура, во время которой Светланин периодически занимал должности командира взвода, командира роты,

работника финансово-планового отдела батальона — «и всё неудачно...», по его собственному признанию, он переходит снова на журналистическую работу. Ему удается перевестись в Хабаровск, где сначала он работает начальником отдела в редакции армейской газеты «Тревога» в воинской категории КП-8, что равнялось чину майора или батальонного комиссара, а затем ответственным редактором дивизионной газеты «Боец Особой» в Благовещенске. Затем снова возвращается на должность начальника отдела информации в редакцию газеты «Тревога».

За границей, после опубликования книги «Дальневосточный заговор», которая вначале печаталась в еженедельнике «Посев», а затем вышла отдельным изданием, А. В. Светланина, в те годы не открывавшего своего прошлого, друга, за удивительное, до мельчайших подробностей знание этого дела, гадавшие, кем же он мог быть на Дальнем Востоке, шутливо прозвали «Маршалом». Это прозвище так и осталось за ним до последнего дня его жизни.

Летом 1938 г. Светланин попадает в жернова «ежовщины-мехлисовщины» и исключается из партии. В тот период поголовного избиения на Дальнем Востоке он в третий раз проявляет свои оппозиционные настроения и человеческую сущность. Вот некоторые формулировки тех причин, за которые он был исключен из партии и снят с работы: за «политическую слепоту», за «гнилое примиренчество», «за попытки выгородить и оправдать врагов народа»(!), «за бытовую связь с врагами народа», «за подозрительную дружбу с бывшим комиссаром 26-го корпуса — врагом народа Жуковым» и т. п.

Следующий период жизни А. В. Светланина начинается с бегства с Дальнего Востока в Москву — без партийного билета, без вещей, без права прописки, без паспорта, без денег. Он сопровождается скитаниями с места на место, случайными работами, как, например, на кирпичном заводе, прозябанием в подмосковных бараках с семьей, ощущением отверженности, страхом за прошлое («вождь молодых оппозиционеров»-антисталинцев).

Но и этому наступает конец: снова взлет, еще более высокий, чем предыдущий. А. В. Светланина, по его апелляции, восстанавливают в партии. С 1939 года он снова погружается в журналистический мир: его берет к себе на работу, с большим риском для себя, Н. Чудновский в свою редакцию всесоюзной газеты «На страже» — орган Центрального совета Осовиахима. Вскоре Светланин становится заместителем главного редактора, получает отличную комнату в центре Москвы, персональную машину и земельный участок для постройки дачи.

За год до войны перед ним открываются новые возможности и блестящие перспективы. Ему предлагают пост заведующего секретариатом Центрального Совета Осовиахима. Он вызывается в ТАСС для переговоров о назначении его заведующим военным отделом ТАСС. Из-за него идет борьба, каждый хочет перетянуть его к себе. Дело решается в самом ЦК ВКП(б). Побеждает, все-таки, его главный редактор Чудновский. В первые же недели войны Чудновский переводится на другую работу, а Светланин получает должность главного редактора газеты «На страже». Эта должность — номенклатуры ЦК, поэтому для заполнения анкет он вызывается в ЦК ВКП(б) и беседует с Щербаковым. Ему должны выдать военную броню. Но... начинается следующий период падения с советско-партийной общественной лестницы: чуть не оказавшись на посту начальника политотдела дивизии, Светланин в неразберихе и хаосе первых недель войны скатывается, попав в точку пересечения чьих-то чужих воль и стремлений, на должность командира роты. Затем снова — газетная работа на фронте (начальником военного отдела армейской жизни армейской газеты 2-ой ударной армии «Отвага», в воинском звании батальонного комиссара) и — неожиданный плен. В плен Светланин попадает в день своего рождения, 7 июля 1942 г., после сурового боевого крещения.

В плену ждали его, как и сотни тысяч других российских людей, страшные испытания: лагеря военнопленных, тюрьма в Каунасе, в которой он сидит сто одиннадцать суток в камере смертников по доносу, что был политкомиссаром. Но, спасенный чудом, выходит из тюрьмы. Работает журналистом в Винете. В 1945 г. становится по паспорту Андреем Васильевичем Фроловым. В 1952 г. принимает литературный псевдоним А. Светланина.

С окончанием войны начинается следующее падение с общественной лестницы: А. В. Светланин работает уборщиком и кухонным мужиком сначала под Гамбургом, а затем переезжает в Англию, где снова начинается подъем: от кухонного мужика в английском госпитале до лектора при Кембриджском университете, читающего лекции английским военным переводчикам о советской армии. В эти послевоенные годы, освобожденные от внутренней и внешней цензуры, зреет в душе Светланина литературное произведение «Родина ветловая», которое публикуется в недавно родившемся журнале «новых эмигрантов» «Грани» (№ 5 за 1949 г. и № 24 за 1955 г.), и «Преходящее и вечное» («Грани» № 27-28 за 1955 г. и № 29 за 1956 г.). В 1952 году печатается с продолжением в «Посеве» «Дальневосточный заговор», а

в 1955 году, по приглашению главного редактора «Посева» Е. Романова, Светланин переезжает в Германию, во Франкфурт-на-Майне, чтобы перенять его должность. Очень скоро он становится центром и душой общества, большим авторитетом, любимым другом. Но, проработав столько лет в теснейшем сотрудничестве с НТС, Андрей Васильевич так и не стал членом Союза, на деле доказав условность понятия любого членства любой организации.

Для борьбы с коммунизмом, в частности, с КПСС, А. В. Светланин использовал накопленный годами весь свой партийный опыт, всё свое знание советской жизни. С абсолютной бескомпромиссностью и неиссякаемой энергией вел он поединок с коммунистической властью. И только сами члены ЦК КПСС могли бы, если бы в состоянии были решиться на такой подвиг, рассказать, какого неумолимого противника обрели они в лице Николая Никитича Лихачева — Андрея Васильевича Светланина, не раз вызывавшегося ими в свое время для совещаний в ЦК.

Публицистическое наследие А. В. Светланина достойно стать объектом специального анализа. Талантливый журналист, отличный редактор, тонкий политик, один из лучших знатоков КПСС, прогнозы которого в «Посеве» многократно подтверждались жизнью, Андрей Васильевич жил исключительно Россией, был всегда в курсе всех ее политических, экономических, общественных, литературных дел, чутко и точно определял в своих передовицах центральные и актуальные проблемы страны.

Для того, чтобы показать масштаб его журналистической работы, достаточно указать на несколько данных. А. В. Светланин печатался под пятнадцатью псевдонимами: фамилиями — А. Землев, А. Польшов, Н. Покровский, А. Аркадьев, Е. Кузовкин, Ф. Кузьмичев, Н. Веригин, Ф. Ракитин, В. Московитинов, Д. Митин, Н. Северов; инициалами — А. П., Ан. С., А. З., Н. П. В течение десяти лет им было опубликовано в «Посеве» 726 статей, из которых 200 было подписано им, остальные же шли в качестве материалов от редакции: 277 передовых и 249 редакционных статей, заметок, комментариев, отчетов, сообщений, вступительных слов, введений к публикациям и пр. и пр.

Отдельно следует отметить его блестящие путевые очерки, печатавшиеся в 11 номерах «Посева» под названием «Путешествие на Красивый остров», написанные А. Светланиным во время и после поездки его на Тайвань с председателем НТС В. Д. Поремским, и доклады на посевских конференциях: «Проблема государственного переворота в условиях послесталинского режима»,

«Первоочередные мероприятия по переустройству государственной жизни в России», «О современных противоречиях в стране» и др.

А. Светланин принимал также активное участие в Конгрессе за права и свободу в России (Гаага, 1957 г.), был членом Организационного комитета и одним из вдохновителей и составителей «Резолюции за права и свободу в России о народных требованиях данного этапа.»

Последнее десятилетие своей жизни Андрей Васильевич отдал служению России, революционной борьбе, которую осуществлял через доверенный ему «Посев».

Умер он 1 августа 1965 г., внезапно, от сердечного удара, работая над политическим анализом процесса Брука, в дни, когда советская власть вынуждена была впервые в полный голос заговорить о революционной организации НТС, рупором которой был еженедельник «Посев», возглавлявшийся Андреем Васильевичем Светланиным.

II

За биографией фактов каждого человека стоит биография его души.

Стремление разгадать смысл своей жизни — ведь для чего-то рождается каждый человек? — неразрывно связано со стремлением познать свое «Я».

«Вскрыть бы память свою ножом критическим, посмотреть бы не спеша ленту жизни кинематографическую, сумбурную, — авось и из сумбура прольет что-нибудь свет на меня нынешнего. Из сумбура вселенной некогда отделилось солнце и образовало систему солнечную — верную ли? правда? — то никому неизвестно... Записать бы показания памяти, ленту ту кинематографическую на бумагу — в порядке определенном. Да, записать. Хорошо бы. Прочитать потом — вывод сделать, хотя бы на смертном одре найти успокоение душе мятущейся. И то ведь мечта бесценная! Жить из-за нее стоит... («Грани» № 29, «Преходящее и вечное», стр. 163.)

Нашел ли Андрей Васильевич успокоение на смертном одре — нам, живым, знать не дано.

Мертвое строгое лицо его, напряженный большой лоб и сдвинутые брови несли на себе печать последней высокой думы.

Скрытый смысл своей жизни Андрей Васильевич стал ощущать в годы, когда, по его свидетельству, прошел первый угар молодости. Тогда обратился он в первую очередь к своему проис-

хождению, чтобы попытаться увидеть свое «я» в зеркале рода и через это приблизиться к самопознанию.

«Родина ветловая» (очерки рязанской деревни), опубликованная в «Граниях» №№ 5, 24 под псевдонимом А. Землев, в большой мере и является талантливым осуществлением этой попытки, воплощенной автором в художественную прозу, написанную в лирическом ключе.

«...Мой род искони русский, хлебопашеский. С тех пор, как стоит при рязском большаке древнее рязанское село Кость Мерная, там жили Землевы, однодворцы», — так начинает главу «Отцы и праотцы» Андрей Васильевич в «Родине ветловой». («Грани» № 24, стр. 40)

Село Костемерное, названное им в «Родине ветловой» чуть измененно — «Кость Мерная», — когда-то находилось на границах Московской Руси. Жители его были защитниками государства, и за это московскими государями награждались землями, получали писанное право владеть крепостными. Но никогда правом своим рабовладельческим эти «без пяти минут дворяне», по насмешливому прозвищу от соседских сел», не пользовались, оставаясь веками вольными хлебопашцами.

Странное название села Кость Мерная, по сведениям Андрея Васильевича, происходило оттого, что

«здесь костями легли защитники Московской Руси и здесь похоронены их кости». А Мерная потому, что люди были все, как на подбор, «ядренные, отборные духом и телом — мерные, и дела и поступки их — мерные.

[Мерная, но не меряная.

Сколько ее здесь закопано, никто не мерял; никто не знает непомерной жертвы, принесенной нашими предками в защиту родной земли. Ее и нельзя измерить, потому что можно бы перемерить кости сложивших буйну голову служилых людей, но невозможно вымерить никакой мерой подвижничество их ратное и доблесть богатырскую.» («Грани» № 5, стр. 7).

По-видимому, от этих-то предков своих унаследовал Андрей Васильевич ряд черт, отличавших его среди других: великое чувство долга — «...все люди... слуги долга... Долг — вот истинный царь жизни» («Г р а н и» № 29, стр. 159), служения Родине и ответственность за нее, подвижничество в труде, равнодушие к материальным благам и личному устройству. Его падения и взлеты на служебной и партийной лестнице являются тому лучшими доказательствами. Не он искал, а его искали. Так было во время его жизни в СССР, так же и за границей.

Со стороны матери, урожденной Севастьяновой, предки его были не менее интересны и значительны:

«Отец деда... кающийся дворянин, надел на себя крестьянскую одежду и вел жизнь простолюдина нарочно... искупал вину класса крепостников перед мужиком. Его сын... носил смазные, воняющие дегтем сапоги и нагольный полушубок уже всамделишно». («Грани» № 24, стр. 42).

«Принадлежностью своей «к голубой крови» Севастьяновы, тем не менее, дорожили, и из крестьян выделялись природным умением держаться с достоинством, горделиво.» (Там же, стр. 43).

Со стороны же бабушки был иной род — Полотебновых, давших ветвь научной интеллигенции — знаменитого «петербургского профессора, пионера русской дерматологии Полотебнова» (Там же, стр. 44).

Исследование родового древа принесло Андрею Васильевичу чувство удовлетворения и душевного спокойствия — во многих предках узнал он себя, ощутил кровную и духовную связь между собой и ими.

«Итак, родство Землевых (Лихачевых. — Н. Т.) — Волковых — Севастьяновых — Полотебновых произвело на свет меня такого, какой я есть.

...Я благодарю Создателя, что дед мой Егор повстречал Татьяну Волкову и женился на ней.

Я рад, что Семен Севастьянов заметил красоту и добродетели Марьи Полотебновой и женился на ней.

В моей крови нет раба крепостного, по крайней мере, ближайшие мои родичи были пахари вольные.

Не аристократ я, не избранный — тоже. Удержи нас, Боже, подальше от избранных!

Не аристократ, но себе господин и князь.

И за это благодарю я Бога.» (Там же, стр. 44).

Народнические настроения Андрея Васильевича, бывшие неотъемлемой и большей частью его души, имели двойное происхождение: одно по линии кающегося дворянина — прадеда с материнской стороны, другое со стороны отца, редкого до революции представителя крестьянского народничества.

Никита Егорович Лихачев (1870-1920), названный в «Родине ветловой» Фомой Егоровичем Землевым, был, по определению своего сына, «перехожим писцом», «трактирным» адвокатом, человеком большого прирожденного ума, самоучкой в юридическом деле, взявшим на себя тяжкий долг «жить мужицкую защищать» и «нужду крестьянскую, как свою, к сердцу» брать. Был он правдолюбом и правдоискателем, крестьянским философом. От недюжинного своего ума и таланта страдал запоями. («Грани» № 24, стр. 44-59).

От него в наследство получил Андрей Васильевич обостренное чувство справедливости, совести, любви к крестьянской России, стремление к поискам правды и истины. Но им же и был направлен на путь, которым шел почти два десятилетия, страдая от внутренней раздвоенности и неудовлетворенности, периодически восставая, а затем снова сдаваясь, пытаюсь оставаться человеком в самых страшных и невыносимых условиях советского террора, переживая большие разочарования и все-таки не находя в себе достаточных сил отказаться от пути, которым пошел четырнадцать лет от роду.

Вспоминая о дате своего рождения, Андрей Васильевич написал слова, которые могли бы стать эпитафией для всего советского периода его жизни:

«Я родился летом жарким в год революционный тысяча девятьсот пятый. Мужики с дрекольем на помещиков шли. Зноем июльским меня ополыхнуло — потому, может, лет через тридцать я холода на себя нагонять начал. Беготня мужиков с дрекольем, с видом опасливым, бунтаря во мне... нерешительного поселила.» («Грани» № 24, стр. 59).

Ошибка в избрании пути для сына произошла потому, что отец Андрея Васильевича «узнал» свою мужицкую правду в большевистском перевороте:

«Вас, может быть, удивит, когда узнаете, что Фома Егорович перед закатом ранним жизни своей праведной... с революционерами пошел. Если не по билету партийному, то — по согласию с идеей. Сына своего... на ту же стезю наставил: самолично в приготовительный класс компартии в РКСМ записал», — вспоминает о первых днях своей взрослой жизни Андрей Васильевич. («Грани» № 24, стр. 60).

И четырнадцатилетний мальчик принял эту «правду» от отца, увлекся ею, как многие увлекались в ту пору из среды рабоче-крестьянской молодежи:

«Что мне было до «домашней», обшаренной и обсмотренной до последнего пескаря, реченки смешного названия Вёрда, до глупо горлающих грачей, до бородатых мужиков и брюхатых баб, когда в груди мировым пожаром полыхал флаг Интернационала и в красной дали мерещились и звали к себе ряды, ряды, ряды...» («Грани» № 5, стр. 32).

Но уже в голодные тридцатые годы, будучи молодым редактором и членом партии, увидел он, крестьянский сын, в ином облике свою Родину ветловую:

«В стоне коллективизируемой деревни она явилась мне, гражданину Москвы и вселенной, — в обветшалой шушке и скорбно повязанном пла-

точке, с искаженными страданием чертами прекрасного лица, она моя родина ветловая. Пришла в слезах и запричитала причитом:

«Сын мой! За заботами о всечеловеческом ты совсем забыл свой дом... Беда, сын, беда крылом черным машет над улицей в вётлах. ...Ответь: это надо для любви к человечеству? Но разве я, твоя мать, не стою любви твоего сердца, открытого для далекой индусской деревни?..

...И коснулся души моей разлад с новью... А там пришла война. На фронте, под Вязьмой, в заснеженном лесу, поваленный на землю снарядом, с четверенок метал гранаты в бронированного паука ирреальный космополитический краском и реальнейший в целом свете рязанский крестьянин Александр Землев...» («Грани» № 5, стр. 32).

Для еще не совсем определившегося в своей реальности «рязанского крестьянина» тридцатые годы — предвоенное десятилетие — оказались наполненными напряженной духовной работой — мучительными попытками определить свое мироощущение и мировоззрение. Именно тогда обратился Андрей Васильевич к своим «отцам и праотцам», ища у них ответа, к своему детству и людям, которые его в ранние годы окружали.

Сложный и противоречивый мир мятущейся его души раскрывается им самим в главе «Суд», — завершительной главе его советских портретов, объединенных им под названием «Преходящее и вечное». («Грани» № 29, стр. 149).

Глава эта — автопортрет Андрея Васильевича. Художественный прием — раскрытие себя через отрицательные и положительные мнения о нем его близких, — сестер и их мужей, жены, тещи, — собравшихся за уютным семейным вечерним столом.

Тот, кто хорошо знал Андрея Васильевича, может с чистым сердцем засвидетельствовать, что «Суд» действительно является в полной мере портретом — и даже больше — исповедью Андрея Васильевича, написанной с поразительным самопроникновением и большим мастерством (что, впрочем, относится так же и к остальным портретам). О причинах, побудивших дать свой портрет в созданной им галерее, он говорит сам в маленьком предисловии:

«Писать о себе — казнь, и отнюдь, конечно, не почетная. Гораздо легче, например, изображать Цецюру — хотя бы потому, что при этом утешаешь свою совесть тем, что Цецюра-то во всяком случае если и не захочет оправдываться, то может энергично огрызнуться: а ты-то, мол, каков? Агнца невинного из себя строишь? Моей коростой норовишь в себе сукина сына прикрыть?

Огрызаться на самого себя трудно, ибо, помимо всего прочего, и это

ведь можно (пожалуй, и должно) посчитать за уловку сидящего в тебе сукина сына.

Тем не менее — вещь написана. С максимумом (в моем собственном, конечно, представлении) того возможного, что человек может и о собственной коротости рассказать.

Утешение в том, что моя-то личность, пожалуй, никому не интересна и, Бог даст, не оставит у читателя никакого следа. А намерение мое — я надеюсь — оправдано: в собственном портрете тоже дать черточку своего времени и таким способом честно уравнивать себя с Неудавшимся Дипломатом, и с Брандахлыстом, и с Цецурой Журналистом, и с Ортодоксальным Кузеном, и с Жертвой Времени...

Хотелось бы сказать что-то о *самоочищении*. Но слышу насмешливый голос: «В благородство норовишь сыграть?..»

Не надо больше ничего.» («Грани» № 29, стр. 149).

В этой главе Андрей Васильевич пытается открыть миру самые заветные уголки своего я, одновременно и сам познавая их. История с синим стеклышком, которое он нашел в детстве, и, посмотрев через которое, открыл для себя совершенно новый — синий — мир, мир «божественной гармонии, сказал бы я теперь» (там же, стр. 149), получает совершенно особое звучание и значение, когда мы в середине главы узнаем, неожиданно для нас и самого автора, что воспоминание о синем стеклышке — не его воспоминание, а его умершего старшего братца. Впервые о подмене своих воспоминаний детства чужими — умершего братца — Андрей Васильевич узнает на тридцать пятом году жизни, в предвоенный сороковый год, в уютный семейный вечер. Этот удар почти сшибает с ног уже лысеющего редактора всесоюзной газеты, члена партии с пятнадцатилетним стажем. Он не может, не желает отказаться от того, что, оказывается, было самым заветным, самым тайным и прекрасным в его жизни. В связи с этим кажущимся пустяковым событием — мало ли кто из нас в детстве не присваивал себе чужих воспоминаний по рассказам наших родителей? — раскрывается трагедия, сопровождавшая зачатие, рождение и детство Андрея Васильевича: он родился четвертым по счету ребенком в семье вскоре после того, как его мать потеряла обожаемого ею первенца и чуть не умерла от горя.

«Беременная тобой, она думала о нем, — рассказывает старшая сестра Андрею Васильевичу. — Когда ты родился, то, по ее желанию, был назван Андреем (в честь умершего мальчика. — Н. Т.). Удивительно, что во внешности твоей много схожего с покойным братцем...» (Там же, стр 152).

Но, несмотря даже на сходство, мать не полюбила своего нового сына.

«...Не любила!.. обманувшись, видно, в своих надеждах увидеть во мне повторенными природу и духовный мир ее обожаемого первенца... (там же).

Трудно измерить и представить себе страдания ребенка, растущего в атмосфере нелюбви собственной матери. Такое детство несет в себе горькое одиночество, замкнутость, уход в свой никому недоступный мир, болезненную фантазию, боль и ревность к умершему братцу, забравшему с собой и ту долю материнской любви, которая по праву полагается каждому ребенку.

Вероятно, с первых дней сознательного детства складывалось в Андрее Васильевиче свое мироощущение, выразившееся в следующем утверждении:

«Личность смертна, неповторима и невоспроизводима» (выдел. мной. — Н. Т. Там же, стр. 161).

В этом утверждении собрана вся сила скорби нелюбимого ребенка, протеста против того страшного противоестественного эксперимента, который задумала и провела в жизнь мать Андрея Васильевича.

С годами мироощущение развивалось, самостоятельно и в полном одиночестве, в «персоналистическое» мировоззрение:

«Каждый человек — уникал, ты — единственный и неповторимый среди всех людей, которые когда-либо жили, живут и еще будут жить на земле. Надо полагать, что ты и во всей вселенной-то один — один! — Гордись, человек! ...Сколько людей на земле — столько и вселенных. Многие глядели в надзвездную высь, но — каждый в праве сказать — никто еще не парил в ней на такой чудо-птице, как я, и не видел той фантазмагории звездной, какую видел я. Это — моя тайна. Сколько людей на земле — столько и тайн на земле сокровенных» (Там же, стр. 161).

Конец тридцатых, начало сороковых годов связаны у Андрея Васильевича с уходом в себя, с мучительными поисками правды и истины (отцовское наследство), с изолированием себя от других людей, даже самых ему близких.

Ряд обвинений выставляют ему в главе «Суд» оба его шурина: каждый соответственно своему характеру, своему человеческому кредо. Из них восстает картина духовного состояния Андрея Васильевича этого периода: омерзение ко всякому виду фанатизма, неприятие нового, но и полный отказ от старого, отрыв от реальной жизни и витание в мирах иных, шатание по ночным кабакам, с «гаданием над рюмкой», мучительные попытки подлинного свободного творчества, не журналистического — днев-

ного, а писательского — ночного, лихорадочного, кончающегося уничтожением написанного; гордыня по отношению к великим мира сего и отсутствие честолюбия, «хождение в народ» и неприятие «фальшивой» интеллигенции, глубокая задумчивость, грусть, бессонница... Для своих шуринов, особенно для младшего — партийца-материалиста — Андрей — «лишний человек» нового коммунистического века, «возмутитель духа», в котором сидит бес противоречий, бесплодный спорщик, стремящийся завести человечество в непроходимые тупики. Старшего шурина — «золотую середину» — занимает другое: как такой чудак, как Андрей, может находиться в партии? Из его обвинения встает иная обратная сторона характера Андрея: страстная любовь к своей журналистической и редакторской работе, тяга к обществу, стремление быть в самом круговороте событий и принимать в них активное участие. Всё это пересиливало и «необузданный анархизм», и «теорию свободы неограниченной», и «язык несдержанный» и приводило к отчетливому сознанию, что без партии Андрей Васильевич остается за бортом жизни; именно это чувство побудило его после исключения из партии в период ежовщины ходить по всем учреждениям и инстанциям, доказывать свою невиновность, добиваться возвращения «красной книжицы». Но возвращение ее, принятое Андреем Васильевичем как подарок «бессмертия», снова заключило его в тот же порочный круг, из которого выбраться сил не было. Все так же нависали над ним его «синие миры», мучили поиски «божественной гармонии» и протест против реальной, позорной, лживой и рабской жизни.

«Кабы силы нашлись..., — отвечает он задумчиво на все нападки его здравомыслящих родственников, — попробовать бы в таком этаким романишке стекляшку синюю оправдать...» (там же, стр. 164).

В «романишке» этого сделать Андрею Васильевичу не удалось. Писательство и здесь, за границей, оказалось для него слишком большой роскошью, которую он смог разрешить себе, лишь оказавшись на самой низшей ступеньке общественной лестницы: работая кухонным мужиком в английском госпитале и по ночам засиживаясь с упоением над своей «Родиной ветловой» и над «Преходящим и вечным».

Но жизнь снова позвала его к себе. И он пошел на ее зов, потомственный народник, бунтарь и революционер, с головой окунувшись в свою любимую журналистическую и редакторскую работу.

Писательские планы лишь толпились в его голове и разгорались огнем во время редких и коротких отпусков, как несбыточные мечты. Долг — «царь жизни» — в последнее десятилетие его освещенный совестью, оправданный пониманием правды и цели, безраздельно властвовал над ним во все время его грандиозной работы в еженедельнике «Посев».

Что же касается Истины, то и к ней Андрей Васильевич — «возмутитель духа», сомневавшийся, отрицавший и одновременно страстно завидовавший вере «простой крестьянки», прикоснулся. И, думается мне, через религиозное возрождение в России, за которым следил он с особым пристальным вниманием все последние годы.

За несколько недель до смерти Андрей Васильевич, человек внецерковный, завещал своим друзьям отпевать его по-церковному.

Много задач ставил перед собой Андрей Васильевич в жизни и многое выполнил. Но одной из самых заветных, не оставлявшей его до последнего дня, было

«...выступить свидетелем своего времени перед трибуналом истории. Как никак четверть века был участником эксперимента русского — феномена века нынешнего и вечного воспоминания поколений грядущих...» («Грани» № 29, стр. 163).

И эта задача, остававшаяся, как ему до конца казалось, на задворках его жизни, тоже оказалась выполненной. Его произведения «Родина ветловая», «Преходящее и вечное» и «Дальневосточный заговор» — составляют все вместе глубокое, честное свидетельство и одновременно исповедь его — сына России, которую он любил.

Модернизм и молодая русская литература

(Об авторах СМОГа и о поэте А. Михайлове)

Беспредметное искусство уводит нас в мир новой духовной реальности. В Средние века литература, как и живопись, изображала сверхчувственный мир, мало заботясь о его сходстве с миром видимым. А если такое сходство и случалось, то не потому, что художник его добивался, а потому, что наш земной видимый мир — лишь бледное отражение подлинного мира прообразов, описанного Платоном в его знаменитой притче о «Пещере». Мир, в котором мы живем, состоит как бы из бледных и плоских фотографических снимков с нетленных, ярко-глубоких реальностей трансцендентного бытия.

Забота о правдоподобию искусства возникла в Европе при перенесении центра тяжести из области духовной в область материальную, когда проблему человеческой судьбы стали пытаться разрешать путем устройства его материальной жизни на земле, ценой отказа от жизни духовной. От этого мир становился всё срее, постепенно теряя напряженность подлинного бытия.

Разложение европейской мысли и культуры продолжалось свыше трехсот лет и достигло своего апогея во второй половине прошлого века, когда появился марксизм и наши «шестидесятники». Французская и русская революции были лишь политическими эпифеноменами и неизбежными последствиями размагниченной духовной жизни.

Но крайняя безотрадность, вызванная нарочитым подчеркиванием унылых и плоских сторон жизни, безнадежное убожество и неряшливость изобразительных средств, творческое бесплодие и фанатическая ограниченность порожденного материализмом натурализма пробудили в конце концов жажду подлинной культуры.

Немецкий романтизм начала и французский символизм конца прошлого века были уже несомненным возвращением к здоровым

традициям европейского Средневековья (с поправкой на прошедшие века). Но только начиная с Бодлера, с модернизмом, мы окунаемся в подлинную стихию современности, с ее бесстрашием в отрицании и безудержной смелостью в поисках Абсолюта.

Возвращение к полноте и ко всестороннему развитию всех способностей человека с особенной силой проявилось в творческом подъеме русского Ренессанса (начало XX века), до сих пор подспудно питающего самые смелые дерзания передовой творческой элиты всего мира.

Если в Средние века человеческое восприятие явлений духовного мира шло лишь посредством символов, т. е. через представления, почерпнутые среди предметов и существ материального мира, то в эпоху русского Ренессанса, впервые в истории Европы, высшие духовные реальности нашли свое конкретное воплощение в искусстве непосредственно, а не через символизацию предметов земного мира. Андрей Белый, Циолковский, Флоренский, футуристы в поэзии, абстракционисты в живописи сумели не только уловить, но и сделать для нас ощутимыми недоступные разуму и внешним чувствам, хотя и вполне реальные, явления.

Но русский Ренессанс наступил слишком поздно, чтобы воспрепятствовать воцарению в самой России крайнего материалистического агностицизма, зародившегося в середине XIX века.

Господство же материализма на нашей родине, длящееся уже пятое десятилетие, вместо окончательного порабощения человеческого духа, наоборот — обострило борьбу за человека, за высшие духовные ценности и ввело ее в решительную фазу.

Наш современник в борьбе с материализмом и в напряженнейших поисках истины снова обратился туда, где бьют столь ревниво оберегаемые тютчевским молчанием ключи — неисчерпаемый источник всякого подлинного творчества.

Ближайшая, наиболее доступная нашему восприятию духовная реальность — это наша собственная внутренняя жизнь. К ней и обратились лучшие художники нашей эпохи. Внешний мир из цели снова становится материалом для выражения «я» художника.

Через человеческую личность — абсолютную, непреходящую ценность — искусство неизбежно подходит вплотную к тому сверхличному, вечному, универсальному, которое наши средневековые предки постигали только через символы окружающих их предметов.

Мы еще не в состоянии предвидеть, какова будет духовность будущего, но кое-какие намеки на ее очертания уже сегодня можно найти, например, в живописи Чурльониса, в мысли Флоренского или в таких произведениях литературы, как «Ночной обыск» Хлебникова или «Торжество земледелия» Заболоцкого.

Пути поэзии от нас сокрыты. Непокколебимо уверен я только в одном: что поэзия б у д е т. Неизвестно только, в каких формах. Во всем мире опыт последних десятилетий показал, что взорвать слово, раскладывая его на составные части — буквы — нельзя! Слово — предел, за которым простирается хаос.

Но тут возникает вопрос: что такое слово? Исчерпывается ли оно грамматически правильной, освященной всеобщим употреблением его формой, или же наша привычная речь — лишь сгустки некогда вольной стихии, корни и последние разветвления которой уходят в неведомое и в бесконечность?

Для всякого, кто этими вопросами занимался, ясно, что человеческая речь — тайна. При углублении в ее природу исследователя поджидают самые невероятные неожиданности. И вскоре он убеждается, что наша обыденная речь — лишь стакан воды из безбрежного, целиком никому не ведомого океана речевой стихии.

Хлебников первым в русской литературе правильно ощутил эту сторону вопроса. В основном он был прав: стихия слова безгранична и неисчерпаема, полна удивительнейших возможностей.

В русской поэзии наших дней особенным мастером в этой области оказался Семен Кирсанов, творец изумительных «мояблоня», «моягода», и многих других находок, увы, обычно неохотно терпимых соцреалистическими завистниками.

Даже у такого осторожного советского поэта, как Сельвинский, также заметны искания в этой области. Взять хотя бы его знаменитые транскрипции цыганских романсов:

Раз — и дывá И! — ты́ри четы́? ты ты́? тыре
 Ты́ройка да ра́заных ло? шидь?..
 Ах! Э йолы ша́раба́н'э йолы
 Санний путь ха?ро?ший — ды.

Но насильственная соцреалистическая униформизация почти на полстолетия задержала этот процесс и помешала русским поэтам творчески развить открытия начала XX века.

Удивительно, что в СССР, вдалеке от свободно ищущих поэтов Запада, своими собственными силами, лишённые всякого одобрения и поддержки, наши молодые поэты не только ставят те

же проблемы, над которыми бьются самые передовые и талантливые поэты свободного мира, но и достигают на этих новых путях бесспорных положительных творческих результатов.

АВТОРЫ СМОГа

Примеры таких исканий мы наблюдали не в официальной советской поэзии, а в молодежных поэтических сборниках, издающихся нелегально в России, как, например, в «Фениксе», «Синтаксисе», «Сфинксах», поэтических сборниках СМОГа, а также в попадающих к нам подборках стихов отдельных молодых авторов.

В этой статье остановимся на стихах поэтов СМОГа и на творчестве одного из самых одареннейших молодых поэтов нелегальной России, — не принадлежащего ни к одной из перечисленных выше поэтических групп — Аркадии Михайлове.

После полувека старательного выкорчевывания в самой России всякого подлинно живого, свежего слова, они оказались на уровне (а то и выше) многих своих сверстников — поэтов в таких странах, как Англия, Франция, Германия, Италия, а, пожалуй, и США.

Авторы СМОГа, конечно, еще чересчур молоды, чтобы от них можно было ожидать законченных, зрелых достижений. Но наличие подлинного своеобразия, а порою и недюжинной одаренности — несомненно. Почти у каждого из них уже встречаются отдельные большие удачи.

Самые смелые среди смогистов, хотя им порою и не удастся до конца воплотить в слове свое видение, все-таки намного значительнее менее отклоняющихся от проторенных путей (а склонность к отклонению имеется у них у всех — в этом их групповая отличительная черта), более доступных неискушенному читателю и менее шокирующих официальных соцреалистов.

Но все мои симпатии, конечно, полностью на стороне более смело дерзающих — и за ними будущее; всякая оглядка на «общепринятое», всякое «но все-таки» — признак слабости и неуверенности в своих поэтических возможностях. Хотя тут же добавлю, что при всей важности обладания своеобразием и новизной — без высокой, безжалостной и к себе и к другим требовательности из начинающего поэта может ничего не получиться. В этом — одна из сторон жестокости искусства. Если в области, например, уголовного права или нравственности вообще — намерений доста-

точно, и они даже признаются более важными, чем осуществление их, искусство вообще не принимает в расчет неосуществленное намерение. Поэтому важно не только дерзать, но и осуществлять.

Интересно, что смогисты, все вместе, являют собой лик России, некую собирательную личность, тем не менее, столь же единственную в своем роде и незаменимую, как и личность индивидуальная. Именно эта собирательная личность достигла наиболее удачного выражения у некоторых индивидуально менее ярко выраженных смогистов:

Только зверю хочется, да не может взять.
 Бьюсь я красным кочетом в голубую знать.
 А с крыльца отпетого ты глядишь вослед.
 Защищен от ветра старенький валет...

...Без мощны — мошенник. Я тот самый туз.
 Я о чьи-то шеи сапогами трюсь.
 Среди всех регалий — самый белый знак.
 Ни за что ругали площади зевак...

Это, пожалуй, лучшее из дошедших до нас стихотворений Сергея Морозова.

Или вот у Алейникова:

...Перемелят ли нашу печаль
 волны?.. стучит и царапает днище,
 вороном вьется... (не замечал —
 завтра черед! и в могиле отыщет!)...

В таких строках явно ощущается хлыстовско-гоголевская жуть, усугубленная разгулом коммунистических бесов.

Это объединяющее смогистов общее настроение (отдельные элементы которого встречаются и у Губанова) — не светлый лик рублевско-пушкинской Руси, а темный достоевско-нарбутовский кошмар, рожи Бориса Григорьева и кустодиевская ярмарка со зловещими откликами «Петрушки» Стравинского.

Технически Морозов слабее других. Попадаютя ничем в данном контексте не оправданные вульгарности, вроде:

Я вижу, как пацан зрителя
 жмет на клаксон...

Или:

Есть что-то одинокое
У музыканта в пальцах...

не лишённое комического оттенка.

Но Морозов берет новизной и остротой своего видения, порою чем-то напоминающего Нарбута:

Вот отпляшет, отпляшет пол-лета
безголовый кровавый гусак.
Осень жалует мне эполеты.
Я гуляка теперь и гусар...

В его кошмарах — преднамеренно или случайно — маячит нотка фрейдовского психоанализа:

...что за белыми — белыми рамами,
где зеленая плавится медь,
я не звал тебя мамочкой, мамою.
И не сметь! И не см - е - ть, и не с - меть...

Техническая слабость портит одно из его наиболее интересных стихотворений, памяти Луговского, где после весьма расплывчатых ассонансов в первом четверостишии: деться — зеркальца — надеждой? — он прямо переходит на белый стих. Но и белый стих имеет свою эстетику, одним из основных правил которой является полное отсутствие всякого намека на рифмовку, острое различие звукового состава слов, заканчивающих строку.

Обычно техническая слабость означает или отсутствие дарования, когда она совпадает с ординарностью избыливающего общими местами содержания, или же недостаточность работы и творческого опыта. В этом втором случае за словесными срывами и неудачами все равно ощущается внутреннее своеобразие — вот как у Морозова, который, при условии упорного труда, имеет все шансы стать хорошим своеобразным поэтом — на его палитре есть тона, свойственные только ему одному. Его задача — научиться ими как следует пользоваться.

Не лишен досадных неловкостей и Владимир Алейников: «нараспах» вместо «нараспашку». Это такое же развитие живого языка, как у Амфитеатрова — «гнезды» вместо «гнезда» — для

рифмы. Или еще: «недоверья слушай»... и т. п. А это тем более жаль (хотя и вполне поправимо), что лучшее у Алейникова — как раз в своеобразии языка:

Чин-по-чину. Лови. Колесами,
 обручами на кадках — звон.
 Если степь — ничего, износится.
 От киоска — седьмой уклон...

или: «мне жить, как жать, а временами — ждать...» Интересны его смелые поиски в области аллитераций: «Где же потомки? наверно, в потемках», или: «Мальчишки жгут голубые костры, пальцы жгутом и надкушены губы». Возможно, что этим путем он станет находить метафоры. Пока он охотно учится у Пастернака, его длинная поэма «Отрывок» во многом использует «Спекторского»:

Еще прохлада, покаяний звон,
 линияльный клен, подковы вдоль забора.
 Не поднимай. Монисто похорон
 и виноград за ширмой коридора...

Несомненно, что плодотворнее учиться у Пастернака, чем у Маяковского или даже у Есенина. Но у Алейникова уже проявляется свое лицо, пока, главным образом, в словесном материале. Но ведь поэзия в первую очередь — искусство слова.

Наиболее одарен среди смогистов Леонид Губанов. И у него достоевско-гоголевский кошмар доминирует над почти всеми видениями мира. Но он носит у него выражено личный характер, с далеко идущими в глубь мироздания отзвуками:

И опять закат свитра тертого,
 и опять рассвет мира нового,
 черный снег да снег, только в чем-то мы
 виноваты все невиновные...

А как замечательна его... «непрочитанная женщина»:

Как ей хмурится, как ей горбится,
 непрочитанной, обездоленной...

Эта женщина — она же и поэма... И получается все это непосредственно, без всякой натянутости, что одно уже свидетельствует о подлинном даровании.

Даже Пушкина, например, Губанов видит через призму нарбуто-григорьевской бесовщины в чрезвычайно интересном стихотворении, в котором судьба поэта переплетается с его тематикой в очень современном словесном и образном оформлении. Знаменательно для истории России, что личная судьба солнечного Пушкина сложилась в черных, кошмарных бесовско-гоголевских тонах («Александр Сергеевич Пушкин (профиль)»).

Яснее многих Губанов понял, что в поэзии звук важнее смысла, что слово зовет слово помимо ведома поэта, что логические веления тут бессильны. Он уже с успехом реализовал то, к чему (в пределах доступных нам текстов) Алейников пока только стремится — рождение из звуковой близости новых метафор: «крахмальных карет», «я стеклянный нарыв на ливрее лгуна», «будет стыдно как студень на пустынном столе», хотя в студне, по обыденным представлениям, ничего стыдного быть не может.

Сила таких строк не только в зрительных образах, но и в поддерживающих их звуках: сты-сту-сты-сто и в откликающихся на них каждый раз н.

Губанов охотно и удачно пользуется зауемью: «понукан», «лишница».

Но звуки только усиливают эффект неожиданности при смело сближаемых, очень отдаленных понятиях. Сила метафоры коренится не в сходстве связуемых понятий, а в яркости и мощности каждого из них в отдельности. Чем они отдаленнее одно от другого, тем сильнее разрядка духовной энергии, вызванная их сочетанием, подобно тому, как камень вылетает с тем большей силой и на тем большее расстояние, чем мы сильнее натягиваем резинку пращи. Так у Губанова: «спать на каменном полу — как в бинокль», «без пуговок калитка», «я влюбился, как подосиновик», «деревья... царят лицом истоптанным», или даже:

Волки выросли назад
В фиолетовое надо.
Я танцую о глазах
За ночной рубашкой сада.

Упорные поиски новизны, выразительности и личного стилистического своеобразия делают Губанова одним из замечательных явлений молодой русской литературы. Но у него уже немало

и подлинных достижений. Кроме уже упомянутого «Профиля» Пушкина, который, пожалуй, у него лучшее, надо отметить «Стихотворение о брошенной поэме» и «Серый конь». Ничего из им написанного не пресно, не безразлично.

Поэма Батшева «Монтаж» построена на кошмаре превращения человека в машину, на сведении его к механизму, в подчеркнута карикатурных и уродливых формах:

С меня сняли скальп —
сказала ты —
и установили радиоприемник
и передатчик,
теперь мы будем говорить без слов...

Для этого «врач снял скальп с апельсина... будете ходить с обнаженным мозгом...»; в него врач воткнул два полупроводника.

У Батшева во всем царит нутряное неприятие сведения человека к неодушевленному предмету. Это — реакция на механизацию современного мира, грозящую захлестнуть все человечество в атомной катастрофе или, что, пожалуй, еще кошмарнее, восторжествовать в бездушных геометрических схемах над жизнью.

Поэтому для Батшева важно то, чего на самом деле нет: сущее у него принимает облик небытия:

Была набережная
в центре города,
которая не была набережной,

на ней строили высокий дом
в 60 м высотой,
который не был домом...

Отсюда — и неопределенность границы между явью и вымыслом, и даровые, произвольные метафоры, вообще свойственные смогистам, но особенно интересные у Батшева: «стены обвивались вокруг моей шеи», «деревья круглые, как яблоки в шторм», или «ко мне подошел заяц и извинившись спросил: хотите тигров?»

Надо, все-таки, заметить, что словесно Батшев менее насыщен, чем Губанов. У него центр тяжести в смысле — явление опасное для поэта, особенно молодого. Но никаких заключений на этом основании пока делать нельзя, — поскольку ему есть что сказать, он всегда сумеет найти и нужный для себя способ вы-

ражения. Важно только, чтобы он помнил, что литература — искусство слова в первую очередь, и что без него даже самые замечательные мысли рискуют пройти незамеченными. Как писал в свое время, вероятно, неведомый нынешней русской молодежи, особенно в СССР, герой первых лет борьбы против коммунизма Леонид Каннегисер, который не только сумел умереть так, что даже на чекистов произвел впечатление, но был и многообещающим поэтом: «даже возвышенное чувство с плохими рифмами — смешно».

Конечно, в поэзии наших дней принято избегать чувств, особенно «возвышенных», а рифма вообще стала необязательной. Но от перемены форм поэзия не перестала быть искусством слова. Скорее наоборот. Самостоятельное, независимое от смысла значение слова как такового, его сила и выразительность все более возрастают в современной поэзии всех стран.

И Юрий Кублановский пишет традиционными размерами, но душа его по-современному встревожена, даже в таком затасканном сюжете, как «Арлекин»:

Точно льдом разорвало рот,
губы красные в пол-лица.
Ваша роль, Пьеро, ваша роль
не доиграна до конца...

И ему удается остаться до конца необычным:

На углу, где задутый ветер шал,
с большими губами и томиком Данте,
опершись ногами в оледенелый шар,
стоят Земные Комедианты...

Стихи Кублановского показывают, что не все возможности традиционных форм в русской поэзии наших дней еще исчерпаны. Может быть, для таких поэтов, как Кублановский, пред-указано оставаться в рамках традиционных форм, но при одном условии: если это действительно соответствует их темпераменту, а не является последствием неуверенности в себе или недостатка воображения.

Невозможно обойти молчанием и замечательного прозаика Александра Урусова, каждое слово которого в его рассказе «Крик далеких муравьев» взвешено с такой же тщательностью, какой требует поэзия.

Он повествует об угрызениях совести убежавшего из концлагеря заключенного, спасшего свою жизнь ценой гибели своего товарища. Но ситуация была безвыходной: ведь если бы этот человек своего больного товарища не покинул, то они погибли бы от погони оба, а шансов спастись обоим, если бы заключенный взвалил на свои плечи больного и поплелся, не было почти никаких.

И всё-таки совесть мучит Урусовского героя за это «почти» — его требования к себе чрезвычайно высоки.

Весьма знаменательно в этом рассказе и то, что покинутый в беде товарищ на покинувшего его друга не в обиде:

«А сейчас он замурован в стене. А я жив. И он часто приходит ко мне. И когда он приходит, мы молчим о случившемся. И о том, что Я ВИНОВАТ ПЕРЕД НИМ. Он ни разу не сказал мне этого».

Общение героя с умершим другом затрагивает еще одну интереснейшую для литературы в СССР проблему: бессмертие души.

И еще: видно, что для Урусова человек в центре всего. И судьба человека важнее судьбы мира. Она и есть судьба мира.

«В окно к нам смотрел человек. Я помню его взгляд. Он выдаст, этот человек. Такой у него взгляд.

Я понял, что это конец.

И что-то еще я понял, когда почувствовал на себе этот взгляд.

И тогда мне показалось, что мир повернулся. И это мгновение стало осью, на которой мир повернулся». (Выделено мной — Э. Р.).

И это бесконечно важно: превосходство коллектива над личностью есть превосходство условности над живым человеком. Или даже еще хуже: власть вождей коллектива над его рядовыми членами. Этим коллектив и бывает одиозен: он сводится даже не к заклеянной Марксом эксплуатации труда одного человека другим, а к власти человека над человеком, к превращению личности в собственность, которой властитель распоряжается, как неодушевленным предметом. При этом, как правило, худший владеет и распоряжается лучшим.

«Крик далеких муравьев» — замечательная диалектически-трагическая парабола партийного порабощения.

«И я верил ему. Я был убежден, что на свете нет ничего, кроме темноты. Я привык к ней. Мне казалось, что искать выхода из темноты бессмысленно. У тюрьмы нет выхода. Наша тюрьма — это *весь мир*. Но брат ищет какой-то выход. И подчиняясь ему,

я тоже ищу... День и ночь слышу от брата: «где-то есть выход. Есть, есть! Мы должны искать, найти. Вперед. Вперед!»

Эти строки идут уже дальше политики. Они ставят проблему метафизического бытия человека в космосе. Но этим самым они включают и политику. И выход будет найден...

АРКАДИЙ МИХАЙЛОВ

Аркадий Михайлов — автор небольшой тетрадки стихов, попавшей в наши руки, по-видимому, еще очень молод. Об этом говорит многое: и жадность к жизни, и некоторая неловкость уже недюжинного словесного мастерства, и явная быстрота, с которой его дарование зреет.

Первые его опыты нам довелось видеть раньше, — года два тому назад. Тогдашние его стихи, местами захватывающе интересные, все-таки не выделялись особенно на фоне выступлений поэтов «Феникса» или СМОГа, среди которых тоже есть несомненно одаренные и многообещающие дебютанты. Если Михайлов местами достигал уровня наивысших удач своих сверстников, то в других местах он отличался беспомощностью и приблизительностью не менее любого из них.

Но вот в течение каких-нибудь двух лет дарование Михайлова выросло настолько, что о нем уже можно и нужно говорить не как о надежде, а как о достижении, как о непреходящей ценности, занимающей без всякого снисхождения к обстоятельствам места и времени определенное место в русской литературе.

Думаю, что он не уступает дарованием никому из ныне здравствующих поэтов России, даже таким справедливо прославленным мастерам, как Кирсанов, Мартынов или Слуцкий. Михайлов может смело стоять в одном ряду и с самыми выдающимися поэтами свободного мира.

Несмотря на встречающиеся у него изредка неловкости и даже ошибки [«и упала она в дно (вместо *на* дно) песчаное». Сомнительно также «шла... за речной *девка* водой». Слово «девка» выпирает ритмически (ведь «дэвка», а не «девка»), лишне в контексте], он в высшей степени оригинален, поражает безоглядной смелостью, почти всегда бьющей в самую цель (может быть, именно благодаря своей безоглядности).

Как смело, почти на границе безвкусицы, и тем не менее удачно: «упиваются картошкиным ароматом». А как замечательно:

Небо, небо! Как ты полно света!
 Какое ты теплое и... сочное!
 Доброе, благодатное, как почва,
 Какого ты ждешь сева?

Это образчик истинно великой простоты, тоже требующей большой смелости, которой щедро наделен Михайлов, той простоты, ради которой поэт не жертвует абсолютно ничем из того, что ему надо было высказать. Только при этом условии простота остается достоинством; иначе же она — эпигонский академизм.

А как прекрасно песенно-округлое:

Пльиви-пльиви кораблик
 На запад, на восток,
 В канатах-паутинках
 Наш маленький челнок.

Но Михайлов преуспевает не только в такой бесконечно чарующей простоте, ему не менее блестяще удается и самая рафинированная сверхмодернистическая сложность:

Только поглядите на этих женщин:
 стройные черные ноги, как у диких птиц
 (может быть, чуточку обугленные
 на огне одомашенной страсти).
 Да под звенящими колоколами юбок
 малиново светятся их зовущие тела,
 неверные, колеблющие, плывущие
 по болоту хрустального ресторана,
 где призрачно квакают гобои...

(«Начало поэмы»*)

Поражают его образы: «когда окна дач вылезают из глазниц в синюю полночь», или «Месяц тихонько вытек из скорлупы небосвода»... В контексте к тому же ясно, что образы эти — не выдуманные, искусственные находки, а плод естественной выразительности языка поэта. В стихах Михайлова — бездна света, свежей, как бы обмытой дождем краски, находчивости.

Интересна, хотя и не так ярка, сатира «Гойя в России» —

*) Опубликовано в «Гранях» № 59, стр. 131. — Ред.

прекрасный образец политической поэзии, которая и политически действенна и поэзией быть не перестает.

Большая «Сократическая поэма» все-таки слабее коротких стихотворений Михайлова, хотя и в ней немало дух захватывающих удач: «А весна идет шагами сажеными веселых растений...» или:

Но пока Сократ прав,
уродливый, как только истина —
в спину ему неудержимо искренне
хохочет молоденькая травка...

Оговариваюсь: «Сократическая поэма» слабее только по сравнению с его же короткими стихотворениями, по отношению же к бесчисленным образчикам «большой формы» других поэтов СССР она стоит несравненно выше.

Поэзия Михайлова свидетельствует об его стремительной жизненной силе, об его жадности к любым впечатлениям земного мира. Он пока единственный из известных мне нелегальных советских поэтов, у которого радость бытия явно перевешивает и заглушает трагические ноты. Его диалог со следователем в поэме «Гойя в России» носит характер беззлобной шутки. Его редкие уклонения в сторону хлыстовско-гоголевских кошмаров менее гнетущи, чем у других:

...уже седела болотная ночь,
а девушка сажала пироги в печку.
И когда занимался рассвет,
оставался розовый след —

завозился во сне домовой
в черноте трубы дымовой...
а девушка плескалась в речке...

Давно уже, при встречах с современной русской поэзией, мы не испытывали такой чистой радости!

«Детское», оба короткие стихотворения, озаглавленные «Лес», «Июль. Плоты», «Картошка», «Моя бабушка-ведьма*»), «Аква-рель», с ее изумительным концом:

*) Опубликовано в «Гранях» № 59, стр. 132. — Ред.

Я люблю, когда чиста краска.
В поле белом, поле бесстрастном
поползут два нестрашных рака —
зеленый и красный... —

все они — ценнейшие образцы поэзии, могущие послужить украшением любой литературы. А изумительное «Начало поэмы», отрывок из которого мы привели выше, совершенно небывалое, ни на что не похожее, не много имеет равных себе стихотворений в русской поэзии. А сколько замечательного в остальных его стихотворениях, среди которых едва ли найдется хоть одно действительно слабое!

Да, Михайлов — это уже достижение. И крупное. Он нашел то, что футуристы искали. Он — младший брат Хлебникова, Петникова, Крученых, усовершенствованный Бурлюк, не соблазненный партией Третьяков. Он исполнил то, что судьба помешала завершить его поэтическим предшественникам.

Речь Василя Быкова на съезде Союза писателей Белоруссии

Два года подряд Комитет по Ленинским премиям не присуждает премии в области литературы. Не знаю, как кого, но меня этот факт наводит на грустные размышления. В самом деле, как получилось, что наша литература, которая всегда волновала человечество гениальностью своих произведений, выродилась настолько, что два года не находится книги, которую можно было бы удостоить государственной премии. В чем тут дело. Чем объяснить также, что наши национальные (республиканские) премии то присуждаются, то о них словно бы забывают, и месяцами не слышно, что выдвинуто и когда будет присуждение.

Не углубляясь, однако, в данную тему, я не могу разделить оптимизма докладчиков в этой области и хочу подчеркнуть, что литература действительно стала хуже. На фоне известных хозяйственных и технических достижений, которые по всему миру разносят славу нашей страны, наша литература находится далеко не в расцвете. Можно даже, не боясь преувеличения, сказать, что литература в известном отношении переживает кризис. И это, возможно, кое-кому покажется удивительным. Столько о литературе говорят, такое беспокойство о ней проявляют, так усердно ею руководят! Почему же тогда дитя стало таким хилым.

Мне думается, что причины известного упадка лежат как раз там, где планировались успехи. Произошла очень простая вещь: по отношению к литературе утрачена мера, ею заруководили, ее занячили, попросту задержали. Если в народном хозяйстве волюнтаризм — пройденный этап, то в литературе он до сих пор

Публикуемая выше речь белорусского писателя Василя Быкова была произнесена 13 мая 1966 г. на V съезде Союза писателей Белоруссии. Василь Быков — автор повести «Мертвым не больно», опубликованной в «Новом мире» (№ № 1, 2 за 1966 г.). Эта повесть привлекла внимание читателей политической заостренностью и вызвала резкие нападки партийной критики.

Ред.

в полном расцвете. В народном хозяйстве уже так не командуют, как в литературе, там производственные отношения разворачиваются куда с большей естественностью и закономерностью. Литература же стала тем, чем было сельское хозяйство в недавнем прошлом — каждый, кто имеет над нею какую-нибудь власть, не прочь порезвиться на ее и без того вытоптанном огороде. Очень и очень ошибаются те, кто считает, будто в искусстве и литературе нет нерушимых законов, что ими можно вертеть как вздумается, склонять кому куда хочется. Но, на беду или на счастье, такие законы есть. Больше того, как и всякие законы подлинные, они неумолимы и сурово мстят за их нарушения. Не уважать их нельзя. Но главная трудность для художника заключается в том, что законы искусства часто не совпадают с действующими на каждом этапе нормами общественной жизни. Более того, они почти всегда в противоречии. В жизни идеальное общество то, где как можно меньше конфликтов, а искусство требует наоборот. Для жизни наилучшие люди прямые, ясные, а для искусства — сложные и противоречивые. Художник в произведении либо раздваивается между этими разнонаправленными векторами, либо склоняется в какую-нибудь одну сторону. Вот почему, даже для самого опытного реалиста, писать каждую книгу — значит начинать все сначала. Весь его прежний опыт теряет свое значение, он всегда беспомощен, когда новый жизненный материал воплощается в соответствующие художественные формы. При этом невозможно подчинять законы искусства законам жизни, так же как и наоборот. Нужна гармония, то, что принято называть искусством и что определяется только талантом художника. Осуществлять в этом деле диктат абсолютно невозможно без того, чтобы не задуть искусство.

Все ли у нас понимают эту прописную, довольно-таки банальную истину. Боюсь, что нет. На каждом шагу в жизни мы встречаем вопиющее непонимание литературы, непонимание, которое вызывает отчаяние, особенно, если неумеренные ревнители начинают делать скоропалительные политические выводы. Удивительно, что в наше время, на сорок девятом году советской власти, по отношению к искусству пренебрегают тем, что нужно было бы усвоить еще в школе. И я убежден, что высокие соображения, идейные обоснования (хотя бы и ссылки на войну во Вьетнаме) здесь равным образом ни при чем — все беды в этой

области идут от невежества, низкой эстетической культуры, а то и дипломированного обскурантизма*).

Первым и главным проявлением такого обскурантизма, на мой взгляд, является отношение к критическому началу в литературе. Еще великий Белинский в своей знаменитой статье «Ответ «Москвитянину» писал: «Творчество по своей сущности требует безусловной свободы в выборе предметов не только от критиков, но и от самого художника. Ни ему никто не вправе задавать сюжеты, ни он сам не вправе направлять себя в этом отношении. Он может иметь определенное направление, но оно у него только тогда может быть истинно, когда без усилия, свободно сходит с его талантом, его натурой, инстинктами и стремлением. Он изобразил вам порок, разврат, пошлость: судите, верно ли, хорошо ли он это сделал, а не толкуйте, зачем он сделал это, а не другое или вместе с этим не сделал и другого. Говорят: что это за направление — изображать одно низкое и пошлое. А почему бы и не так?» — спрашивает Виссарион Белинский и в другом месте этой статьи отвечает: «Это — один дар выставить ярко пошлость жизни, а еще более — дар выставить явления жизни во всей полноте их реальности и их истинности».

Да, искусство — не прихоть художника, не плановый продукт общества, оно душа этого общества. Нельзя вынуть и своевольно передать эту душу без того, чтобы не переиначить характер общества. И то, и другое существует в комплексе, в едином взаимодополняемом целом. И поэтому не может быть ни плохого общества при выдающемся искусстве, ни отсталого искусства при высокоорганизованном обществе.

Литературе приходится тяжело, особенно, если иметь в виду не столько теоретические положения, сколько ее практику. В наше время совсем не редкое явление, когда отличные теоретические положения метода социалистического реализма на деле оборачиваются чем-то, что больше всего напоминает своего рода неоклассицизм. Об этом не принято говорить, но не секрет, что в литературе нет-нет да и воцаряются все характерные признаки именно этого литературного направления, когда теряется реалистический характер действительности, пренебрегается жизненной правдой, реальное вытесняется явно идеальным. Я охотно соглашусь, что в искусстве социалистического реализма не-

---

*) Обскурантизм — крайне враждебное отношение к просвещению и прогрессу, реакционность, мракобесие.

оправданы безыдейность, бесклассовость, абстрактный гуманизм и т. д. Но бесспорно, что и их атиподы, возведенные в категорический абсолют, — также зло, только с другим, противоположным знаком. Именно это зло принесло уже столько вреда социалистическому реализму, и это понятно, если иметь в виду известные слова Ленина: «Самое верное средство дискредитировать новую политическую (да и не только политическую) идею и повредить ей состоит в том, чтобы во имя защиты ее, довести ее до абсурда». («Детская болезнь «левизны» в коммунизме»).

Разве не понятно, что голый рационализм, стремление подчинить литературу и искусство нуждам каждого данного «сегодня», так же как и загодя, умозрительно распланированного «завтра», игнорирование сложностей жизни и диалектического развития наносит непоправимый вред не только литературе, но и всему обществу. В самом деле, к чему только нас ни призывали, иллюстрирования чего только от нас ни требовали: и лесозащитные полосы, и кукуруза, МТС и РТС, совнархозы и целина, даже торфоперегнойные горшочки, — где оно, все это? Где обо всем этом литература, в свое время изданная, захваленная и даже отмеченная премиями? Я уже не спрашиваю, где эти законодатели. А литераторы же, принуждаемые ими, остаются. Некоторые из них сидят в этом вот зале, — не стоит ли посочувствовать им.

Искусство — освежающий дух общества, которое без его критического воздействия покрывается плесенью и загнивает. Апологетика без разбора, утверждение всего сущего — по существу не что иное как могильщик общества, и очень жаль, что мы до сих пор не поняли всей опасности этого явления. Очень жаль, что и по сегодняшшний день многие руководствуются мыслью, будто люди, которые склонны видеть отрицательное в жизни общества и тем более критиковать его, заражены духом буржуазной идеологии, очернители или даже идеологические диверсанты. Неужели нужно доказывать, что такое представление, по меньшей мере, нелепо, что правда, какой бы неприятной она ни была, если она высказана прямо и честно, не может принести вреда добру, что настоящие, а не воображаемые враги всех времен и разновидностей великолепно прикрываются самой верно-подданнической фразеологией, великолепно играют роль друзей до гроба. Нужно ли напоминать, что все дворцовые перевороты, все удары в спину, все заговоры и измены осуществлялись людьми приближенными, внешне исключительно лояльными.

Безусловно, чтобы писать правду, кроме таланта необходи-

мо мужество. Но не меньшее мужество необходимо и для того, чтобы по справедливости воспринять правду во всей ее полноте. И в этом смысле, может быть, стоит высказать сожаление, что иногда некоторые наши руководители, те, кому больше чем другим должно быть присуще это качество, оказываются, мягко говоря, не на высоте. На словах признавая критику как движущую силу общества, они тем не менее стремятся придать этой критике только одно направление — сверху вниз. Но для литературы не существует ни верха, ни низа. Являясь человековедением, она с одинаковой объективностью исследует и доярку и министра, рядового члена партии и секретаря ЦК.

Известно, что как и всякая монополия, монополия на критику — приятная вещь для того, кто ею владеет. Нет нужды говорить, какая «польза» от этого в других сферах общественной жизни, но для литературы такая монополия пагубна. Литература без критического начала — забава для праздных, обывательская игрушка. Разве мало уроков в этом смысле дала нам печальной памяти теория и практика бесконфликтности. Упреки же в адрес литературы за так называемое очернительство или поклеп — явление банальное по своей нелепости, против чего во все времена боролась литература, хотя далеко не всегда побеждала. С этой точки зрения я снова позволю себе обратиться к авторитету Белинского:

«Самое сильное и тяжелое обвинение, которым писатели риторической школы думают окончательно уничтожить Гоголя, — писал он все в той же статье «Ответ «Москвитянину», — состоит в том, что лица, которых он обыкновенно выводил в своих сочинениях, оскорбляют общество. Подобное обвинение больше всего показывает незрелость нашего общественного образования. В странах, упредивших нас развитием целых веков, и понятия не имеют о возможности подобного обвинения. Никто не скажет, что англичане не были ревнивы к своей национальной чести; напротив, едва ли есть другой народ, в котором национальный эгоизм доходил бы до таких крайностей, как у англичан. И между тем они любят своего Хогарта, который изображал только пороки, разврат, злоупотребления и пошлость английского общества его времени. И ни один англичанин не скажет, что Хогарт оклеветал Англию, что он не видел и не признавал в ней ничего человеческого, благородного, возвышенного и прекрасного. Англичане понимают, что талант имеет полное и святое право быть односторонним и что он может быть великим в самой односто-

ронности. С другой стороны, они так глубоко чувствуют и сознают свое национальное величие, что нисколько не боятся, чтобы ему могло повредить обнародование недостатков и темных сторон английского общества. Но и мы можем жаловаться только на незрелость общественного образования, а не на отсутствие в нашем обществе чувства своего национального достоинства: чем сильнее человек, чем выше он нравственно, тем смелее он смотрит на свои слабые стороны и недостатки. Еще более это можно сказать о народах, которые живут не человеческий век, а целые века. Народ слабый, ничтожный или состарившийся, изживший всю свою жизнь до невозможности итти вперед, любит только хвалить себя и больше всего боится взглянуть на свои раны: он знает, что они смертельны, что его действительность не представляет ему ничего отрадного и что только в обмане самого себя может он находить те ложные утешения, до которых так падки слабые и дряхлые. Таковы, например, китайцы или персиане: послушать их, так лучше нет народа в мире, и все другие народы перед ними ослы и негодяи. Не таков должен быть народ великий, полный сил и жизни: сознание своих недостатков вместо того, чтобы приводить его в отчаяние и повергать в сомнение в своих силах, дает ему новые силы, окрыляет его на новую деятельность».

И далее Белинский пишет:

«Писатель выведет в повести пьяницу, а читатель скажет: можно ли так позорить Россию, будто в ней все одни пьяницы. Положим, этот читатель умный, даже очень умный человек, да следствие-то, которое он вывел из повести, нелепо. Нам скажут, что искусство обобщает частные явления и что оно уже не искусство, если представляет явления случайные. Правда, но ведь общество, и особливо народ, заключают в себе множество сторон, которые не только повесть, целая литература никогда не черпает».

Я прошу извинения за длинную цитату, но мне кажется, что сказанное неистовым Виссарионом имеет самое непосредственное отношение не только к Гоголю, но и к нашей современной литературной практике. Если бы наши издатели и критики чаще читали Белинского и считались с его авторитетом, они бы, возможно, поняли нелепость многих своих претензий к литературе, более чем сто лет назад разбитых великим критиком-демократом. А так, в самом деле, получается, что с того времени изменилось в этом смысле немного, по-прежнему в адрес литера-

туры раздаются все те же упреки. Стоит вывести не очень привлекательного генерала, как тотчас раздаются обвинения в подрыве престижа советских полководцев, стоит изобразить отрицательный персонаж железнодорожника по профессии, как уже слышатся обвинения в поклепе на славных советских железнодорожников. И это в печати, в наших официальных органах! Есть от чего завывать, немо и отчаянно. Мракобесие по поводу оскорбленной чести мундира в последнее время приобрело угрожающий характер. Я мог бы привести красноречивые примеры из собственной практики, из жизни всем нам известного Алексея Карпюка, который за активную попытку написать правдивую литературную автобиографию своей, я бы сказал, безупречной и героической жизни, поплатился уже многим и, видимо, поплатится еще. Из уважения к вашему уставшему вниманию я не буду этого делать, отчасти потому, что то, что я мог бы сказать, многие здесь знают, — остальное же легко себе представить. Мне недавно рассказали в Минске, что один из свежеспеченных докторов наук, получивший эту степень за халтурную книжку, которая не стоит ломаного гроша, грозился в скором времени «добраться» до редактора «Нового мира» А. Твардовского.

В каждой профессии решающее значение имеет мнение специалиста, мастера данного ремесла, но не в литературе. По отношению к литературе получилось так, что истина определяется по принципу субординации. Как говорится, тот прав, у кого больше прав, чем выше должность, тем ближе к богу. В конце пятого десятка советской власти мы мечтаем все о том же, о чем в свое время заботился Луначарский, который еще в 1931 году говорил: «Вопрос надо ставить не так, чтобы Центральный Комитет писал лозунги, а писатели подыскивали иллюстрации к ним, а так, чтобы партия, Центральный Комитет среди других информационных материалов читали и писателей и получали от них импульсы для своих постановлений и лозунгов». Увы, плохо еще нас читают в Центральном Комитете, а если и читают, то разве что с намерением опубликовать анонимную разгромную статью, выловить в этом тексте, семь раз процеженном через различные сита, какую-нибудь крамолу и с детским восторгом выставить ее на обозрение: «смотрите, вот какие мы бдительные».

И это, конечно, закономерно. До тех пор, пока личность писателя будет такой приниженной, а роль чиновного «благородия» — такой непогрешимо высокой, так и будет продолжаться впредь. Ведь это же факт, что мы, литераторы, даже в некоторых вопро-

сах нашей внутренней жизни отстали от других слоев населения. Например, в сельском хозяйстве уже минуло время, когда председатели колхозов назначались в райкомах и привозились на отчетно-выборное собрание в облике знаменитого «кота в мешке». Теперь колхозники голосуют с большим выбором и большим разбором. А мы до сих пор не имеем права, даже на таком форуме как съезд, выбрать президиум и председателя нашего Союза путем прямых выборов, которыми, как великим завоеванием советской демократии, гордится советский народ. Мы вынуждены пользоваться тем порядком, который существовал на Руси еще при выборах в Государственную думу, когда избирали выборщиков, а те в свою очередь выбирали депутатов.

И тем не менее нужно работать. Литература началась не вчера и кончится не завтра. Белорусская литература — не только то, что издано в ведомстве уважаемого Захара Петровича. Дневники и заметки Довженко, Николаевой, Кузьмы Черного, многострадальные произведения Горецкого, рукописные произведения всех времен и народов — не менее литература, чем пышные многотомники в ледериновых переплетах. И мне думается, что нужно отражать не только жизнь народа, но и жизнь литературы. При этом стоит помнить, что Лукаш Бенде вошел в нашу историю так же навсегда, как и те горемыки, которых он затравил. Нужно чаще напоминать это, особенно тем, кто все еще не утратил охоты в подкованных сапогах резвиться на ниве многострадальной белорусской литературы.

Возможно, сказанное мною не всем понравится. Может быть, даже найдутся те, кто поспешит соотнести мои слова с некоторыми статьями Уголовного кодекса. Но прежде я бы хотел предупредить: недостойное это дело — искать ведьм там, где их нет. Не выдумывайте ветряные мельницы, чтобы с ними бороться. Мы не враги народа и не подрывники основ Советской власти, преданность которой в свое время мы доказали собственной кровью. Поэтому больше терпимости. Поставьте себя на наше место, и вы поймете, что выбор у нас невелик. Вопрос стоит так: или литература или — не-литература. Середины нет.

В заключение хочу подчеркнуть, что, несмотря на некоторые, не очень веселые мысли, я верю в созидательную силу нашей литературы, так же как и в благоразумие, здравый смысл и доброжелательность тех, кто приставлен ею руководить. Еще, пользуясь этой трибуной, хочу поблагодарить многих литераторов, которые перед съездом так красноречиво проявили свое граж-

данское мужество и писательскую солидарность в связи с одной нелепостью в мой адрес*). Пока мы будем объединены в важнейших вопросах нашей жизни и не побоимся заявить об этом открыто, белорусский народ может быть спокоен за судьбу своей литературы.

---

*) Речь идет о коллективном письме 65-ти белорусских писателей в ЦК КП Белоруссии, которое было направлено в связи с редакционной статьей в газете «Советская Белоруссия», перечеркнувшей творчество Василия Быкова.

Открытое письмо священников Николая Эшлимана и Глеба Якунина Патриарху Алексию

ЕГО СВЯТЕЙШЕСТВУ, СВЯТЕЙШЕМУ ПАТРИАРХУ
МОСКОВСКОМУ И ВСЕЯ РУСИ, АЛЕКСИЮ

священников:

*Николая Эшлимана, служащего в храме По-
кровы Пресвятыя Богородицы, что в Лыщи-
ковом пер. г. Москвы,*

*Глеба Якунина, служащего в храме Казан-
ской иконы Божией Матери, что в г. Дмитро-
ве, Московской Епархии*

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

*«Камень, егоже небрегоша зиждущий, сей бысть во
главу угла: от Господа бысть сие, и есть дивно во
очесех наших». (Мф. 21, 42).*

*«Ночь прошла, а день приблизился: итак отвергнем
дела тьмы и облечемся в оружия света» (Рим. 13, 12).*

Ваше Святейшество!

Плодом прилежных молитв, душевной борьбы и тяжелых раз-
думий явилось это письмо, с которым мы, принуждаемые христи-
анской совестью и пастырским долгом, сочли необходимым об-
ратиться к Вам и в Вашем лице к общей Матери нашей — Рус-
ской Православной Церкви.

21 ноября 1944 г. Вы произнесли исполненные духовной мудрости слова, к несчастью, оказавшиеся пророческими:

«...Церковное управление твердо дотоле, доколе мы остерегаемся переступить через рубеж правил церковных; коль скоро переступим однажды по какому-либо произвольному рассуждению, то уж трудно будет определить, где тот предел, далее которого нельзя идти. Один шаг через рубеж правил церковных подвергает опасности многое и подает повод ревнителям к серьезным и основательным нареканиям».¹)

И вот ныне горькой истиной, очевидной для всякого человека, любящего Христа и Его Церковь, стало ясно то, что Русская Церковь тяжело и опасно больна, и болезнь Ее всецело оттого, что Церковная власть уклонилась от исполнения своего долга, отступив за тот предел, «далее которого нельзя идти».

Великое обетование Христово: «Созижду Церковь Мою и врата ада не одолеют Ее» (Мф. 16, 18) Русская Церковь относит к себе, как к части Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви. Вся тысячелетняя история Ее, вплоть до сегодняшнего дня, является ярким тому свидетельством. Церковь неодолима для внешних и никакое давление извне не в силах препятствовать Ее пути следования за Христом и служения Его Истине.

Но та же история нашей Русской Церкви, равно как и любой иной отдельной поместной Церкви, учит нас, что в вопросах своего внутреннего устройства Она бывает несвободна от ошибок — «...она иногда возносится к небу, иногда опускается в бездну, иногда Христовой управляется силою, иногда колеблется страхом, иногда покрывается волнами страстей, иногда всплывает на весах исповедания...»

Все мы, образующие ныне собою Православную Русскую Церковь, в особенности архипастыри и пастыри, ответственны перед Богом за те тяжкие нестроения, которым Она ныне подвержена.

Поэтому, следуя призыву Вашего Святейшества к архипастырям и *приходским пастырям*: «самоотверженно трудиться над очищением церковной ограды от всяких нестроений, накопивших-

---

¹) Алексей, Патриарх Московский и всея Руси. «Слова, речи, послания, обращения, доклады, статьи». Изд. Московской Патриархии, 1948, стр. 98.

ся в ней по нашему нерадению»²⁾), мы, приходские пастыри Русской Православной Церкви, сочли невозможным далее умалчивать о тех шагах церковного управления за рубеж правил церковных, которые повергли опасности многое и стали источником все возрастающей тревоги, предметом постоянной заботы и поводом для соблазна и смущения всей Вашей паствы.

Сознавая свое человеческое недостоинство и духовную немощь, мы долгое время ожидали, пока какой-либо ревнитель, более достойный, чем мы, нарушит узы греховного молчания и обратится к Вам и в Вашем лице к Соборному самосознанию Русской Церкви, ища в нем исцеления церковных недугов.

Светлейший образ Христа изъязвленного властно повелевает нам не откладывать долее и принять на себя бремя столь тяжкого долга.

Опорой в этом нам служит упование на Всемогущего Бога, который не только человеку, созданному по Его образу и подобию, но и бессловесной ослице может дать власть «остановить безумие пророка».

I

«...И на стенах твоих, Иерусалиме, приставих стражи весь день и всю ночь, иже до конца не премолят поминающие Господа» (Исаия, 62, 6).

«Вы куплены дорогою ценою; не делайтесь рабами человеков» (1 Кор. 7, 23).

Около двух тысяч лет назад прозвучали слова Господа нашего Иисуса Христа, установившего должное отношение между религиозной и гражданской жизнью человеческого общества — «...отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мр. 12, 17). Эти слова Спасителя положили предел притязанию языческого госу-

²⁾ ...«В Бозе почивший Патриарх Сергей оставил нам завет «самоотверженно трудиться над очищением церковной ограды от всяких нестроений, накопившихся в ней по нашему нерадению». К этому же и я обязуюсь призвать всех чад нашей Православной Церкви, наипаче же преосвященных архиепископов и приходских пастырей. Им всем ведомы современные нестроения в церковной жизни, ведомо и повеление Апостола о внимании прежде всего себе, а затем и всему вверенному стаду». Алексий, Патриарх Московский и всея Руси, «Слова и речи...», 1948, стр. 111.

дарства на неограниченную власть над человеком. Духовная жизнь человека, его отношение к Богу, его мораль, определения его совести были навсегда изъяты из под власти кесаря.

Впервые в истории, христианское учение провозгласило безграничную ценность человеческой личности. За человеком раз и навсегда было признано право на религиозную свободу. На этом основании Христова Церковь, с первых же дней своего исторического бытия, всегда сознавала себя особым духовным Царством, избранным от мира и подвластным Одному Богу.

«...Вы род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел, дабы возвещать совершенство Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой Свет; некогда не народ, а ныне народ Божий...» (1 Петра, 2, 9).

В то же время св. Православная Церковь всегда признавала за государством суверенное право на руководство гражданской жизнью общества и поэтому всегда вменяла своим членам необходимость повиноваться мирским властям по совести.

Безусловное невмешательство государства во внутреннюю жизнь Церкви, с одной стороны, и свободное сотрудничество Церкви и государства в гражданской сфере, если государство этого пожелает, с другой — таков принцип истинного взаимоотношения Церкви и государства.

Основные законодательные документы Советской власти, определяющие отношение Советского государства к Церкви — декрет «Об отделении Церкви от государства»... и 124 статья Конституции СССР, провозглашающая свободу совести и отделение и признающая за гражданами СССР право на свободу религиозной жизни — создают определенные юридические основания для осуществления этого принципа.

Кроме того, для контроля за соблюдением законов, определяющих отношение государства к Церкви и для посредничества между Церковью и государством в гражданской сфере, при Советском правительстве учрежден специальный орган — Совет по делам Русской Православной Церкви.

В условиях безрелигиозного государства, когда Церковь заинтересована в строжайшем соблюдении принципа отделения Церкви от государства, существование специального органа, обеспечивающего осуществление этого принципа, с точки зрения Церкви вполне целесообразно, важно только, чтобы этот орган не искажал своих функций и не превышал своих полномочий.

Однако, за период 1957-64 гг., под личным давлением Хрущева, допустившего «субъективизм и администрирование в руко-

водстве», впоследствии осужденные Коммунистической партией и Советским правительством, Совет по делам Русской Православной Церкви коренным образом изменил свою природу, превратившись из официального органа — посредника в орган неофициального и незаконного управления Московской Патриархией.

Ныне в Русской Церкви создалось такое положение, при котором ни одна сторона церковной жизни не свободна от активного административного вмешательства со стороны Совета по делам Русской Православной Церкви, его уполномоченных и местных органов власти, вмешательства, направленного на разрушение Церкви!

Благоговевая перед таинственным величием Архипастырского сана, со страхом Божиим в сердцах своих, сознавая свое человеческое недостоинство, но тем не менее побуждаемые неодолимым требованием христианской совести, мы считаем своим долгом сказать, что подобное положение в Церкви могло сложиться лишь вследствие попустительства Высшей Церковной власти, которая уклонилась от своих священных обязанностей перед Христом и Церковью и в нарушение Апостольского завета явно «сообразовалась веку сему».

Сугубая вина Церковного Управления состоит в том, что оно пошло по пути подчинения неофициальным устным распоряжениям, которые, в нарушение гласного советского законодательства, Совет по делам Русской Православной Церкви избрал средством систематического и разрушительного вмешательства в жизнь Церкви. Телефонные распоряжения, устный инструктаж, нигде не зафиксированные неофициальные соглашения — вот та атмосфера нездоровой таинственности, которая густым туманом окутала отношения Московской Патриархии и Совета по делам Русской Православной Церкви.

И если «Духовный регламент» Петра I, поставивший во главе Святейшего Синода *верующего* мирянина-чиновника, вызвал законный протест христианской совести, то тем более возмущение вызывает положение, при котором деятельность Московской Патриархии негласно руководят чиновники-атеисты.

Ваше Святейшество!

Мы вполне сознаем всю исключительную ответственность наших обвинений, но твердо уверенные в их истинности, за каждое из них мы готовы дать ответ перед Судом Божиим.

На основании своей пастырской практики мы твердо знаем,

что Совет по делам РПЦ действительно вмешивается во внутреннюю жизнь Церкви, что это вмешательство направлено на разрушение Церкви, что оно действительно осуществляется путем неофициальных устных распоряжений и что церковная власть этим распоряжениям *безоговорочно повинует*ся.

Длинный ряд фактов подтверждает каждый пункт наших обвинений.

1. НЕЗАКОННАЯ РЕГИСТРАЦИЯ КРЕСТИН И ПРОЧИХ ТРЕБ

Можно ли представить себе, чтобы во дни апостольской проповеди, когда по слову первых учеников Христа крестились многие тысячи народа, перед совершением таинства избранные члены церковной общины *по соизволению* Апостолов записывали всех желающих креститься, а затем передавали эти списки в руки римской или иудейской администрации?

Греховность такого помысла очевидна! Между тем, как это ни горько сказать, именно такое положение существует ныне в Русской Церкви и Ее пастыри циркуляром Вашего Святейшества от 22-ХІІ-1964 г. за № 1917, принуждаются, долгом послушания архипастырскому слову, активно содействовать этому греху.

Безоговорочное подчинение существующему беззаконию, к чему призывает циркуляр, ставит *п а с т ы р я* в положение *д о н о с ч и к а* на тех, кто вверил себя покровительству Матери-Церкви.

Дело в том, что за последние годы в подавляющем большинстве приходов введен такой «порядок», при котором таинство крещения совершается только после предварительной и неизбежной регистрации. Каждый, желающий принять Св. Крещение или крестить своих детей, обязан предварительно предъявить свой паспорт представителю церковного совета, который регистрирует его (или свидетельство о рождении) по определенной форме. Сверх того, при крещении детей требуется непременно присутствие обоих родителей. Такой же незаконной регистрации подвергаются и другие требы: Венчания, Соборования и Причастие на дому, Отпевание.

Управлению Московской Патриархии известно, что акты регистрации крестин и других церковных треб систематически просматриваются местными органами власти и, до недавнего времени, использовались антирелигиозниками для грубой травли крестив-

шихся, родителей, крестивших своих детей, венчавшихся и т. д. Их «прорабатывали» по месту работы или учебы, подвергали «административному давлению», на них помещались карикатуры наравне с пьяницами, развратниками и бездельниками, их имена с нелестными комментариями склонялись в прессе и т. д.

В настоящее время антирелигиозники продолжают использовать регистрацию церковных треб, которую местные органы власти получают из рук церковных советов, для идеологической борьбы с Церковью и для незаконного вторжения в личную религиозную жизнь граждан³⁾.

Управлению Московской Патриархии все это хорошо известно, как известно и то, что практикующийся «порядок» регистрации крестин и других церковных треб противоречит христианской совести, Каноническому Праву⁴⁾ и пастырскому долгу, что он является вопиющим беззаконием и произволом, попирающим принцип свободы вероисповедания.

Откуда же взялась эта практика? Где закон или хотя бы письменные распоряжения, церковные или гражданские, вводящие ее в жизнь приходов?⁵⁾ Их нет!

Более того, регистрация крестин представителями церковных советов является грубым нарушением советского законодательства, ибо член церковного совета — частное лицо и не имеет права проверки и, тем более, регистрации документов. Противозаконная практика регистрации крестин внедрена в жизнь приходов Советом по делам РПЦ, который путем устного диктата навязал ее исполнительным органам церковных советов.

Отчетливо сознавая противозаконность такого административного давления и неприятные последствия возможных законных протестов, уполномоченные Совета, через которых это давление практически осуществлялось, категорически отказываются письменно подтверждать свои распоряжения. В то же время, уполномоченные требуют неукоснительного исполнения этих распоряжений, лишая регистрации те церковные советы, которые, не желая нарушать гласное законодательство, отказываются подчиниться устной инструкции.

---

³⁾ Один из примеров: «Советская Россия». Ст. «Вокруг купели», 12,8.65.

⁴⁾ Правила Св. Церкви повелевают, что, в случае крайней нужды, крещение может быть совершено и вне храма и даже мирянами.

⁵⁾ Циркуляр Его Святейшества за № 1917 не вводит регистрацию крестин, а лишь обязывает священников подчиняться уже существующей практике.

Очевидно — повсеместная практика противозаконной регистрации крестин и других церковных треб является неопровержимым свидетельством вмешательства Совета по делам РПЦ во внутреннюю жизнь Церкви и беспрекословного подчинения Московской Патриархии неофициальному устному диктату чиновников-атеистов.

Кроме этого, будет не лишним сказать и большее. Беззаконная практика регистрации церковных треб подрывает доверие народа к Матери-Церкви и полагает серьезное преткновение на пути тех, кто стремится принять Св. Крещение или крестить своих детей.

Таким образом, Московская Патриархия, активно способствуя этой незаконной практике, берет на себя тягчайший грех, порождая духовный соблазн и отталкивая человеческие души от Спасительной Благодати.

Может ли христианская совесть оставаться безучастной к такому вопиющему беззаконию?!

2. МАССОВОЕ ЗАКРЫТИЕ ХРАМОВ, МОНАСТЫРЕЙ И ЦЕРКОВНЫХ ШКОЛ

Православный народ издревле возлюбил Божии храмы. Всю глубину и красоту своего христианского мироощущения, евангельскую мудрость и духовную силу, светлое чувство гармонии и богатые дарования свои вложил он в созидание храмов Божиих. Сооружение и сбережение христианских храмов всегда почитал он делом первостепенной важности и благочестия. «...Возлюбил благолепие дома Твоего и место селения Славы Твоей», ибо Православный храм есть подлинно дом Божий, средоточие церковной жизни, духовная трапеза, окормляющая верных нетленными дарами Божественной Благодати, место встречи Божественного и человеческого, сердце христианской общины. «Как драгоценна милость Твоя, Боже! Сыны человеческие под кровом крыл Твоих покойны. Насыщаются от тука дома Твоего, и от потока сладостей Твоих Ты напояешь их» (Пс. 35, 8-9). «Блажен, кого Ты избрал и приблизил, чтобы он жил во дворах Твоих. Насытимся благами дома Твоего, святого храма Твоего» (Пс. 64, 5).

Но не только религиозно-культовое значение имеет православный храм; он имеет и важное значение церковно-социальное.

С тех пор, как государство и общество признали легальное существование Церкви, православный храм стал местом публичного и законного собрания христианской общины (экклезия).

Без храма никакая церковная власть, стоящая на позициях легальности, не может осуществлять своего пастырского служения. Такая церковная власть, теряя храмы, лишает Церковь не только очагов духовного бытия, но и теряет опорные пункты своего легального существования. Тем самым Она лишает «словесное стадо» церковной ограды, предаёт его на расхищение «волкам и татам».

Согласно действующему в нашей стране законодательству, все церковные здания являются общенародной собственностью. Каждая православная община, имеющая в своем составе не менее двадцати человек, имеет право на получение и пользование церковного здания. Права общины на пользование храмом ограждены законом:

«Передача здания культа, находящегося в пользовании верующих, для других надобностей (ликвидация молитвенного здания) допускается исключительно по мотивированному постановлению центрального исполнительного комитета автономной республики, краевого или областного исполнительного комитета, если это здание необходимо для государственных или общественных надобностей. О таком постановлении сообщается верующим, составляющим религиозное общество».

«Если верующие, составившие религиозное общество, в двухнедельный срок со дня объявления им постановления о ликвидации молитвенного здания обжалуют это постановление в Президиум Верховного Совета СССР, то все дело о ликвидации молитвенного здания пересылается в Президиум Верховного Совета СССР. Договор с верующими теряет силу только после утверждения соответствующего постановления Президиумом Верховного Совета СССР».⁶⁾

За последние сорок лет Русская Церковь пережила два периода массового закрытия храмов. В первый раз это было во времена становления культа личности Сталина, второй раз — во времена правления Хрущева. За краткий период 1961-64 гг. были закрыты тысячи православных храмов. Закрыты вопреки желанию верующих, в нарушение гласного законодательства, без соблюдения предусмотренной законом процедуры.

---

⁶⁾ О религиозных объединениях. Постановление ВЦИК и СНК от 8.4.1929 г. §§ 36-37.

Тяжкое бедствие постигло Русскую Церковь. Одна утрата следовала за другой: Глинская пустынь, древнейшая святыня земли Русской, Киево-Печерская лавра, Свято-Андреевский собор, в котором почивали св. мощи великомученицы Варвары, кафедральный собор в Новгороде, Св. скит Почаевской лавры, тысячи храмов Украины и Белоруссии, монастыри Закарпатья и Молдавии, святые храмы России! Беда обрушилась и на очаги христианского просвещения: одна за другой были закрыты семинарии в Киеве, Ставрополе, Саратове, Волыни, Жировицах. Горестный вопль потряс Русскую Церковь! В эту минуту тяжкого испытания с надеждой на помощь обратились сердца верующих людей к своим пастырям. Ибо кому, как не пастырю должно полагать душу свою за овцы, ограждая стадо от расхищения? Поток жалоб и заявлений, подписанных тысячами православных, хлынул к епархиальным архиереям и в Управление Московской Патриархии. Сотни ходатаев переполняли в эти дни канцелярии правящих епископов. За тысячи километров приезжали посланцы бедствующих приходов и монастырей в Москву, ища защиты и покровительства Святейшего Патриарха.

Увы, напрасны были надежды!

С вежливым равнодушием, с холодным бессердечием, как докучливых просителей встречали епархиальные канцелярии ходатаев церковного горя!

Имея возможность оказать действенную помощь, большинство епископов Русской церкви не нашли в себе мужества встать на защиту своей паствы. Мы говорим не о тех немногих, которые сознательно служили беззаконию, лично помогая безбожникам закрывать храмы. — о таких сказано «...да будет двор его пуст, и да не будет живущего в нем, и епископство его да примет ин» (Деян. 1, 20). Но даже те архиереи, которые в сердце своем скорбели о церковном бедствии, беспомощно разводили руками, как бы говоря «...оставил Господь землю сию и не видит Господь» (Иез. 9, 9). Так ли это?

Разве священный долг архипастыря не повелевает ему полагать душу свою за овец стада Христова? Епископы обязаны были защищать храмы, тем более что гласное советское законодательство дает достаточное объективное основание для защиты храмов силою закона! Епископы имели полную возможность не только направить протест верующих по законному руслу, но и самим ходатайствовать перед гражданской властью в пресечении беззакония.

Пример такого епископа, как преосвященный Ермоген, Архиепископ Калужский, на архипастырской совести которого нет ни одного закрытого храма, показывает, что там, где Епископ проявлял достаточно мужества и усердия в деле своей паствы, беззаконие стесупало!

10 000 закрытых храмов и десятки закрытых монастырей непрерываемо свидетельствует о том, что Московская Патриархия не исполнила своего долга перед Христом и Русской Церковью, ибо только заручившись молчанием высшего Церковного Управления могли безбожники закрывать Божии храмы!

Если бы противники Церкви не были уверены в том, что Московская Патриархия откажется от законной защиты своей паствы, они никогда не посмели бы лишать православные общины законных прав на свое легальное существование. Таким образом, массовое закрытие храмов, монастырей и церковных школ непрерываемо свидетельствует о безоговорочном подчинении Московской Патриархии негласному диктату чиновников-атеистов. А сотни тысяч христианских душ на огромных просторах нашей Родины, лишенных церковного окормления, будут свидетельствовать пред Господом об этом беззаконии.

3. ФАКТИЧЕСКОЕ ПРЕКРАЩЕНИЕ ТРЕБ НА ДОМУ И ПАНИХИД НА КЛАДБИЩАХ

Православная Церковь призвана освящать Божественной благодатью все стороны жизни своих верных чад. Поэтому издревле в Православной Церкви сложился духовный обычай помимо основного Богослужения в храме совершать по нужде верующих особые богослужения вне храма: крестные ходы, молебны в домах и на полях, панихиды на кладбищах, освящение домов, стад, колодцев, пчелиных ульев и т. д.

Согласно действующему ныне в нашей стране гражданскому законодательству, совершение церковных богослужений вне храма разрешается при следующих условиях: для совершения Богослужения под открытым небом, если оно не является неотъемлемой частью храмового Богослужения, требуется специальное разрешение местных органов власти, для совершения Богослужения, связанного с похоронами, и тем более для совершения Бого-

служений в частных домах никакого специального разрешения не требуется.⁷⁾

На основании этого законодательного установления пастыри Русской Церкви до последних лет имели возможность беспрепятственно совершать панихиды на кладбищах и требы на дому: молебны, освящения домов, парастасы и панихиды.

Примерно пять лет назад совершение треб на дому и панихид на кладбищах было фактически прекращено. Однако напрасно мы стали бы перелистывать своды законов, отыскивая основания для прекращения треб. В законах такого основания нет. Как и всегда в подобных случаях, прекращение треб на дому и панихид на кладбищах было следствием неофициального диктата уполномоченных Совета по делам РПЦ, незаконно вторгающихся во внутреннюю жизнь Церкви и грубо отметающих действующее гражданское законодательство. Так, например, в Московской епархии при перерегистрации духовенства в 1961-1962 гг. всем священникам было предложено подписать негласное распоряжение Совета по делам РПЦ, предписывающее совершать требы на дому и панихиды на кладбищах только по разрешению местных властей (которое почти никогда не дается), причем уполномоченный Совета по Москве и Московской области — Трушин выдавал священникам регистрационные справки только после того, как они расписывались в том, что будут выполнять это распоряжение. Важно отметить, что при этом «распоряжение» осталось на руках у Трушина, а расписавшиеся священники не получили даже его копий.

Таким образом, хотя в данном случае диктат уполномоченного осуществлялся путем письменного распоряжения, это был все тот же негласный диктат, идущий вразрез с гласным законодательством и не только попирающий провозглашенную Конституцией свободу совести, но на сей раз прямо вторгающийся в личную жизнь граждан. Ибо по прямому смыслу указанного «распоряжения» никакой гражданин Советского Союза не может пригласить к себе в дом священника для совершения молебна о здравии своего больного ребенка или панихиды о упокоении своих почивших родителей, не рискуя при этом поставить священника — своего пастыря и гостя, перед угрозой лишения регистрации!

Управлению Московской Патриархии все это хорошо известно, но и в данном случае Высшая Церковная власть своим бес-

---

⁷⁾ «О религиозных объединениях». Постановление ВЦИК и СНК от 8 апреля 1929 г. ст. 58-61.

принципным молчанием покрывает незаконные действия, направленные на всемерное удушение Церковной жизни.

4. ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ УДАЛЕНИЕ ДЕТЕЙ ОТ ЦЕРКВИ

Священное Писание рассказывает, что во время земной жизни Господа нашего Иисуса Христа к Нему приносили маленьких детей, чтобы Он благословил их. «...Ученики же не допускали приносящих. Увидев то, — повествует Евангелие — Иисус вознегодовал и сказал им: пустите детей приходить ко Мне и не препятствуйте им, ибо таковых есть Царствие Божие...» (Мр. 10, 13-14).

Верная заповедям Спасителя, Св. Православная Церковь всегда уделяла большое внимание приобщению детей Божественной Благодати. Ради этого Св. Церковь установила практику крещения младенцев, благословила христианское воспитание детей в семье, постоянно заботилась о духовном просвещении подростков.

Вековой опыт Церкви свидетельствует о том, что чистая детская душа особенно восприимчива к светлой красоте Православного Богослужения и что верующие дети охотно принимают в нем деятельное участие.

Идя навстречу религиозным потребностям детской души, чадолюбивая Мать — Православная Церковь всегда благословляла практическое участие детей в храмовом Богослужении. В России издревле существовали детские церковные хоры и верующие мальчики охотно допускались к деятельному участию в службе.

Нет ни одного пункта Советского законодательства, который не только запрещал, но хотя бы как-то ограничивал участие детей в церковной жизни. Более того, декрет «Об отделении Церкви от государства», отделяя школу от Церкви, в то же время предоставляет право всем гражданам обучать и обучаться религии частным образом.

Однако за последние годы в Русской Церкви установилась антиевангельская бессердечная и незаконная практика принудительного удаления детей от Церковной жизни. Выше мы уже писали о том, как незаконная регистрация крестин препятствует принятию детьми Святого Крещения. Но это далеко не все! За последние годы уполномоченные Совета по делам РПЦ путем устных распоряжений Епископам, настоятелям храмов и старостам церковных советов запретили какое-либо участие детей и

подростков до 18 лет в храмовом Богослужении. Более того, во время великих церковных Праздников милиционеры и дружинники зачастую вовсе не допускают христианскую молодежь в храмы. Наконец, «детоборческая» практика, навязанная Русской Церкви, дошла до того, что в некоторых епархиях под давлением уполномоченных Совета священнослужители отказывают детям в приобщении Святых Таин!

Все эти факты принудительного удаления детей от Церкви являются грубейшим нарушением Конституционной свободы совести и ныне действующего в нашей стране гражданского законодательства. В силу этого Московская Патриархия имеет полную возможность на законном основании защищать религиозную свободу верующих детей. Это ли не долг пастырский? Однако и в данном случае Высшая Церковная власть уклоняется от исполнения своего долга! Более того, вопреки негодующему предостережению Самого Господа, Московская Патриархия участвует в бессердечной и незаконной практике, препятствующей детям приходиться ко Христу.

ПРИМЕЧАНИЕ. Здесь уместно привести еще один пример разрушительного вторжения Совета в жизнь Церкви, которое на сей раз прямо обращено против детей. До 1961-1962 гг. многие приходы на законном основании имели рядом с храмом здание, специально оборудованное для крещения. Это давало возможность совершать крестины младенцев в самых благоприятных условиях. Теперь эта возможность отнята негласным распоряжением Совета, без всякого законного основания запретившим совершать крещение вне здания храма. Это вторжение Совета во внутреннюю жизнь Церкви внесло серьезное неудобство в практику Богослужения (особенно в маленьких сельских храмах) и весьма неблагоприятно отразилось на обстановке, в условиях которой совершается крещение младенцев.

К несчастью, церковная власть и на этот раз безропотно повиновалась беззаконию!

5. ВМЕШАТЕЛЬСТВО «МИРСКИХ НАЧАЛЬНИКОВ» В ПОСТАВЛЕНИЕ ДУХОВЕНСТВА

Для отеческого руководства церковной жизнью, для таинственного служения Божественному Домостроительству, ради хранения и духовного воспитания своей паствы, Господь установил в Св. Церкви пастырскую иерархию. Сугубое значение Пастыря в том, что он является проводником и раздаятелем Божественной

Благодати. Через пастырей спасительные дары Божественной благодати изливаются на всю Церковь.

Поэтому вмешательство «мирских начальников» в поставление духовенства всегда рассматривалось Церковью как величайшее кощунство, — дерзновенная попытка насилия над Святым Духом, по справедливости приравнялось к «симонии» гнусному приобретению священства за деньги и подвергалось строжайшему осуждению. «Потому что нет ничего хуже того, кто Божественную Благодать, как вещь продажную, добывает за деньги или через *мирских властей* (курсив наш), равно как и того, кто продает ее. Ибо при сем продается дар Св. Духа, как нечто служебное. По свидетельству соборного послания, писанного Тарасием, святейшим патриархом Константинопольским, к папе древнего Рима Адриану, гораздо извинительнее Македоний и прочие духоборы. «Ибо они пустословят, акибы Святой дух есть творение и раб Бога и Отца, а те, как мнится, делают Его своим рабом... Столь нетерпимы сии грехи! и посему-то получившие священство через деньги или через власть мирских начальников, а равно и преподавшие оное таким образом, вместе с извержением из клира, совсем изгоняются и из Церкви».⁸)

Решительно пресекая это великое нечестие и бережно охраняя Святую Церковь от проникновения в пастырскую иерархию нецерковных сил, Правила Святых Славных и Всехвальных Апостолов и Святых Вселенских семи Соборов повелевают:

«Аще который Епископ, мирских начальников употребив, через них получит Епископскую в Церкви власть, да будет извержен и отлучен, и все сообщающиеся с ним».

(Правило Св. Апостолов — 30)

«Всякое избрание во Епископа, или пресвитера, или диакона, делаемое мирскими начальниками, да будет не действительно».

(Правило 3, 7-го Вселенского Собора)

Авторитетнейший церковный канонист, Патриарх Антиохийский Федор Вальмасон, в своих толкованиях на это правило пишет: «Правило дает постановление не об избраниях, совершаемых самими начальниками, а об избраниях епископов, происходящих по власти начальников, и об избраниях, то есть хиротониях пре-

⁸) Канонист Зонара. Толкование на 30 правило Св. Апостолов.

свитеров, или диаконов, происходящих по начальническому же повелению. Итак, правило говорит, что хотя, по-видимому, они производятся архиереями, имеющими власть, но поелику происходят под влиянием власти по насилью, то должны быть действительны и отменяемы».

Таким образом, церковные каноны категорически запрещают какое бы то ни было вмешательство гражданских властей в поставление духовенства.

Действующие в нашей стране законы, регулирующие отношение Государства к Церкви, никак не посягают на неотъемлемое право епископов Церкви рукополагать духовенство по своему усмотрению. Советские законы не предусматривают со стороны гражданской власти никакой предварительной санкции в случаях рукоположения священства либо его назначения и перемещения.

Однако в последние годы в Русской Церкви установилась такая практика, при которой ни одна хиротония во Епископа, пресвитера и диакона не совершается без неизбежной предварительной санкции чиновников Совета по делам РПЦ. Используя все те же испытанные методы негласного диктата, чиновники Совета всячески препятствуют рукоположению тех лиц, в которых Совет видит потенциальную силу, способную в дальнейшем противостоять беззаконным действиям безбожников, направленным на разрушение Св. Церкви. Руководствуясь этим принципом, чиновники Совета производят тенденциозный отсев абитуриентов духовных учебных заведений, лицемерно прикрываясь заботой о благе Церкви, препятствуют рукоположению достойных ставленников, не имеющих духовного образования, не позволяют лицам, получившим высшее светское образование, отдать свои силы на служение Св. Церкви и т. д.

Кроме того, Совет по делам РПЦ способствует проникновению в ряды пастырей и дальнейшему продвижению по службе лиц нравственно неустойчивых, маловерных, а иногда и вовсе беспринципных, способных служить злему делу — разложению Св. Церкви, а в подходящий момент и вовсе отречься от Христа.

Несомненно — такое вторжение чиновников Совета в Священную область стало возможным только вследствие попустительства высшей церковной власти, которая ради угождения «мирским начальникам» допустила попрание церковной свободы.

Пытаясь оправдать существующее положение, некоторые ссылаются на то место Послания к Тимофею Ап. Павла, в котором Св. Апостол перечисляя достоинства, необходимые кандидату для рукоположения, говорит: «Надлежит ему также иметь доброе сви-

детельство от внешних, чтобы не впасть в нареkanie и сеть дьявольскую» (1 Тим. 3, 7).

Приведенный текст ни в какой мере не может служить оправданием вмешательства чиновников Совета в поставление духовенства, ибо несомненно, что Ап. Павел имеет в виду свидетельство внешних о доброй жизни ставленника, а не формальное «удостоверение», причем «внешних» Апостол отнюдь не отождествляет с властями, а имеет в виду «не принадлежащих к Церкви Христовой верующих, иудеев и эллинов». Иметь свидетельство не значит, чтобы надлежало добыть форменное свидетельство от не своих и представлять своим, но чтобы избираемый во епископа пользовался доброю славою и среди неверных. В каком отношении? Конечно, не по внешнему положению, но по всем известной доброй нравственности и житейским добродетелям».⁹⁾

Подводя итоги всему вышеизложенному, должно сказать следующее: противозаконная регистрация крестин, ставящая пастырей Русской Церкви в положение доносчика на тех, кто вверил себя покровительству Матери-Церкви, массовое закрытие Св. храмов, монастырей и духовных школ, фактическое прекращение треб на дому и панихид на кладбищах, антиевангельская, бессердечная и незаконная практика принудительного удаления детей от Церкви, наконец, пагубное вмешательство безбожников в поставление духовенства — таковы горькие плоды и несомненные свидетельства безоговорочного подчинения Московской Патриархии неофициальному устному диктату чиновников-атеистов.

Увы! Высшая Церковная власть не исполнила своего долга перед Христом и Церковью. Как написано у пророка:

«И было ко мне слово Господне: Сын человеческий! Изреки пророчество на пастырей Израилевых, изреки пророчество и скажи им, пастырям: так говорит Господь Бог: горе пастырям Израилевым, которые пасли себя самих! Не стадо ли должны пасти пастыри?»

Вы ели тук и волною одевались, откормленных овец закалали, а стада не пасли.

Слабых не укрепляли, и больной овцы не врачевали и по-

---

⁹⁾ Еп. Феофан. Толкование пастырских посланий Св. Апостола Павла. М. 1894 г. стр. 293.

раненой не перевязывали, и угнанной не возвращали и потерянной не искали, а правили ими с насилием и жестокостью.

И расселялись они без пастыря и, рассеявшись, сделались пищею всякому зверю полевому.

Блуждают овцы Мои по всем горам и по всякому высокому холму, и по всему лицу земли рассеялись овцы Мои, и никто не разведывает о них, и никто не ищет их.

Посему пастыри выслушайте слово Господне.

Живу Я! говорит Господь Бог; за то, что овцы Мои оставлены были на расхищение, и без пастыря сделались овцы Мои пищею всякого зверя полевого, и пастыри Мои не искали овец Моих и *пасли пастыри самих себя*, а овец Моих не пасли, —

за то пастыри выслушайте слово Господне.

Так говорит Господь Бог: вот Я — на пастырей, и взыщу овец Моих от руки их и не дам им более пасти овец, и не будут более пастыри пасти самих себя, и исторгну овец Моих из челюстей их, и не будут они пищею их» (Иез. 34, 1-10).

«Горе пастырям, которые губят и разгоняют овец паствы Моей! говорит Господь».

Посему так говорит Господь Бог Израилев к пастырям, пасущим народ Мой: вы рассеяли овец Моих и разогнали их и не смотрели за ними; вот Я накажу вас за злые деяния ваши, говорит Господь» (Иер. 23, 1-2).

II

«...поражу пастыря, и рассеются овцы стада»
(Мф. 26, 31).

«...а наемник не пастырь...» (Иоан. 10, 12).

В апреле 1961 г. Совет по делам РПЦ известил Священный Синод Русской Православной Церкви о том, что Совет Министров СССР указал на необходимость внести надлежащий порядок в жизнь приходов, и именно в вопросе восстановления прав исполнительных органов церковных общин в части финансово-хозяйственной деятельности в соответствии с гражданским законодательством о культах.

Вместо того, чтобы в ответ на пожелание об упорядочении действительно *упорядочить* жизнь приходов в духе воли Божией, «благой, угодной и совершенной», недвусмысленно явленной в Апостольских правилах и Соборных канонах, Священный Синод,

явно стремясь сообразовать «с веком сим» (Рим. 12, 2), поспешно отозвался на это указание об упорядочении постановлением от 19 апреля 1961 г., которое внесло принципиальное и, к несчастью, антиевангельское изменение в иерархическую структуру Св. Церкви — неприкосновенную сферу пастырства.

В связи с тем, что постановление Священного Синода вызвало справедливое возражение со стороны нескольких архиереев,¹⁰⁾ указавших на то, что это постановление отменяет ряд существенных пунктов «Положения об управлении Русской Православной Церкви», принятое поместным Собором 1945 г., в июле 1961 года был созван собор архиереев, который, к несчастью, утвердил постановление Синода.

В IV разделе Соборного Положения 1945 г., который Синодальное постановление от 18 апреля 1961 г. фактически отменило, говорится следующее:

§ 35. Во главе каждой приходской общины верующих стоит *настоятель храма*, назначенный Епархиальным Архиереем для руководства верующими в управлении причтом и приходом.

§ 40. Настоятель храма является по своей должности *непременным членом приходской общины и председателем* исполнительного ее органа (церковного совета)...

§ 41. Исполнительный орган приходской общины верующих, под непосредственным *руководством* и наблюдением *настоятеля храма* и при ответственности перед гражданской властью за сохранение здания и имущества храма, ведет церковное хозяйство... является ответственным распорядителем денежных средств прихода...

§ 44. Церковные суммы вносятся на хранение в банк или сберкассу на имя данного храма и получают по чекам за подписью *настоятеля и казначея* прихода. Приходские средства учитываются путем ведения приходских книг.

§ 45. Ведомость о приходе и расходе церковных сумм по полугодиям *настоятель храма* представляет Епархиальному Архиерии.

§ 46. В случае незаконных действий исполнительного органа... *настоятель храма* доносит об этом Епархиальному Архиерее...

§ 47. *Настоятель храма* имеет свою печать и штамп, зарегистрированные надлежащей гражданской властью.

---

¹⁰⁾ «Журнал Московской Патриархии» № 8 за 1961 г.

В IV разделе Соборного Положения нет ничего, что могло бы помешать Церковной власти исполнить пожелание Совета Министров о внесении надлежащего порядка в жизнь приходов, не нарушая при этом Церковных Канонов, т. к. Соборное Положения 1945 г. ничем не ущемляет права церковных советов и ни в чем не противоречит гражданскому законодательству о религии и Церкви.

Однако Высшее Церковное управление, вместо того, чтобы упорядочить административно-хозяйственную жизнь прихода на основе Соборного Положения 1945 г., соответствующего Каноническому праву и традиции Церкви, пошло на ненужный и опасный пересмотр Соборных установлений.

В куриальном постановлении Синода, утвержденном Архиерейским собором 1961 г., взамен IV раздела Соборного Положения 1945 г., говорится:

а) Православная приходская община Русской Православной Церкви... состоящая в каноническом ведении епископов, создается по добровольному согласию верующих... под духовным руководством избранной общиной и получившего благословение епархиального архиерея, священника...¹¹⁾

б) Приходская община является частью Русской Православной Церкви, а вместе и Вселенской Христовой Церкви и имеет самостоятельный характер в управлении хозяйством и финансами.

в) Для управления делами прихода организуются . . . два органа: Церковно-приходское собрание, как орган распорядительный (собрание членов-учредителей двадцатки), и церковно-приходской совет, как орган исполнительный... Для постоянного наблюдения за состоянием церковного имущества, за движением церковных сумм... избирается ревизионная комиссия... При наличии злоупотреблений, недостачи имущества или денежных средств ревизи-

---

¹¹⁾ Согласно православной традиции, община может избирать ставленника (кандидата), причем епископу принадлежит право утверждения или отвода его кандидатуры, но никоим образом не может избирать самого священника. Предоставление общине права избирать священника и «оплачивать его содержание» (см. пункт «д»), узаконивает антиевангельское превращение пастыря в наемника.

онная комиссия составляет акт и препровождает его в *местный горсовет или сельсовет*.¹²⁾

г) Приходское собрание, в составе лиц, подписавших договор на пользование храмом и культовым имуществом, созывается по мере надобности с *разрешения* местных *горсоветов* или *райсоветов* и решает все вопросы, связанные с управлением и жизнью общин.

д) Исполнительный орган приходской общины верующих, ответственный за свою деятельность перед общеприходским собранием, в период между двумя приходскими собраниями осуществляет *руководство* хозяйственно-финансовой жизнью прихода. Он несет ответственность перед гражданскими властями за сохранность здания и имущества храма, ведет церковное хозяйство... Исполнительный орган является ответственным распорядителем денежных средств прихода... Он делает взносы и отчисления из приходских средств на церковные и патриотические нужды; *оплачивает содержание священнослужителя*...

ж) Денежные средства религиозной общины вносятся на хранение в Государственный Банк на имя данной общины и получают по чекам за подписью председателя (старосты) и казначея церковного совета...

з) Исполнительный орган религиозной общины имеет свой штамп и печать, зарегистрированные надлежащей гражданской властью.

и) *Настоятель прихода и прочие священники* (где они есть) *суть пастыри прихода*, которым поручено епископом совершение в приходском храме общественного Богослужения и церковных треб, преподание церковных таинств по Церковному уставу и руководство их*) в жизни христианской. Они ответственны перед Богом и своим епископом за благосостояние прихода со стороны его религиозной настроенности и нравственного преуспеяния.

к) *Настоятель* храма, памятуя слова апостолов: «А мы постоянно пребудем в молитве и служении слова» (Деян. 6, 4), осуществляет *духовное* руководство... и своевременно *доводит до сведения* Исполнительного органа общины о нуждах, связанных с нормальным отправлением Богослужения, треб и церковных таинств.¹³⁾

¹²⁾ Прямое нарушение декрета «Об отделении Церкви от государства»

*) Очевидно, прихожан. — Ред.

¹³⁾ «Журнал Московской Патриархии», 1961 г., № 8, стр. 15-17).

Таким образом, Соборное Положение 1945 г. и постановление 1961 г. находятся в прямом противоречии, совершенно по-разному определяя положение священника на приходе и объем его пастырского служения.

Собор 1945 г. видит пастыря отцом и главой прихода, имеющего попечение не только о литургической стороне церковной жизни и благочинии причта, но и осуществляющего духовный контроль и административно-хозяйственной жизнью вверенного ему стада.

В противоположность этому Синодальное постановление, лишая священника административно-хозяйственного управления приходом, фактически низводит пастыря до положения наемника, на договорных началах совершающего Богослужения и требы и находящегося в прямой зависимости от исполнительного органа.

Практически это ведет к тому, что совет мирян не только освобождается от пастырского руководства, не только получает возможность оказывать на священника материально-административное давление, но и приобретает немислимое в Христовой Церкви право по своему произволу увольнять своего духовного отца.

Разумеется, что такое положение в корне противоречит церковному учению о пастырстве. Пастырь Христов — основа Церкви. На нем, в лице Апостола, утвердил Господь Церковь и ему вверил попечение о ней.

«...И Аз же тебе глаголю, яко ты еси Петр, и на сем камени созижду Церковь Мою и врата ада не одолеют Ей». «И дам ти ключи Царства Небесного: и еже аще свяжеш на земли, будет связано на небесех; и еже аще разрешиши на земли, будет разрешено на небесех». (Мф. 16, 18-19).

Только Господь, вручивший пастырскую власть Апостолу и в его лице Епископу и Пресвитеру, — Пастырь стада, и никто более!

Всякая попытка ограничить иерархическую власть в Церкви, передать ее в руки пасомых — действие антицерковное, антирелигиозное. Пастырская ответственность за стадо всеобъемлюща и включает в себя не только литургическую сторону Церковной жизни, но и административно-хозяйственную, так как без активного контроля над этой сферой со стороны пастыря, он не может в полной мере следить за чистотой вверенной ему паствы, своевременно предупредить нестроения и охранять стадо от «волков и татей».

Пастыреначальник, показуя пример такого попечения о стаде

и о чистоте церковной, бичем изгнал торгующих из храма (Иоан. 2, 13-16). Подражание Христу во всем всегда считалось Церковью высшей добродетелью — преподабием. Но если бы ныне пастырь Русской Церкви попытался — не говорим бичем изгнать, — но хотя бы словом пастырским препятствовать волкам, расхищающим стадо, превращающим храм в дом торговли, то он неизбежно бы навлек на себя обвинение во вмешательстве в запретную для него — по нынешнему положению — область. Если же «волки» эти числятся членами двадцатки, а тем паче членами церковного совета, то тогда пастырь неизбежно, административным путем, извлекается из среды стада и едва ли не лишается «регистрации», что, как известно, делает у нас невозможным продолжение пастырского служения.

Вслед за Св. Евангелием, пример Апостольский также указывает на необходимость пастырского контроля над материальной стороной жизни общины. В книге «Деяний» не раз повествуется о подобной ревности Святых Апостолов или — как это было бы квалифицировано в духе Синодального постановления — подобного «вмешательства пастыря в сферу финансово-хозяйственной деятельности прихода». Достаточно вспомнить грозный пример с Ананием и Сапфирией (Деян. 5, 1-11), а также замечательную передачу попечения «о столах» (хозяйстве) рукоположенным диаконам (Деян. 6, 1-6), на которую некстати ссылается Синодальное постановление, совершенно искажая смысл этого акта, о чем нам еще придется говорить ниже.

Таким же примером, говорящим о постоянном «вмешательстве» Св. Апостолов в хозяйственную жизнь общины, служит сбор подаяний в пользу Иерусалимской Церкви, которым на протяжении многих лет непосредственно руководил сам Св. Ап. Павел,¹⁴⁾ более других потрудившийся в «служении слову».¹⁵⁾ Недвусмысленно на этот счет и суждение Канонического права: Правила Святых Апостолов 38-е и 41-е, а также Анкирского Собора 15-е и Гангрского Собора 7-е и 8-е согласно свидетельствуют о том, что в Св. Церкви руководство и управление административно-хозяйственной жизнью принадлежит пастырям.

«Епископ да имеет попечение о всех Церковных вещах, и оными да распоряжает, яко Богу назирающу. Но не позволительно ему присваивать что-либо из оных, или

¹⁴⁾ 1 Кор. 16, 1-4; 2 Кор. гл. 8 и 9; Галат. 2, 9-10.

¹⁵⁾ 2 Кор. 11, 23-12, 6.

сродникам дарить принадлежащее Богу. Аще же суть неимущие, да подает им, яко неимущим: но под сим предлогом да не продает принадлежащее Церкви».

(Пр. Св. Апостол 38-е)

«Повелеваем Епископу имети власть над Церковным имением. Аще бо драгоценные человеческие души ему вверены быть должны: то кольми паче о деньгах заповедать должно, чтобы он всем распоряжал по своей власти, и требующим через пресвитеров и диаконов подавал со страхом Божиим, и со всяким благоговением: такожде (аще потребно) и сам заимствовал на необходимые нужды свои и странноприемлемых братий, да не терпит недостатка ни в каком отношении. Ибо закон Божий постановил, да служащие алтарю, от алтаря питаются: якоже и воин никогда не подымлет оружия на врага на своем пропитании».

(Пр. Св. Апостол 41-е)

Как явствует из приведенных примеров и Правил, Святая Церковь никогда не мыслила духовную власть ограниченной в своих функциях «служением слову», подобно тому, как Она не мыслит тело без подчинения душе.

Существующее же ныне в Церковном организме разделение «души и тела» — отделение и неподчинение материально-хозяйственной сферы сфере духовной — явная болезнь, чреватая весьма опасными последствиями.

Синодальное постановление нанесло по каноническому ограждению Церкви удар, открывая в нем свободный проход для вторжения антицерковных сил, и действие этих сил не замедлило сказаться в самой активной форме. Итак, исполнительные органы церковных советов, избираемые и действующие без пастырского благословения, получив, тем самым, независимость от канонически правильной церковной власти епископа и священника, совершенно попали в подчинение местным гражданским властям и уполномоченным Совета по делам РПЦ.

Сейчас, по прошествии четырех лет со времени введения в жизнь Синодального постановления, налицо его плачевные результаты: в подавляющем большинстве приходов духовная жизнь в значительной степени расстроена, единство стада разрушено — исполнительный орган превратился в проводника нецерковных, а зачастую и антицерковных влияний, стремящихся подчинить

своему диктату алтарь, беспрепятственно сея искушения и соблазн, порождая распри и всяческие нестроения, ставшие ныне характерной чертой приходской жизни.

Вследствие Синодального постановления приходы Русской Церкви стали жертвой губительного принципа — разделяй и властвуй. Сугубое возмущение вызывает в сердцах верующих то, что этот разрушительный для всякого единства принцип внедрен в церковную жизнь и узаконен высшей Церковной властью, призванной охранять единство стада!

Естественно возникает вопрос: на каком основании Архиерейский собор 1961 года утвердил куриальное постановление Священного Синода, столь вредное для церковной жизни?

Всякого, кто знакомится с Деяниями собора 1961 года¹⁶⁾ поражает отсутствие правильной канонической аргументации: несерьезные ссылки на безымянных канонистов, голословные и совершенно бездоказательные церковно-исторические соображения, необоснованное перенесение в сферу церковно-иерархических отношений принципов «широкой демократизации» — вот те зыбкие «основания», которые отцы Собора пытаются противопоставить Апостольским и Соборным правилам.¹⁷⁾

Ваше Святейшество!

Во вступительной речи на Соборе 1961 г. Вы указали на то, что освобождение пастырей от участия в «хозяйственно-финансовой деятельности общины... находит свое оправдание в известном из книги Деяний Св. Апостолов Апостольского решения *служителям церкви* пребывать в «молитве и служении слова», а заботу «о столах» (хозяйстве) передать «*избранным из среды церковной лицам*» (Деян. 6, 2-8).

Мы недоумеваем, каким образом можно исключить из состава служителей Церкви Св. Архидиакона — первомученика Стефана, Филиппа, Прохора, Никанора, Тимона, Пармена и Николая Антиохийца?!

Каждому христианину хорошо известно, что семь мужей сих, избранных от народа «изведанных, исполненных Святого Духа и мудрости...», были поставлены «пред Апостолами, и сии, помолившись, возложили на них руки» (Деян. 6, 3-6). Таким образом,

---

¹⁶⁾ ЖМП, 1961, 8, 5-1.

¹⁷⁾ ЖПМ, 1961, № 8, стр. 10.

только после хиротонии во диакона избранные мужи получили власть распоряжаться церковным хозяйством!

Пример избрания и поставления семи диаконов не только не дает основания для «освобождения» пастыря от руководства хозяйственно-административной деятельностью общины, но, напротив того, непрерываемо свидетельствуют о том, что подчинение *всех* сфер церковной жизни иерархическому началу есть подлинное Апостольское Предание.

Таким образом, Синодальное постановление, утвержденное Архиерейским Собором 1961 г., является дерзновенным нарушением Апостольского предания и Церковных канонов. Говоря Вашими словами, оно переступило через рубеж правил церковных, подвергло опасности многое и подало повод к серьезным и основательным нареканиям.

*

Особо следует оговорить вопрос о церковных финансах.

По разумению Церкви, имущество Церковной общины принадлежит Богу и находится в каноническом ведении епископа, «яко Богу назирающе» (Правила Св. Апост. 38 и 41).

Согласно государственному законодательству, здания храмов и культовое имущество являются национализированными и передаются Церковным общинам на договорных началах; в отличие от культового имущества, *финансы общины* не являются национализированными и никоим образом не учитываются государственными органами.

Синодальное постановление, учредившее самостоятельный характер церковной общины в управлении хозяйством и финансами, нарушило дух и букву церковных канонов. Более того, освободив исполнительные органы приходских общин от финансовой отчетности перед епископом, оно под видом финансовой «автокефалии» прихода, фактически отдало принадлежащие Богу средства в распоряжение местных органов власти, которые, воспользовавшись отказом епископата от канонически принадлежащего ему права распоряжаться церковными средствами, совершенно незаконно присвоили себе право контроля за движением церковных сумм и влияния на финансовую жизнь общины, систематически обращая это во вред Церкви. Это тем более возмутительно, что гражданское законодательство на церковные фи-

нансы не претендует¹⁸). Таким образом, Синодальное постановление не только не упорядочило финансовую жизнь приходов в «соответствии с законодательством о культурах», но грубо нарушило Церковные каноны и привело к нарушению гражданского законодательства.

*

Подведя итоги всему вышеизложенному, должно сказать следующее: безоговорочное подчинение Московской Патриархии неофициальному устному диктату чиновников-атеистов, с одной стороны, и поддержанное Архиерейским Собором 1961 г. синодальное постановление, исторгнувшее административную хозяйственную власть из рук Церковной Иерархии и фактически передавшее ее в руки местных органов власти, с другой, целенаправленно осуществляет один и тот же греховный и богопротивный замысел — постепенное превращение Церкви Христовой в служебный придаток безрелигиозного государства. Да не будет!

*

«...Иисус сказал им: смотрите, берегитесь закваски фарисейской и саддукейской...». (Мф. 16, 6)

«...Он заповедал им, говоря: смотрите берегитесь закваски фарисейской и закваски Иродовой». (Мр. 8, 15)

Изложив картину бедственного положения Русской Церкви, естественно задать вопрос: каким образом это положение могло возникнуть? Почему высшая церковная власть превратилась в послушное орудие в руках чиновников-атеистов? Зачем русские пастыри и архипастыри, в большинстве своем искренние и чистые люди, непонятным молчанием покрывают это вопиющее беззаконие?

---

¹⁸ «О религиозных объединениях». Постановление ВЦИК и СНК от 8. 4. 1929 г. §§ 55, 56.

Отвечая на эти вопросы, следует прежде всего указать на то, что в настоящее время в Русской Церкви есть ряд епископов и пресвитеров, которые сознательно служат беззаконию. Это те, кто стяжал недобрую славу усердных закрывателей православных храмов, те, кто любое распоряжение местного уполномоченного почитает более Евангельского слова и Церковных канонов, это те, кто отлучает детей от Святого Причастия, кто ругается Церковной Святыне¹⁹), кто продавал своих братий, те — кто вовсе потеряв страх Божий, — помогает антирелигиозникам в их стремлении разрушить Святую Церковь.

Все эти люди хорошо известны, но дело не только в них. Мы считаем своим сугубым долгом обратить внимание Вашего Святейшества на тот несомненный факт, что сейчас в Русской Церкви действует целая группа епископов и священников, которые под видом благочестия сознательно и активно искажают дух Русского Православия. Эти люди возымели лукавый помысел развратить Русскую Церковь — насадить в ней дух теплохладности, дух раболепия и фарисейства, тлетворный дух «мира сего», а высшее церковное управление они хотели бы превратить в чиновничью канцелярию, в своего рода «министерство по делам православного вероисповедания», уполномоченное сдерживать и регулировать религиозные эмоции верующих граждан.

Дух самоуверенного благополучия на фоне общей тревоги, быстрое преуспеяние на официальном поприще, «стопроцентная» готовность служить «веку сему», податливая и гибкая совесть — вот что отличает этих людей. Все они как бы повторяют слова предстоятелей Лаодикийской церкви: «... я богат, разбогател, и ни в чем не имею нужды...» (Откр. 3, 17). Они имеют «вид благочестия, силы же его отрехиися» (2 Тим. 3, 5).

Эта активная и все возрастающая группа «недобрых пастырей» делается сейчас главной опасностью для Русской Церкви.

Вторая немалая опасность заключается в том, что подавляющее большинство даже тех епископов и пресвитеров, которые крайне недовольны нынешним положением Русской Церкви, молчат и своим тяжким молчанием способствуют его ухудшению. Говоря это, мы имеем в виду не тех, которые молчат, скованные страхом или унынием — эти мотивы сами по себе столь предосудительны, что не требуют специального опровержения — нет,

---

¹⁹) Вопиющим тому примеру может служить кощунственное захоронение Св. прославленных мощей Святителя Феодосия Черниговского, по требованию местного уполномоченного, совершенное епископом Игнатием.

мы говорим о тех епископах и пресвитерях, которые пытаются оправдать свое молчание «высшими соображениями». Иные архиереи серьезно считают, что они своим молчанием спасают Русскую Церковь, «ибо — рассуждают они, — если мы будем протестовать против незаконных действий Совета, нас лишат регистрации и тогда наши опустевшие кафедры захватят преуспевающие противники церковной свободы и «что сие будет горше первого».

В самом деле: если для спасения своих кафедр от «недобрых пастырей» епископы, принявшие на себя «миссию» спасения Церкви, молчат, и своим молчанием сами попустительствуют злему делу — попранию церковной свободы чиновниками Совета и позволяют «волкам» разгонять и расхищать стадо, то какой в этом смысл? И кого, кроме себя самих, спасают эти епископы? Не навлекают ли они на себя грозное слово, реченное через пророка: «...так говорит Господь Бог: горе пастырям Израилевым, которые пасли себя самих: Не стадо ли должны пасти пастыри» (Иез. 34, 2).

Порочная «тактика молчания» противоречит тому, чему учит нас основополагающий пример Св. Апостолов и великих церковных исповедников. Св. Апостол Павел хорошо знал и ясно засвидетельствовал, что после него придут в Церковь «волки, не шалашные стала», и тем не менее не только не сберегал себя, но вопреки настойчивым мольбам своих возлюбленных чад мужественно шел на свой великий исповеднический полвиг (Деян. 20, 17-38). Полезно напомнить пастырям, полагающим, что они спасают Церковь, и то, что не мы слабые чада Ее — епископы, пресвитеры и миряне, спасаем Христову Церковь, а что Она, чалолубивая наша Матерь, спасает нас, Церковь же спасает Христос!

Христос основал Свою Церковь не на слабой и влбоболвижной воле человека, а на Своей всемогущей и неизменной благодати, и потому никому из нас не следует налмеваться пустым помпиплением о своей спасительной роли, но смиренно и мужественно исполнять свой долг верности Матери-Церкви, постоянно моля Христа Бога нашего о помощи и твердо уповая, что только Он, по слову Своему, пребывающий с нами до скончания века, вершит судьбы наши.

Кроме ложных помыслов о «спасении» Церкви, бытует среди Русских пастырей и другой соблазн, поражающий в основном пастырей приходских. Многие хорошие и деятельные священни-

ки, видя бедственное положение Русской Церкви и тягостное безмолвие архиереев, искренне сокрушаются об этом, но тем не менее сами также пребывают в молчании, успокаивая свою совесть тем, что стараются сделать многое для насаждения и поддержания доброй христианской жизни в своих приходах. Эти священники, к несчастью, забывают, что Церковь есть единый организм — Тело Христово, и что если, по слову Апостола Павла, болезнь одного члена есть вместе с тем и болезнь всей Церкви (1 Кор. 12, 26), то тем более болезнь всей Церкви есть непременно и болезнь каждого ее члена. На этот счет не надо обманываться — в больной Церкви не может быть здорового прихода.

Те приходские пастыри, которые, видя общую болезнь, тем не менее молчат, должны знать, что они своим несправедливым молчанием прикрывают беззаконие и тем самым оказывают услугу всем противникам Святой Церкви. Можно ли такой ценой приобретать право на пастырское служение? не противоречит ли это словам Господа: «...не может... дерево худое приносить плоды добрые» (Мф. 7, 18).

Распространенная в Русской Церкви фраза: «надо молчать, не то снимут с регистрации», есть порочное самооправдание, недостойное христианского пастыря. Не о сохранении регистрации должно помышлять священнику, а о хранении верности Христу и Церкви. Но церковный партикуляризм, узко-приходской взгляд есть духовная болезнь — потеря целостного видения Церкви, забвение вселенских задач христианского домостроительства. Развитие этой болезни неминуемо ведет к сектантству.

Тяжко страдает Русская Церковь! Велики ее скорби, горьки ее печали, но мы глубоко уверены, что болезнь сия не к смерти, но к славе Божией! Ибо не для того Пресвятая Владычица приняла Русскую Церковь под Свой милостивый Покров, не для того проповедывали славянские первоучители, не для того светлый сонм русских святых предстоит в Церкви и «невидимо за ны молится Богу», не для того просиял в сердце земли Русской великий угодник Божий — Преподобный Сергий, не для того обильно излилась священная кровь русских мучеников, не для того тысячу лет звучит над Русской землей пасхальный благовест, с такой всепобеждающей силой, с какой не звучит он нигде в мире — чтобы все это богатство, весь этот священный залог, вся эта красота и слава завершилась жалкой канцелярией — покорным орудием нецерковных сил!

Да не будет!

Ваше Святейшество!

Не только о бедственном положении Русской Церкви хотим мы свидетельствовать перед Вами в этом письме: пришло ныне время свидетельствовать и о том, что милостию Божией есть и в Русской Церкви «тысячи мужей, которые не преклонили колена свои перед Ваалом» (Рим. 11, 4) и которые ныне являют собой внутреннюю ограду Церкви, духовно противостоящую беззаконию.

«И на стенах твоих, Иерусалиме, приставих стражи весь день и всю ночь, иже до конца не премолкнут поминающие Господа» (Исаия, 62, 6).

III

«Не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего, чтобы вам познавать, что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная» (Рим. 12, 2)

Следуя за Христом трагическими путями человеческой истории, Святая Церковь постоянно вникает в таинственные глубины данного Ей Божественного Откровения, находя в нем неоскудевающий источник своего духовного обновления и учительского слова, обращенного к многмятежному миру: «Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные и Я успокою вас» (Мф. 11, 28).

Содержание хранимого Церковью Божественного Откровения существенно неизменно, всегда самому себе равно и торжественно неподвижно. Оно ни в чем не сообразуется веку сему, но, как «Столп и утверждение Истины» (1 Тим. 3, 15), непоколебимо возвышается над бушующим морем природной и социальной жизни. Но те формы, в которые Церковь, умудряемая Духом Святым, облекает вечное содержание Божественного Откровения, дабы сделать Его всемерно доступным человеческому роду, подлежат постоянным изменениям. Церковь всегда стремится к тому, чтобы быть понятой всеми, поэтому Она всегда стремилась говорить на том языке, выражать свое учение в тех образах, понятиях и категориях, которые наиболее доступны тем, к кому непосредственно обращено Ее учительское слово. Подобно великому Апостолу языков, Она «для всех сделалась всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых» (1 Кор. 9, 22).

Богословское стремление находить наиболее точные формы для выражения неисследимых глубин Божественного Откровения,

с одной стороны, и пастырское стремление сделать эти формы наиболее доступными для восприятия и наиболее действенными для христианского преобразования жизни, с другой — вот два основных мотива постоянного обновления многообразных форм Церковного Учительства. Учение всегда остается неизменным, учительство Церкви постоянно обновляется.

Двадцатый век — трагический век мировых войн и великих социальных потрясений, век стремительного развития науки и все возрастающей технической мощи, век великих открытий и не менее великих заблуждений — поставил Святую Церковь перед духовной необходимостью нового творческого преобразования христианского Учительства. В наше время необходимость такого преобразования остро переживается всем христианством. Наиболее ярко свидетельствует об этом 2-й Ватиканский Собор Католической Церкви и деятельная подготовка Мирового Православия ко Вселенскому Собору. Нет никакого сомнения в том, что к великому вселенскому делу нового христианского Возрождения Русская Церковь имеет особое призвание. В этом нас убеждает многое.

Русская Церковь, несмотря на свое бедственное положение, о котором мы говорили выше, до сих пор остается самой крупной из всех Православных автокефальных Церквей и самой мощной представительницей Вселенского Православия среди других христианских исповеданий. Историческая судьба Русской Церкви неразрывно связана с судьбой Русского народа, роль которого во всемирной истории непрерывно возрастает вот уже в течение пятисот лет.

С первых дней своего возникновения, Русская Церковь всегда находилась под особым покровительством Божией Матери. Под Ее Благим Покровом, на протяжении своей тысячелетней истории, Русская Церковь собрала великие и неоскудевающие сокровища: духовный опыт Святых, поразительное по глубине и силе Церковное искусство, мощную и пронизательную Богословскую мысль.

Кроме того, Русская Церковь имеет исключительные заслуги перед гражданской историей своей Родины, а следовательно, огромный опыт практического Христианского Учительства — нравственного руководства народной жизнью. Хорошо известно, что Православная Церковь принесла на Русскую землю не только религиозное, но и общеобразовательное просвещение. Под духовным покровом Киевской Митрополии расцвела блестящая культура домонгольской Руси. В тяжкие времена татарщины Русская Церковь поддерживала в народе сознание национального единства, воспитывала мужество и вселяла веру в грядущее освобождение.

Духовный подвиг Св. Преп. Сергия и его учеников идейно подготовил объединение национальных земель вокруг Московского княжества, вызвал мощное возрождение русской культуры на Московской почве и вдохновил народ на решительную борьбу с татарами.

Не будет преувеличением сказать, что Московское государство было буквально выпестовано Русской Церковью, а монашеская колонизация вдохнула культурную и хозяйственную жизнь в обширнейшие необжитые районы Русского Севера. В трагическую эпоху второй половины XVI в., когда все сословия русского общества безмолвно трепетали перед кровавым своеволием Ивана Грозного, только Церковь в лице своего великого предстоятеля Св. Митрополита Филиппа нашла в Себе силы публично обличить бесноватого царя. Во время смуты и великого разорения Русской земли Св. Патриарх Ермоген и монахи Св. Троице-Сергиевой Лавры духовно возглавили борьбу русского народа с иностранной интервенцией и национальной разрухой.

На протяжении всего XVII века Русская Церковь, возглавляемая Святейшими Патриархами, активно способствовала углублению общественного начала в жизни Русского государства (Земские Соборы), самоотверженно трудилась над собиранием сил Вселенского Православия и духовно подготавливала сближение России с христианским Западом (Киево-Могилянская академия). Наконец, мощный расцвет русской культуры XVIII-XX вв. был глубоко связан с тем новым подъемом русской Церковной жизни, на вершинах которого крестно сияет озаренный образ Св. Преп. Серафима.

Здесь следует сказать, что на протяжении своей тысячелетней истории русская культура трижды переживала периоды пышного цветения.

Первый период — домонгольский, в основном, Киевский.

Второй — Московский — XIV-XV вв.

Третий период — общерусский.

Каждому из этих периодов пышного цветения русской культуры последовательно предшествует один из трех периодов высшего подъема русского монашества, духовно оплодотворяющий национальную жизнь:

В XI-XII вв. — Св. митр. Илларион и Святые подвижники Киево-Печерского монастыря.

В XIV-XV вв. — Св. преп. Сергий с учениками, Московские Святители и заволжские старцы Св. Нила Сорского.

Со второй половины XVIII в. — Св. Тихон Задонский, Паисий

Величковский с учениками, преп. Серафим, великие старцы Оптиной Пустыни и Святитель Феофан Затворник.

В эту последнюю эпоху, непосредственное благодатное воздействие Оптинских старцев испытали на себе такие выдающиеся деятели русской культуры, как Хомяков, И. Киреевский, Гоголь, Достоевский, К. Леонтьев и Владимир Соловьев. Сюда же, в Оптину Пустынь, бежал перед смертью замученный сомнениями Лев Толстой.

В противовес примитивному утилитаризму секулярной цивилизации, нахлынувшей в Россию в результате Петровской реформы, Благодать Божия воздвигнула в нашем Отечестве славное воинство, христианских мыслителей, художников и ученых.

Известно, что отец новой русской культуры Михаил Васильевич Ломоносов был не только верным сыном Православной Церкви, но и блестящим апологетом Христианства. Когда французские «просветители» обрушили на Церковь свою безумную злобу, лукаво прикрываясь разумом и наукой, гениальный Ломоносов решительно ополчился против этого соблазна. Вслед за Апостолом Павлом (Рим. 1, 19-25) утверждал он родственные отношения между Верой и Наукой.

«Наука и религия — писал он — суть родные сестры, дочери Всевышнего Родителя; они никогда между собой в распрю придти не могут, разве кто из некоторого тщеславия и показания своего мудрования на них вражду восклетет. Напротив, наука и вера взаимно дополняют и подкрепляют друг друга». «Обе обще удостоверяют нас не только о бытии Божиим, но и о несказанных к нам Его благодеяниях». «Что святее и что спасительнее быть может, — вопрошал Ломоносов, — как поучаясь в делах Господних, на высокий славы Его престол взирать мысленно и проповедывать Его величество, премудрость и силу? К сему отворяет астрономия пространное рук Его здание; весь видимый мир сей и чудных дел Его многообразную хитрость физика показывает, подая обильную и богатую материю к познанию и прославлению Творца от твари». «Ибо и натура есть некоторое Евангелие, благовествующее неумолчно Творческую силу, премудрость и величество. И не только небеса, но и недра земные поведают славу Божию».

«Чем глубже до самых причин столь чудных дел проникает рассуждение, тем яснее показывается неизъяснимый всего бытия Создатель. Его всемогущества, величества и премудрости видимый сей мир есть первый, общий, непреложный и немолчный проповедник.»

Вслед за Ломоносовым, под священную хоругвь Христовой Церкви встали десятки выдающихся деятелей отечественной культуры.

В светлом озарении воспевал Державин величие и любовь Божию:

«Твое создание я, Создатель,
Твоей премудрости я тварь,
Источник жизни, благ податель,
Душа души моей и Царь.»

(Ода «Бог»)

Пройдя путь от языческого легкомыслия юности «к сионским высотам» христианства, гениальный Пушкин озарил поэтическим светом все стороны природного и человеческого бытия, утверждая онтологическую незыблемость, обаяние и торжествующую красоту христианского идеала.

К свободному служению Богу призывал Пушкин творческую мощь человека: «Веленью Божию, о муза, будь послушна». И все лучшие силы русской культуры откликнулись на этот призыв.

Гениальные поэты и провидцы земли русской — Гоголь, Достоевский, Тютчев, Владимир Соловьев и Вячеслав Иванов, пророчески предвидя приближение времен «страха и ожидания бедствий, грядущих на вселенную» (Лк. 21, 26), и осознав, что нет иного пристанища обуреваемому грехом человеку, кроме камня веры, звали отпадающее от Христа человечество вернуться в Дом Отчий — Церковь Божию.

Во имя Божие духовно воинствовала на Руси когорта прославленных мыслителей: Хомяков, Киреевский, Леонтьев, Владимир Соловьев, Сергей и Евгений Трубецкие, Эрн, отец Павел Флоренский, протоиерей о. Сергей Булгаков, Лосский, Шестов, Франк, Бердяев.

Благодатное воздействие Православия испытали на себе почти все выдающиеся деятели русской науки и искусства, среди которых отметим крупнейших: Карамзин, Крылов, Жуковский, Грибоедов, Глинка, Погодин, Баратынский, А. Иванов, Щепкин, отец и сыновья Аксаковы, Пирогов, Ю. Самарин, С. Соловьев, Островский, Ушинский, Ап. Григорьев, Гончаров, Перов, А. К. Толстой, Суриков, Ап. Майков, Лесков, Менделеев, С. И. Танеев, Боткин, Голубинский, Захарьин, Чайковский, Ключевский, Болотов, Васнецов, Ф. И. Успенский, Тураев, Ермолов, Врубель, Скрябин, академик И. П. Павлов, Ипполитов-Иванов, Б. Вернадский, Гречанинов, Нежданова, Филатов, Нестеров, Б. Пастернак, Войно-Ясенец-

кий (Архиепископ Лука), Н. А. Обухова, П. П. Кончаловский, Софроницкий.

Как мать младенца, Православная Церковь родила и вскормила великую русскую культуру!

Итак: обращение к Евангелию восточных славян и других народов, населяющих огромную территорию нашей Родины, сонмы святых угодников, великое церковное искусство, возвышенное мистическое Богословие и религиозная философия, духовное оплодотворение национальной культуры, наконец, вселенское свидетельство Православия, — таковы плоды христианского учительства Русской Церкви.

Но как бы ни были велики богатства русского церковного учительства, как ни прекрасны были его плоды, какие светлые надежды ни вселяли они в христианские сердца, Русская Церковь и в прошлом не могла считать себя безупречной и вполне готовой для выполнения своей христианской миссии в исключительных условиях нового времени, ибо было в Русской Церковной истории и нечто такое, что омрачало ее светлый образ.

Двести лет Русская Церковь страдала тяжелым недугом, в значительной степени парализовавшим ее духовную активность. Суть этого недуга — в слабости пастырского руководства. Эта слабость имела два основных проявления: печальную склонность русских архиереев подчиняться незаконным притязаниям мирских начальников и сравнительно низкий авторитет приходского пастыря.

Поучительно вспомнить, что первым серьезным проявлением этого недуга было попустительство архиереев монаршему произволу Петра I, который государевым указом незаконно отменил патриаршество и навязал Русской Церкви «Духовный регламент», подчиняющий церковное управление царской власти.

В нарушение Евангельского завета «отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мр. 12, 17) и церковных канонов, русский царь был признан официальным главой высшего церковного управления — Святейшего Синода Русской Православной Церкви. Попустительство архиереев незаконному вторжению царя во внутреннюю жизнь Церкви создало опасный прецедент и в значительной степени подорвало церковное самосознание. Трагическая вина русского епископата оказалась в том, что во время церковной реформы Петра I в его составе не оказалось ни одного епископа, который повторил бы подвиг св. митрополита Филиппа. И вот, единожды совершенный грех безропотного повиновения незаконным притя-

заниям мирских властей стал все больше и больше разъедать русскую церковную жизнь, подрывая духовные основы пастырства.

Однако, к чести Русской Церкви надо сказать, что на протяжении всего «синодального периода» в ней не угасло сознание того, что «Духовный регламент» Петра I, нечестиво низводящий высшую церковную власть до положения прислужницы государства, искажает образ Православия.

Уже во времена царствования Петра I архиепископ Ростовский Георгий Дашков поднял вопрос о восстановлении патриаршества. Затем, в 1742 г. два члена Синода — Митрополит Ростовский Арсений Мацевич и Новгородский Архиепископ Амвросий сделали открытое официальное заявление о необходимости отмены Синодального Управления. В 1811 г. великий русский историк Н. М. Карамзин писал: «Церковь Российская искони имела главу сперва в Митрополите, наконец, в Патриархе. Петр объявил себя главою Церкви, уничтожив патриаршество, как опасное для самодержавия неограниченного... Если Государь председательствует там, где заседают главные сановники Церкви, если он их судит или награждает мирскими почестями и выгодами, то Церковь подчиняется мирской власти и теряет свой характер священный, усердие к ней слабеет, а с ним и вера».²⁰⁾

В 1874 году о том же писал епископ Енисейский Никодим Казанцев: «Российский Синод изобретен... властью мирскою и потому не имеет достоинства правильного церковного Собора... Синод, по идее Петра, есть учреждение политико-церковное, параллельное всякому другому государственному учреждению, а потому состоящее под полным верховным надзором Государя. Идея реформаторская, не приложимая к Православию, ложная. Церковь сама себе Царица. Глава Ее — Христос Бог наш. Закон — Евангелие...»²¹⁾

Знаменитый славянофил И. С. Аксаков также указывал на отрицательные последствия синодального строя: «...убыла душа, подменен идеал, то есть на месте идеала Церкви очутился идеал государственный, и правда внутренняя замещена правдой формальной, внешней. Церковь со стороны своего управления представляется теперь у нас какой-то колоссальной канцелярией, прилагающей с неизбежной, увы, канцелярскою ложью порядки канцеляризма к спасению стада Христова».

---

²⁰⁾ «Записки о древней и новой России».

²¹⁾ «Богословский Вестник», 1905 г.

Об этом же писал и Владимир Соловьев: «Официальная церковь, управляемая гражданскими чиновниками, есть только государственное учреждение, второстепенная отрасль бюрократической администрации».

Постоянный протест церковного самосознания против «Духовного регламента» Петра I привел, наконец, к тому, что с первых лет XX века началась деятельная подготовка к созыву Всероссийского Церковно-Поместного Собора, который и был созван в августе 1917 года.

Восстановление Патриаршества на Всероссийском Церковно-Поместном Соборе, подготовленное православным возрождением XIX - начала XX века было великим и благодатным событием в истории Русской Церкви. Этот Собор явился свидетельством того, что Русская Церковь вышла из критического состояния, и положил начало возрождению церковной самостоятельности. Здесь важно отметить, что вслед за этим последовал Декрет Советской власти об отделении Церкви от Государства — 23 января 1918 г.

Восстановлением Патриаршества Божий Промысел даровал Русской Церкви исцеление от Ее долголетнего недуга — низведения высшего церковного управления до уровня государственного ведомства, а законодательное отделение Церкви от государства создало необходимую предпосылку для осуществления Святой Церковью своего спасительного служения в условиях безрелигиозного государства. Отныне первейшей задачей Церковной власти стало строжайшее соблюдение великого Евангельского принципа: «Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мр. 12, 17).

Вся деятельность избранного Собором 11-го Всероссийского Патриарха, Святейшего Тихона, была направлена на осуществление этого принципа. Призывая верных чад Русской Церкви подчиняться Советской власти не за страх, а за совесть, ибо «несть власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены» (Рим. 13, 1), Святейший Патриарх Тихон в то же время последовательно и неуклонно отстаивал внутреннюю независимость Церковной жизни — «...поелику нет на земле власти, которая могла бы связать нашу святительскую совесть и наше патриаршее слово».

Сорок лет назад, 7 апреля 1925 г., в праздник Благовещения Пресвятой Богородицы, после семи лет великого Первосвятительского служения, Святейший Патриарх Тихон почил смертью праведника. Перед смертью Святейший Владыка, обращаясь к своей всероссийской пастве, писал: «Только в верности Истине и твер-

дом стоянии в ней — всепобеждающая Божия сила, «сия есть победа, победившая мир, вера наша» (1 Иоан. 5, 4).

Недопущение вмешательства «мирских начальников» во внутреннюю жизнь Церкви, с одной стороны, и строгое соблюдение церковной властью гражданского законодательства, с другой, — вот основной принцип гражданского бытия Церкви, который Святейший Патриарх Тихон, истинный выразитель Соборного разума Русской Церкви, завещал своим преемникам.

Однако, история Русской Церкви за последние сорок лет неоспоримо свидетельствует о том, что начиная со времени продолжительного местоблюстительства митрополита Сергия (Старгородского) высшее церковное управление попало патриарший завет и самочинно изменив курс, пошло по пути прямой ликвидации церковной свободы.

Отвергнув Благодать Божию, даровавшую Русской Церкви исцеление от ее долголетнего недуга, руководящие церковные деятели «сергиевского» периода, под прикрытием Патриаршества, фактически возродили «синодские» порядки, причем на сей раз в несравненно более тяжелой форме — ибо на месте чиновника-христианина, стоявшего во главе Святейшего Синода, у кормила Церковного управления фактически оказались чиновники-атеисты.

К церковным деятелям этого периода можно по праву отнести гневные слова Апостола Петра: «Лучше бы им не познать пути правды, нежели познавши, возвратиться назад от преданной им святой заповеди» (2 Петра, 2, 21). К великому несчастью, этого же упрека не может избежать и нынешнее церковное управление, ибо, получив очевидную историческую возможность послужить великому делу церковного возрождения, Московская Патриархия не использовала эту возможность в главнейшем духовно-каноническом пункте. Вместо того, чтобы отказаться от бесплодной и пагубной тактики «сергиевского» периода, позволившей поставить Русскую Церковь перед угрозой полного уничтожения всех легальных форм ее гражданского существования, и возвратиться на спасительную стезю, завещанную патриархом Тихоном, современное церковное управление возвело порочную практику «сергиевского» периода в руководящее правило своей деятельности. Современное управление Русской Православной Церкви утратило многое из тех духовных сокровищ, которые передали нам наши предки, но духовный недуг наших предков Московская Патриархия не только возродила, но и значительно приумножила.

В этом смысле подчинение Московской Патриархии негласному устному диктату чиновников-атеистов и поддержанное Архирейским Собором 1961 г., Синодальное постановление, поставившее пастыря в положение наемника, нанесло русской церковной жизни такой удар, какого не наносили ей даже такие противники церковной свободы и насильники Святой Церкви, как Петр I и Екатерина II.

*

Ваше Святейшество!

Мы написали Вам все это «не потому, чтобы Вы не знали истины, но потому, что Вы знаете ее, равно как и то, что всякая ложь не от истины» (1 Иоан. 2, 21).

Мы не сомневаемся в том, что найдутся лукавые люди, которые будут лжесвидетельствовать на нас, отрицая обоснованность наших обвинений.

Заранее ожидая этого, мы выносим все дело на суд Божий: перед лицом всей Церкви мы готовы скрепить наши обвинения церковной присягой на Кресте и Евангелии!

Такой же присяги перед лицом Церкви мы требуем от каждого, кто будет обвинять нас в неправде.

Иного свидетельства Церковь не приемлет, а клянувшихся ложно судит Бог! Как написано: «...всякий, клянущийся ложно, истреблен будет» (Зах. 5, 3).

Ваше Святейшество!

Неисповедимым судом Божиим Вы поставлены во главе Великой Российской Церкви. Христос вручил Вам великую власть и возложил на Вас великие обязанности.

Безмерно велика Ваша ответственность перед Богом за вверенную Вам Церковь. Никто не смеет судить Вас судом человеческим, ибо никакой человеческий суд не в силах измерить всей глубины Вашей ответственности. Мы не дерзаем вникать в то, что чувствует Патриарх, когда, отягощенный бременем всего народа, стоит он на молитве перед лицом Божиим. Священный страх охватывает нас, когда мы думаем о столь великом служении!

Кто мы, чтобы давать Вам советы!?

Но в тот момент, когда сознание своей человеческой немощи связывает наши уста, в душе нашей раздаются слова Господа: «...аминь, аминь, глаголю вам: прежде даже Авраам не бысть, Аз есмь» (Иоан. 8, 58). Тот, Кто безмерно превышает всякое различие, Тот, перед Лицом которого все мы малые чада, Отчески по-

велевает нам, не смущаясь, говорить правду.

И мы, исполняя Его святую волю, говорим Вам:

«...отдайте Богу Божие...».

Только Христу принадлежит власть в Церкви. Он стяжал ее Честною Своею Кровью. Она — Его возлюбленная Невеста, Его дом, Его живое тело.

Тот, кто позволяет «мирской власти» вторгаться во внутреннюю жизнь Церкви, предает растлению Деву, оскверняет храм, терзает Тело Христово.

Подобно Иоанну Предтече Патриарх поставлен быть Другом Жениха²²⁾, полагающим душу свою ради целомудрия Невесты.²³⁾

Охранение внутренней жизни Церкви от вторжения «кесарева» есть не только дело канонической правды, но и первейший долг христианского благочестия! Друг жениха не смеет равнодушно слушать стоны невесты: «Встретили меня стражи, обходящие город; избили меня, изранили меня; сняли с меня покрывало стегущие стены» (Песнь Песней, 5, 7).

Ваше Святейшество!

«Се ныне время благоприятно, се ныне день спасения» (2 Кор. 6, 2). Страждущая Церковь с надеждой обращает к Вам свои взоры.

В Ваших руках жезл первосвященительской власти. Единым Патриаршим словом Вы в силах прекратить беззаконие! Сделайте это!

Положите конец долее нетерпимому вмешательству «кесарева» во внутреннюю жизнь Церкви! Восстановите канонические нормы церковной жизни!

Созовите новый Церковно-Поместный Собор, с самым широким представительством, дайте возможность свободно прозвучать голосу Церкви, ибо душа Ее истомилась в молчании; подвига деятельной любви жаждет Церковь — благословите Ее, ибо Она не в силах более уклоняться от исполнения Божией воли.

Благословите Ее и мы не сомневаемся в том, что соборный разум Русской Православной Церкви, движимый Духом Святым, не

²²⁾ Призывая Ап. Петра к первоверховному служению, Спаситель спрашивал у него: «... друг ли ты Мне?» (В русском переводе: «... любишь ли ты Меня?») (Иоан. 21, 17).

²³⁾ Св. Апостол Павел писал, обращаясь к своей пастве: «Ибо я ревную о вас ревностью Божией, потому что я обручил вас единому мужу, чтобы представить Христу чистою девою» (2 Кор. 11, 2).

только найдет способы исцеления церковных болезней, но и откроет перед Русской Церковью путь к новому великому возрождению.

«Буди, Буди!»

*

Отдайте Богу — Божие и кесарь сполна получит свое!

Ибо подлинно — интересы Церкви в гражданской сфере совпадают с интересами свободного и правового Государства.

Но только положив конец вмешательству «мирских начальников» в святую область, «Божия» Русская Церковь сможет нелицемерно и действительно послужить нашему Отечеству. Самим фактом своего свободного бытия Она будет свидетельствовать перед всем миром о том, что в нашей стране действительно осуществляется священное право человека на религиозную свободу. Только такое свидетельство может иметь вес в глазах миллионов людей доброй воли во всех странах мира и свидетельство это невозможно подменить ложью. Ибо никакие ухищрения Иностранного отдела Московской Патриархии, никакие интервью и «авторитетные» заявления, никакое участие русских архиереев в международных движениях не в силах доказать того, чего нет — свободного бытия Русской Церкви.

Но то, чего не может сделать ложь, делает правда!

Только будучи свободной, Церковь способна воспитать своих чад в духе подлинного патриотизма, не из корыстного страха перед властями, но из любви к Отечеству. Только будучи свободной, Церковь может оказать действительную помощь государству во всех его благих начинаниях.

Церковь реальная, благая и неустрашимая сила, и в интересах государства, чтобы эта сила была свободной!

Ваше Святейшество!

Пришло время услышать глас Божий!

«Вот зима уже прошла; дождь миновал, перестал;

Цветы показались на земле; время пения настало, и голос горлицы слышен в стране нашей;»

Христос зовет Свою Церковь: «Встань, возлюбленная моя, прекрасная моя, выйди!» (Песнь Песней 2, 11-13).

Христос зовет Свою Церковь, и нет такой силы, которая могла бы помешать Церкви выйти к Нему навстречу! Ибо

«Большие воды не могут потушить любви, и реки не зальют ее» (Песнь Песней 8, 7).

Христос зовет Свою Церковь, и Она выходит к Нему навстречу!

С каждым днем обостряется сознание нетерпимости дальнейшего подчинения беззаконию; с каждым днем в Русской Церкви нарастает спасительная жажда очищения от той скверны, которая накопилась в ней по вине церковной власти; с каждым днем углубляется в Церкви жажда подлинного соборного общения; наконец, с каждым днем в Церкви нашей нарастает чувство ответственности за те души, которые, по вине пастырей Церкви, не просвещены Евангельским словом и несмотря на свою пробудившуюся религиозную жажду пребывают вне Церковной ограды.

«Возлюбленный мой начал говорить мне:
встань, возлюбленная моя, прекрасная моя, выйди!
...Встану же я, пойду по городу, по улицам
и площадям, и буду искать Того, Которого
любит душа моя» (Песнь Песней 2, 10; 3, 2).

*«Во свидетели перед вами призываю сегодня
небо и землю: жизнь и смерть предложил Я
тебе, благословение и проклятие. Избери
жизнь, чтобы жил ты и потомство твое».*

(Втор. 30, 19)

Высшая церковная власть стоит ныне перед неизбежным выбором: либо решительными действиями искупить свою тяжкую вину перед Русской Церковью, либо окончательно перейти в лагерь Ее врагов, ибо «никто не может служить двум господам...» (Мф. 6, 24).

Если высшая власть Русской Церкви пожелает избрать путь жизни, то она окажется перед очевидной необходимостью совершить следующее:

1. Сейчас, когда во всех областях гражданской жизни в нашей стране исправляются те ошибки, которые были допущены в прошлом, было бы весьма уместным, если бы Вы, Ваше Святейшество, во главе Священного Синода, вошли с ходатайством в Правительство Союза ССР:

об искоренении последствий «субъективизма и администрирования в руководстве», допущенных и в отношении к Церкви;

о строжайшем законодательном определении функций Совета по делам Русской Православной Церкви и

о дальнейшем недопущении каких бы то ни было действий, нарушающих декрет «Об отделении Церкви от государства» и 124 статью Конституции СССР.

При этом должна быть немедленно прекращена противозаконная практика регистрации крестин и других церковных треб.

Русской Церкви должны быть возвращены все храмы, монастыри и духовные школы, незаконно закрытые в период 1961-1964 гг.

Должно быть восстановлено право священников беспрепятственно совершать требы на дому и панихиды на кладбищах.

Должна быть немедленно и решительно пресечена, грубо нарушающая священный принцип свободы совести, бессердечная практика принудительного удаления детей от Церкви и, наконец, должно быть решительно прекращено вмешательство каких бы то ни было «мирских начальников» в поставление духовенства.

Кроме того, Московская Патриархия должна твердо и недвусмысленно заявить руководству Совета по делам РПЦ, что впредь никакие *устные распоряжения* Совета и его уполномоченных Русская Церковная власть *исполнять не будет*.

2. Очевидна необходимость немедленно созвать Собор Пресвященных Архиереев для отмены канонически неправильного решения Архиерейского Собора 1961 г., утвердившего синодальное постановление, разрушающее иерархический строй церковной жизни.

3. Памятуя о том, что в «Русской Православной Церкви высшая власть в области вероучения, церковного управления и церковного суда — законодательная, административная, судебная — принадлежит Поместному Собору, периодически созываемому в составе епископов, клириков и мирян»²⁴), Московская Патриархия обязана начать немедленную подготовку к созыву очередного Всероссийского Церковно-Поместного Собора с самым широким представительством.

Созыв Поместного Собора в ближайшее время диктуется необходимостью общецерковного суждения о деятельности церковного управления и насущной потребностью скорейшего решения исторически назревших вопросов Церковной жизни и церковного учительства.

Для того, чтобы новый Поместный Собор не оказался послушным орудием в руках нецерковных сил, необходимо, чтобы в под-

---

²⁴) Положение об управлении Русской Православной Церкви, принятое Поместным Собором 31 января 1945 г.

готовке к этому Собору могла принять деятельное участие вся Русская Церковь.

Для этого Собору должны предшествовать *приходские собрания и епархиальные съезды*.

Только в таком случае на Собор смогут попасть клирики и миряне, действительно представляющие собой, вместе с лучшими епископами Русской Церкви, полноту Церковного сознания.

Новому Поместному Собору несомненно предстоит великое поприще — возрождением русской церковной жизни, активно послужить новому вселенскому Возрождению Христианства.

«И слышал я как бы голос многочисленного народа, как бы шум вод многих, как бы голос громов сильных, говорящих: аллилуйя! Ибо воцарился Господь Бог Вседержитель; возрадуемся и возвеселимся и воздадим Ему славу; ибо наступил брак Агнца, и жена Его приготовила себя.

И дано ей было облечься в виссон чистый и светлый, виссон же есть праведность святых». (Откр. 19, 6-8).

«Большие воды не могут потушить любви, и реки не зальют ее» (Песнь Песней 8, 7) — движение за созыв нового Всероссийского Церковно-Поместного Собора, действительно являющего собою светлый лик Русской Церкви, началось и, милостью Божией, не прекратится до тех пор, пока Собор этот не будет создан.

«И на стенах твоих, Иерусалиме, приставих стражи весь день и всю ночь; иже до конца не премолкнут поминающие Господа» (Исаия, 62, 6).

Ваше Святейшество!

Предвидя, что некоторые недобросовестные советники Ваши будут побуждать Вас ответить на наше искреннее письмо архипастырским прещением, мы хотим напомнить Вам величественные слова нашего Господа:

«Если Я сказал худо, покажи что худо; а если хорошо, что ты бьешь Меня?» (Иоан. 18, 23).

Вашего Святейшества
недостойные Богомольцы, священники
Николай Эшлиман
Глеб Якунин

21 ноября 1965 г.

Копии «Открытого письма Святейшему Патриарху» адресуются нами правящим Архиереям Русской Православной Церкви.

Одновременно авторы «Открытого письма», как граждане СССР, направляют в Высшие органы государственной власти и Генеральному Прокурору Советского Союза заявление с протестом против незаконных действий руководителей и уполномоченных Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР.

1965 г.

(Копия заявления прилагается к настоящему письму)

Письмо священников Николая Эшлимана и Глеба Якунина Епископам Русской Церкви

*ЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВУ,
ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЕЙШЕМУ .....*

Ваше Высокопреосвященство!

Авторы «Открытого письма Святейшему Патриарху» считают необходимым адресовать это письмо также и Вам, как правящему Епископу Русской Православной Церкви, который несет ответственность за Ее настоящее и будущее, —

во свидетельство в день, «в оньже со славою
Судия всех приидет и коегождо деяния обнажатся...»

13 декабря 1965 г.

Вашего Высокопреосвященства
недостойные Богомольцы, священники

Подписи: Николай Эшлиман
Глеб Якунин

Направляя Епископам Русской Церкви копии «Открытого письма Святейшему Патриарху» и копии «Заявления гражданским властям», мы считаем необходимым сделать следующее, адресованное епископату

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. Возвращаясь к вопросу о печальной роли Епископата и незаконной кампании массового закрытия Православных храмов, мы считаем необходимым добавить к уже сказанному следующее:

Вопреки архипастырскому долгу и гражданскому законодательству¹⁾ Епископы Русской Церкви, повинаясь незаконному диктату уполномоченных Совета по делам Русской Православной Церкви, превращали закрытие храмов в фактическую ликвидацию приходских общин.

Имея возможность использовать законное право религиозного общества на строительство или аренду государственного или частного помещения для религиозных целей,²⁾ Епископы обязаны были воспользоваться этой возможностью для сохранения приходов и продолжения их литургической жизни.

Если бы приходские пастыри имели благословение Епископов не покидать свои бедствующие приходы, они могли бы, на законном основании, совершать полный круг Богослужения в *любых, предоставленных им православными общинами, помещениях*, переноса туда, по архиерейскому благословию, антиминс и прочие необходимые предметы культа³⁾.

Таким образом, вся незаконная кампания массового закрытия храмов не достигла бы своей основной цели — ликвидации приходских общин и лишения верующих церковного окормления.

Однако большинство Епископов Русской Церкви не исполнили своего архипастырского долга, но, повинаясь давлению уполномоченных Совета, *вслед за закрытием храмов, лишали бедствующие приходы и пастырей*, переводя их в другие храмы или увольняя за штат!

В связи со всем сказанным, уместно спросить отцов Архиерейского Собора 1961 г., зачем, ввиду уже начинающейся кампании массового закрытия храмов и монастырей, они изъяли из «Положения об управлении Русской Православной Церкви», принятого Поместным Собором 1945 г., § 38, вменяющий в обязанность Епархиальных Архиереев наблюдение за целесообразным распределением *храмов и приходов* на территории Епархии»?!

2. В седьмом пункте нашего заявления гражданским властям мы указали на то, что уполномоченные Совета, в нарушение гражданского законодательства, навязали приходам Русской Церкви такую структуру, при которой фактически учрежден непредусмотренный законом орган — «двадцатка», — *подменивший религиозное общество*, что лишает сотни, а иногда и тысячи прихожан, принадлежащих им по закону прав участия в управлении

¹⁾ См. «Заявление гражданским властям» п. 2.

²⁾ «О религиозных объединениях» §§ 10 и 45.

³⁾ См. «О рел. объедин.» § 40, п. «В».

административно-хозяйственной жизнью религиозного общества, а также участия в выборах его исполнительного органа.

Поддерживая незаконные действия уполномоченных Совета, направленные на дискриминацию миллионов верующих граждан, Архиерейский Собор 1961 г. узаконил «двадцатку» в качестве распорядительного органа прихода⁴), поставив, таким образом, свое решение в прямое противоречие с гражданским законодательством, которое никоим образом не ограничивает членов-учредителей религиозного общества двадцатью человеками и никак не препятствует его дальнейшему количественному росту⁵).

Таким образом, Архиерейский Собор 1961 г., в угоду проводимой Хрущевым антирелигиозной кампании, нарушил не только каноническое право, о чем мы писали в «Открытом письме...», но и гражданское законодательство.

Позволительно спросить — как можно сочетать перечисленные факты с требованием Собора 1961 г. обязательного, строгого соблюдения гражданского законодательства о Церкви???)⁶

3. На основании постановления ВЦИК и СНК «О религиозных объединениях», всякая приходская община «для непосредственного выполнения функций, связанных с управлением и использованием культовым имуществом..., а также в целях внешнего представительства, избирает из состава своих членов исполнительный орган — церковный совет⁷).

В 1929 г., когда было принято постановление «О религиозных объединениях», духовенство находилось на положении «лишенцев», но даже и тогда священник мог быть председателем церковного совета и председателем собрания верующих, если последние его выберут в председатели⁸).

В дальнейшем духовенство Русской Православной Церкви получило равные гражданские права со всеми прочими гражданами Советского Союза, что было закреплено 135 статьей Конституции СССР.

Изменившееся гражданское положение духовенства нашло свое отражение в «Положении об управлении Русской Православной Церкви», принятом Всероссийским Поместным Собором 1945 г.

4) ЖМП № 8, стр. 15, пункт «В».

5) «О рел. объедин.» §§ 3 и 31.

6) ЖМП, № 8, стр. 17, п. «М».

7) «О рел. объедин.» § 13.

8) Разъяснение за № 17736 Наркомюста от 7/VII 1924 г. См. проф. Гидулянов. Отделение Церкви от Государства. 2 изд. М. 1924 г. стр. 126.

Согласно этому Положению «во главе каждой приходской общины верующих стоит настоятель храма, назначенный Епархиальным Архиереем для духовного руководства верующих и управления причтом и приходом» (§ 3). Настоятель храма является по своей должности неперменным членом приходской общины и председателем исполнительного ее органа (церковного совета), который состоит из четырех членов: помимо настоятеля по должности, — из церковного старосты, его помощника и казначея (все трое избираются общим церковным собранием...) (§ 40).

Изложенные параграфы «Положения об управлении Русской Православной Церкви» никоим образом не противоречат постановлению «О религиозных объединениях», ибо это *постановление никак не оговаривает взаимоотношения духовенства и исполнительных органов* и не устанавливает внутреннюю структуру церковных советов, законно оставляя это на усмотрение Церкви. В то же время «Положение» 1945 года вносит необходимую ясность во взаимоотношения настоятеля храма и исполнительного органа, основываясь на церковных канонах и учитывая восстановленное гражданское полноправие духовенства.

Таким образом, против IV раздела «Положения» 1945 года нельзя сделать возражений не только церковно-канонических, но и гражданско-юридических.

Из этого несомненно следует, что желание привести жизнь приходов в соответствие с гражданским законодательством о Религии и Церкви отнюдь не требовало антиканонического изменения IV раздела «Положения об управлении Русской Православной Церкви» как это сделал Архиерейский Собор 1961 г.

Лишив настоятеля храма председательства в исполнительном органе и вообще лишив священнослужителей какого-либо участия в деятельности церковного совета, Архиерейский Собор 1961 г. фактически впервые поставил священнослужителей по отношению к религиозному обществу в *положение гражданских «лишенцев»!* Кроме того, лишив священника права внешнего представительства интересов прихода, что автоматически вытекает из лишения его права членства в исполнительном органе, Архиерейский Собор 1961 года лишил Русскую Православную Церковь активной и квалифицированной защиты перед лицом гражданского закона.

Таким образом, Архиерейский Собор 1961 г., нанеся тяжкий удар Русской Церкви, не только не привел жизнь приходов в соответствие с гражданским законодательством о культурах, но сам грубо нарушил законы Государства!

В прямой связи со всем вышеизложенным находится исключительно важное событие церковной жизни, которое должно стать известным всей Церкви.

Летом 1965 года восемь Епископов Русской Православной Церкви во главе с Архиепископом Калужским Ермогеном подали Святейшему Патриарху Алексию заявление, в котором содержится справедливая и обоснованная критика Архиерейского Собора 1961 г., утвердившего антиканоническое постановление Священного Синода.

В своем заявлении Епископы напоминают, что Архиерейский Собор утвердил постановление Синода «впредь до созыва очередного Поместного Собора Русской Православной Церкви», и выражают недоумение и законное неудовольствие тем, что Собор этот до сих пор не созван и что вообще «в современной практике русской церковной жизни *очередных* Поместных Соборов пока не существует».

Далее Епископы свидетельствуют о том, что «утвержденные на Архиерейском Соборе меры по улучшению строя приходской жизни, как показала трехлетняя практика применения их, привели не к улучшению, а к еще большему расстройству церковно-приходской жизни».

Епископы усматривают причину канонически неправильных решений Архиерейского Собора в «необычном для церковного сознания порядке созыва Архиерейского Собора и в необычной поспешности в его проведении, в результате чего «большинство из присутствовавших на Соборе Архиереев подписали решение о разграничении прав и обязанностей членов клира и приходских советов, не вдумываясь в то, что решение это в корне противоречит тому Апостольскому примеру в разделении этих обязанностей (Деян. 6, 3-6), на котором оно обосновывалось на Соборе».

Критикуя деяния Собора, Епископы справедливо утверждают: «Если священник в то время, когда он был еще «лишенцем», имел право по избранию верующих быть председателем церковного совета, то не может быть и речи, чтобы он не имел этого права, когда стал полноправным гражданином Советского Союза».

Затем, обращаясь к Святейшему Патриарху, Епископы просят: «в срочном порядке изыскать пути к исправлению ненормального положения, противоречащего как церковным канонам, так и гражданскому законодательству, в котором оказалось наше духовенство в результате неудачных и неясных решений Архиерейского Собора 1961 года».

Далее в заявлении указывается, «что ни один епископ, если он действительно является Епископом, не будет протестовать против восстановления духовенства в его законных правах».

В соблюдение церковных канонов, мы не сомневаемся в том, что, приступая к сбору Архиерейских подписей под указанным заявлением, Архиепископ Ермоген, в соответствии с 34 правилом Св. Апостолов, поставил об этом в известность Святейшего Патриарха и получил Его одобрение.

Однако после того, как заявление, подписанное восемью Архидиаконами, было передано Святейшему Патриарху, Архиепископа Ермогена вызвали в Священный Синод и предъявили ему резолюцию Патриарха на Архиерейское заявление, в которой содержалось указание Синоду разъяснить Архиепископу Ермогену незаконность (!) его действий. Более того, на заседании Синода от Архиепископа Ермогена настоятельно добивались, чтобы он отказался от поданного заявления и снял свою подпись.

Однако, к чести Преосвященного Владыки надо сказать, что он этого не сделал, но всю ответственность за Архиерейское заявление взял на себя.

Хорошо зная взаимоотношения Священного Синода Московской Патриархии и Совета по делам РПЦ, можно с решительностью утверждать, что действия высшей церковной власти, направленные на пресечение церковно-полезной деятельности Архиепископа Ермогена, были продиктованы руководством Совета. Дальнейший ход событий не оставляет в этом никакого сомнения.

В ноябре 1965 г. Святейший Патриарх, через управляющего делами Московской Патриархии Архиепископа Таллинского Алексия, изъявил Архиепископу Ермогену пожелание, чтобы Преосвященный Владыка подал прошение о предоставлении ему длительного отпуска *без указания срока*, при этом Архиепископу Ермогену дано было понять, что «пожелание» Патриарха вызвано настоятельным требованием руководства Совета, которое использовало для этой цели несостоятельные жалобы председателя Калужского Облисполкома.

Не желая прекращать архипастырского служения, Преосвященный Владыка отказался подать прошение о бессрочном отпуске, но считая для себя невозможным дальнейшее пребывание на посту Управляющего Калужской Епархией, 24 ноября 1965 года подал прошение, в котором просил *переместить его на другую епархию по усмотрению Святейшего Патриарха и Св. Синода*.

В ответ на это недвусмысленное прошение последовало немедленное решение Синода об увольнении Архиепископа Ермогена за штат, с назначением ему пребывания в монастыре в Жировицах. Так воочию, на глазах всей Церкви за церковно-полезную деятельность, в угоду незаконным притязаниям чиновников-атеистов, высшее церковное управление безнаказанно расправляется с лучшими Епископами Русской Церкви.

Доколе?

13 декабря 1965 г.

СОКРАЩЕНИЯ

Втор.	Второзаконие
Галат.	Послание к Галатам
Деян.	Деяния Св. Апостолов
Зах.	Книга пророка Захария
Иез.	Книга пророка Иезекииля
Иер.	Книга пророка Иеремии
1 Иоан.	Первое Послание Иоанна
Иоан.	Евангелие от Иоанна
Исаия	Книга пророка Исаии
1 Кор.	Первое Послание к Коринфянам
2 Кор.	Второе Послание к Коринфянам
Лк.	Евангелие от Луки
Мр.	Евангелие от Марка
Мф.	Евангелие от Матфея
Откр.	Откровение Иоанна
1 Петра	Первое Послание Петра
2 Петра	Второе Послание Петра
Пс.	Псалтирь
Песнь Песней	Книга Песни Песней Соломона
Рим.	Послание к Римлянам
1 Тим.	Первое Послание к Тимофею
2 Тим.	Второе Послание к Тимофею

**Заявление председателю
Президиума ВС СССР
Н. В. Подгорному от граждан СССР
Эшлимана Н. И. и Якунина Г. П.**

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА
СОЮЗА ССР

Тов. ПОДГОРНОМУ Н. В.
От граждан СССР
ЭШЛИМАНА Н. И. (священника),
проживающего Москва К-25,
ул. Пушкинская, д. 4/2 кв. 10
ЯКУНИНА Г. П. (священника),
проживающего Москва К-62,
ул. Жуковского, д. 7 кв. 13

ЗАЯВЛЕНИЕ

Идентичные заявления направлены нами Председателю Совета Министров СССР тов. КОСЫГИНУ А. П. и Генеральному Прокурору СССР тов. Руденко Р. А.

Уважаемый т. Председатель Президиума Верховного Совета Союза ССР!

Мы, как граждане Советского Союза, обращаемся к Вам с протестом против незаконных действий руководителей и уполномоченных Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР, грубо нарушающих принцип Социалистической законности и основные законодательные установления Советской власти, определяющие отношение Советского государства к Церкви.

Известно, что 23 января 1918 г. был издан Декрет Советского Правительства «об отделении Церкви от Государства и школы от

Церкви», признающий факт самостоятельного существования Православной Церкви в нашей стране. Известно так же и то, что 124 Статья Конституции СССР признает за всеми гражданами Советского Союза свободу отправления религиозных культов.

Кроме этих основных законодательных документов, определяющих отношение Советского государства к Церкви, по сей день действует в нашей стране постановление ВЦИК и СНК от 8. 4. 1929 г. «О религиозных объединениях». Это постановление является документом, конкретно «регулирующим по настоящее время взаимоотношения Советского государства и религиозных организаций».¹⁾

Для контроля за соблюдением законов, определяющих отношение Государства к Церкви, и для посредничества между Церковью и Государством в гражданской сфере — при Советском Правительстве учрежден орган — Совет по делам Русской Православной Церкви.

Однако, за период 1957-1964 гг. под личным давлением Хрущева, допустившего «субъективизм и администрирование в руководстве», впоследствии осужденные Коммунистической Партией СССР, Советским Правительством и всей советской общественностью, Совет по делам Русской Православной Церкви коренным образом изменил свою природу, превратившись из официального органа-посредника в орган неофициального и незаконного управления Московской Патриархией.

При этом вторжение руководителей и уполномоченных Совета по делам РПЦ во внутреннюю жизнь Церкви приобрело такие формы, которые должны быть квалифицированы как грубое нарушение и самих принципов Социалистической Законности и Советского законодательства о религии и Церкви.

Нарушением принципов Законности является *самый метод* неофициальных устных распоряжений, который руководители и уполномоченные Совета по делам РПЦ избрали средством систематического вмешательства во внутреннюю жизнь Православной Церкви.

Нарушением Советского законодательства о религии и Церкви являются те *действия* руководителей и уполномоченных Совета по делам РПЦ, которые этим методом осуществляются.

---

¹⁾ «Коммунистическая партия и Советское правительство о религии и церкви», Госполитиздат, 1959 г., стр. 116.

1. НЕЗАКОННАЯ РЕГИСТРАЦИЯ ДУХОВЕНСТВА КАК СРЕДСТВО ВМЕШАТЕЛЬСТВА В ЕГО ПОСТАВЛЕНИЕ

Согласно Советскому законодательству всякое «религиозное общество может приступить к своей деятельности только после регистрации» местными органами власти.

Зарегистрированное религиозное общество обязано *информировать* регистрирующие организации о своем составе, о составе своих исполнительных и ревизионных органов и служителей культа, причем регистрирующим организациям дано право отвода из состава *исполнительного органа* религиозного общества отдельных лиц («О религиозных объединениях» §§ 2, 4, 8, 14).

Таким образом, предоставляя право отвода отдельных лиц из состава исполнительных органов религиозных обществ, советское законодательство ни в коем случае не дает гражданской власти права на отвод при поставлении или перемещении *священнослужителей*.

Из этого несомненно следует, что предусмотренная законом регистрация священнослужителей отнюдь не является санкционирующим актом, но только *фиксирующим*.

Однако, вопреки законодательству, уполномоченные Совета по делам РПЦ присвоили себе «право» отвода священнослужителей, тем самым превратив регистрацию священнослужителей из акта фиксирующего в акт санкционирующий.

Пользуясь этой подтасовкой, руководители и уполномоченные Совета по делам РПЦ установили в Русской Церкви такую практику, при которой ни одна хиротония (посвящение в сан), поставление на служение, а также перемещение духовенства не может обойтись без предварительного устного *согласия руководителей или уполномоченных* Совета на последующую официальную регистрацию.

Более того, уполномоченные Совета по делам РПЦ широко применяли незаконную практику лишения регистрации священнослужителей, используя угрозу лишения регистрации, как средство административного давления на духовенство Русской Православной Церкви.

Таким образом, вмешательство должностных лиц Совета по делам РПЦ в поставление и перемещение духовенства, осуществляющееся путем грубого искажения принципа регистрации, является вопиющим нарушением Декрета об отделении Церкви от

Государства, 124 статьи Конституции СССР и постановления «О религиозных объединениях».

Кроме того, вмешательство руководителей и уполномоченных Совета в поставление и перемещение духовенства является грубейшим нарушением принципа социалистической законности, ибо это вмешательство осуществляется путем неофициальных устных распоряжений.

2. БЕЗЗАКОННАЯ КАМПАНИЯ МАССОВОГО ЗАКРЫТИЯ ХРАМОВ И МОНАСТЫРЕЙ И НЕЗАКОННАЯ ЛИКВИДАЦИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЩЕСТВ

Согласно действующему Советскому Законодательству, каждое официально зарегистрированное религиозное общество имеет право на получение в бесплатное пользование от государства, на договорных началах, церковного здания, *либо аренды частного или государственного помещения* для удовлетворения религиозных потребностей²⁾.

При этом права религиозной общины на пользование церковным зданием, либо арендуемым помещением, ограждены законом: передача церковного здания, находящегося в бесплатном пользовании религиозной общины, для других надобностей (ликвидация молитвенного здания) допускается исключительно по *мотивированному* постановлению местных органов власти, на уровне не ниже облисполкома. Если члены религиозной общины в двухнедельный срок со дня объявления им постановления о ликвидации молитвенного здания обжалуют это постановление в Президиум Верховного Совета СССР, то все дело о ликвидации молитвенного здания пересылается в Президиум Верховного Совета СССР. Договор с верующими теряет силу и здание культа изымается из их пользования только после утверждения соответствующего постановления Президиумом Верховного Совета СССР⁴⁾.

В отличие от процедуры ликвидации молитвенного здания, переданного в бесплатное пользование, арендуемые помещения до

²⁾ «О религиозных объединениях» § 10.

³⁾ Авторы вынуждены сами вносить изменения наименований высших органов власти.

⁴⁾ «О религиозных объединениях» §§ 36-37.

истечения срока договора могут быть изъяты из пользования религиозной общины только в служебном порядке.⁵⁾

При этом ликвидация молитвенного здания *ни в коем случае не означает роспуска религиозной общины*, ибо согласно Законодательству, после ликвидации молитвенного здания, религиозная община имеет право на сохранение предметов культа («иконы, облачения, хоругви, покровы и т. д.») и переходящего имущества («деньги, а также ладан, свечи, масло, вино, воск, дрова и уголь»)⁶⁾.

Кроме того, Законодательство предусматривает возможность постройки *общиной нового молитвенного здания*⁷⁾ и никоим образом не лишает религиозную общину права получить в бесплатное пользование или арендовать, взамен ликвидированного, другое молитвенное здание, права, предусмотренного § 10 постановления «О религиозных объединениях».

Таковы положения Советского законодательства в отношении прав религиозной общины на пользование молитвенным зданием.

Однако, вопреки законодательству, права эти грубо нарушены.

Известно, что в период 1961-1964 гг. в нашей стране, по личной инициативе Н. Хрущева проводилась шумная кампания массового закрытия Православных храмов.

За время этой кампании было закрыто не менее десяти тысяч церквей и десятки монастырей, среди которых особо следует отметить древнейшую святыню русского народа — Киево-Печерскую лавру.

Массовое закрытие храмов практически осуществлялось местными органами власти административным путем, без соблюдения предусмотренной законом процедуры и, в подавляющем большинстве случаев, без каких бы то ни было «государственных или общественных надобностей», что согласно закону, является *е д и н с т в е н н ы м* мотивом, допускающим закрытие молитвенного здания.⁸⁾

При этом руководители и уполномоченные Совета по делам РПЦ, призванные следить за неукоснительным соблюдением Советского законодательства «О религии и Церкви», не только не исполнили своих обязанностей по контролю за соблюдением За-

⁵⁾ «О религиозных объединениях» § 38.

⁶⁾ «О рел. объединениях» § 40 п. «В» и «Д».

⁷⁾ «О религиозных объединениях» § 45.

⁸⁾ «О религиозных объединениях» § 35.

кона, но и сами активно участвовали в незаконных действиях, нарушающих декрет «Об отделении Церкви от государства...», 124 статью Конституции СССР и Постановление «О религиозных объединениях».

Так, уполномоченные Совета, путем «административного давления» добивались согласия правящих епископов на упразднение тех приходов, в которых закрывались храмы, и перевода служившего в них духовенства в другие приходы, либо увольнения его за штат.

Таким образом, руководители и уполномоченные Совета по делам РПЦ, пользуясь тем, что по церковным канонам православная община не может существовать без возглавляющего ее православного священника, *фактически превращали закрытие храма в ликвидацию церковной общины.*

Так должностные лица Совета по делам РПЦ непосредственно и активно участвовали в этой антидемократической кампании, лишая миллионы верующих граждан Союза ССР принадлежащих им законных прав.

На основании всего вышеизложенного следует подчеркнуть, что кампания массового закрытия Православных храмов явилась ярко выраженным беззаконием, основанным на необъективном, *волюнтаристическом* толковании Советского законодательства и попирающим предусмотренную Конституцией СССР свободу отправления религиозных культов.

Кроме того, мы считаем своим гражданским долгом обратить Ваше внимание на тот несомненный факт, что активно раздуваемая кампания массового закрытия храмов создала ту атмосферу антирелигиозного фанатизма, которая привела к варварскому уничтожению целого ряда выдающихся и неповторимых произведений искусства.

3. БЕЗЗАКОННАЯ РЕГИСТРАЦИЯ КРЕЩЕНИЙ И ДРУГИХ ЦЕРКОВНЫХ ТРЕБ, КАК ФАКТИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНИЕ ЗАПРЕЩЕННОЙ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТЬЮ РЕГИСТРАЦИИ РЕЛИГИОЗНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ГРАЖДАН СССР

124-я статья Конституции СССР гарантирует гражданам Союза ССР свободу совести и признает за всеми гражданами свободу отправления религиозных культов.

Из этого следует, что каждый гражданин Советского Союза

имеет право исповедывать любые религиозные убеждения и свободно участвовать в отправлении религиозного культа.

Однако руководители и уполномоченные Совета по делам РПЦ, призванные строго следить за неукоснительным соблюдением государственных законов о религии и Церкви, сами грубо нарушают гарантированную Конституцией свободу совести.

За последние годы должностные лица Совета по делам РПЦ навязали Русской Церкви такой «порядок», при котором таинства крещения и венчания совершаются только после предварительной и неизбежной регистрации.

Каждый гражданин СССР, желающий принять Св. Крещение, вступить в церковный брак или крестить своих детей, обязан предварительно предъявить свой паспорт и (соответственно таинству) свидетельство о браке или свидетельство о рождении представителю церковного совета, который регистрирует предъявленные документы по определенной (уполномоченным Советом) форме (записываются № документа, фамилия, имя и отчество, домашний адрес), и все эти данные скрепляются личной подписью владельца документа. Регистрации также подвергаются и другие церковные требы: Соборование, Причастие больных на дому, отпевания умерших.

Затем регистрационные записи церковных треб систематически просматриваются и переписываются представителем местных органов власти.

В дальнейшем, полученные таким образом данные используются, под видом антирелигиозной пропаганды, для дискриминации граждан, пытавшихся осуществить свое право на предусмотренную Конституцией СССР свободу совести. До недавнего времени таких граждан «прорабатывали» по месту работы или учебы, подвергали «административному давлению», на них помещались оскорбительные карикатуры, их имена с нелестными комментариями склонялись в прессе и т. д.

В настоящее время антирелигиозники все так же продолжают использовать регистрацию церковных треб для административного вторжения в личную религиозную жизнь граждан.⁹⁾

Таким образом, практика регистрации церковных треб, установленная руководителями и уполномоченными Советом по делам РПЦ, является орудием дискриминации, направленным на попрание священного принципа свободы совести, признанного и гарантированного 124-й статьей Конституции СССР.

---

⁹⁾ «Советская Россия» от 12 августа 1965 г. «Вокруг купели».

Кроме того, незаконная практика регистрации церковных треб является нарушением Декрета об отделении Церкви от Государства, ибо в целях обеспечения свободы совести Декрет специально оговаривает устранение «из всех официальных актов всякое указание на религиозную принадлежность», а «порядок» регистрации церковных треб, в обход Декрета, *фактически вводит незаконное фиксирование религиозной принадлежности граждан СССР.*

Вся эта незаконная практика фиксирования религиозной принадлежности граждан, направленная на их дискриминацию, установлена должностными лицами Совета по делам РПЦ, путем неофициального устного диктата исполнительным органам религиозных обществ, причем уполномоченные Совета принуждают церковные советы к прямому правонарушению, так как, согласно Советскому Законодательству, представитель церковного совета — частное лицо и не имеет права проверки и тем более регистрации документов.

Отчетливо сознавая противозаконность своих действий и неприятные последствия возможных законных протестов, уполномоченные Совета категорически отказываются письменно подтвердить свои распоряжения о порядке и форме регистрации церковных треб. В то же время уполномоченные Совета требуют неукоснительного исполнения этих распоряжений, выводя из состава исполнительных органов церковных советов тех лиц, которые, не желая нарушать гласное Советское законодательство, отказываются подчиниться устной инструкции.

Таким образом, в данном случае представители Совета по делам РПЦ не только сами попирают принцип социалистической законности и Советское законодательство о религии и Церкви, но и принуждают к этому советских граждан, незаконно используя в этих целях свое официальное положение.

4. БЕЗЗАКОННОЕ ОГРАНИЧЕНИЕ СВОБОДЫ ОТПРАВЛЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОГО КУЛЬТА

124-я статья Конституции СССР признает за всеми гражданами свободу отправления религиозных культов.

Согласно ныне действующему постановлению «О религиозных объединениях», разрешается совершение церковных Богослужений как в храме, так и вне храма. Совершение Богослужения вне храма разрешается при следующих условиях: для совершения Бо-

гослужений под открытым небом, если они не являются неотъемлемой частью храмового Богослужения, требуется специальное разрешение местных органов власти, для совершения Богослужения, связанного с похоронами, никакого специального разрешения не требуется».¹⁰⁾

В отношении Богослужений, совершаемых на дому у верующих, Советское законодательство, естественно, не устанавливает никаких ограничений. В соответствии с Законодательством, священнослужители Русской Церкви до последних лет имели возможность беспрепятственно совершать панихиды на кладбищах и любые церковные требы на дому у верующих.

В 1961 году руководители и уполномоченные Совета по делам РПЦ, в нарушение действующего Законодательства, ограничили свободу отправления религиозных культов. Так, например, в Московской Епархии, при специально организованной перерегистрации духовенства в 1961-1962 гг., всем священникам было предложено негласное распоряжение, предписывающее такие требы на дому, как молебны, освящение домов, парастасы, отпевания, панихиды, а также и панихиды на кладбищах совершать в каждом конкретном случае только по письменному разрешению местных властей (которое практически почти никогда не дается), причем уполномоченный Совета по Москве и Московской области Трушин выдавал священникам регистрационные справки только после того, как они расписывались в том, что будут выполнять это распоряжение.

Таким образом, должностные лица Совета по делам РПЦ и в данном случае грубо нарушили 124 статью Конституции СССР и постановление ВЦИК и СНК «О религиозных объединениях», незаконно препятствуя свободе отправления религиозного культа.

5. НАРУШЕНИЕ ПРИНЦИПА СВОБОДЫ СОВЕСТИ ПО ОТНОШЕНИЮ К ДЕТЯМ

Несомненно, что провозглашенный Конституцией СССР принцип свободы совести распространяется и на детей. Нет ни одного пункта Советского законодательства, который не только запрещал бы, но хотя бы как-то ограничивал участие детей в церковной жизни. Более того, декрет «Об отделении Церкви от государства»,

¹⁰⁾ «О религиозных объединениях» § 58-61.

отделяя школу от Церкви, в то же время предоставляет всем гражданам «обучаться и обучать религии частным образом».¹¹⁾

Однако за последние годы должностные лица Совета по делам РПЦ, нарушая принцип отделения Церкви от Государства, путем вмешательства во внутреннюю жизнь Церкви, установили практику принудительного удаления детей от Церковной жизни. Так, за последние годы уполномоченные Совета, при помощи устных распоряжений Епископам, настоятелям храмов и церковным старостам, запретили какое-либо участие детей и подростков в отправлении религиозного культа. Кроме того, в некоторых епархиях нарушение принципа свободы совести по отношению к детям доходило до того, что уполномоченные Совета пытались воспрепятствовать Причащению детей, тем самым грубейшим образом попирая религиозные чувства верующих граждан.

Наконец, несомненно не без ведома должностных лиц Совета, за последние годы в нашей стране проводилась массовая кампания насильственного недопущения христианской молодежи в храмы во время великих церковных праздников.

6. НАРУШЕНИЕ ПРИНЦИПА ОТДЕЛЕНИЯ ЦЕРКВИ ОТ ГОСУДАРСТВА ПУТЕМ АДМИНИСТРАТИВНОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА В ФИНАНСОВУЮ ЖИЗНЬ ЦЕРКОВНОЙ ОБЩИНЫ

Согласно государственному законодательству, молитвенные здания (храмы) и культовое имущество являются национализированными и передаются церковным общинам на договорных началах; в отличие от культового имущества финансы общины не являются национализированными и никоим образом не должны учитываться государственными органами.¹²⁾

Однако, в нарушение Советского законодательства, в 1961-1962 гг. уполномоченные Совета по делам РПЦ обязали исполнительные органы церковных общин систематически представлять финансовую отчетность местным органам власти (Райисполкомам) и беспрепятственно допускать представителей местных органов власти к ревизии финансовой жизни общины.

Практически все это привело к тому, что представители местных органов власти поставили себя в положение хозяев церковных общин, грубо вмешиваясь во все стороны административно-

¹¹⁾ Декрет об отделении Церкви от Государства, пункт 9.

¹²⁾ Декрет «Об отделении Церкви от Государства» и постановление «О религиозных объединениях» §§ 55-56.

хозяйственной жизни Церкви, что является возмутительным нарушением декрета «Об отделении Церкви от Государства» и 124 статьи Конституции СССР и вызывает законное неудовольствие верующих.

7. НЕЗАКОННОЕ ОГРАНИЧЕНИЕ КОЛИЧЕСТВА ЧЛЕНОВ РЕЛИГИОЗНОГО ОБЩЕСТВА «ДВАДЦАТКОЙ» И ФАКТИЧЕСКОЕ ЛИШЕНИЕ ОСНОВНОЙ МАССЫ ВЕРУЮЩИХ ГРАЖДАН ПРИНАДЛЕЖАЩИХ ИМ ЗАКОННЫХ ПРАВ УЧАСТИЯ В УПРАВЛЕНИИ АДМИНИСТРАТИВНО - ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЖИЗНЬЮ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Согласно Советскому Законодательству, религиозным обществом признается такая община верующих, которая насчитывает в своем составе *не менее* двадцати человек совершеннолетних граждан Союза ССР. *Количественный рост религиозного общества законом не ограничен.* Все местные жители соответствующего вероисповедания *имеют право* стать членами религиозного общества в любое время после его возникновения и подписать договор о получении в пользование здания и имущества культа, «приобретая, таким образом, право участия в управлении этим имуществом наравне с лицами, первоначально подписавшими договор». ¹³⁾

Таковы установления закона. Однако, руководство Совета по делам РПЦ с этими установлениями не считается. Уполномоченные Совета путем административного давления на исполнительные органы общин систематически ограничивают объем религиозных обществ двадцатью-тридцатью членами, а в некоторых случаях препятствуют доведению количества членов религиозного общества даже до предусмотренной законом минимальной нормы.

Таким образом, уполномоченные Совета превратили неограниченное по закону религиозное общество в замкнутую «двадцатку», лишив тем самым массы верующих граждан законного права на участие в управлении административно-хозяйственной жизнью приходов Православной Церкви. Это привело к фактическому изменению установленной законом структуры религиозного общества.

Следует подчеркнуть, что здесь мы снова встречаемся с недостойной подменой прямого смысла законодательства: согласно постановлению «О религиозных объединениях», религиозное обще-

¹³⁾ «О религиозных объединениях» §§ 3 и 31.

ство состоит из полноправных членов, подписавших договор о получении в пользование здания и имущества культа и избранного ими на общем собрании исполнительного органа. В отличие от этого порядка, уполномоченные Совета навязали приходам Русской Церкви такую структуру, при которой фактически учрежден непредусмотренный законом орган — «двадцатка», *подменяющий* и *й* религиозное общество и лишаящий сотни, а иногда и тысячи прихожан принадлежащих им по закону прав участия в управлении административно-хозяйственной жизнью религиозного общества, а также участия в выборах его исполнительного органа.

Таким образом, незаконными усилиями уполномоченных Совета по делам РПЦ, подавляющее большинство верующих граждан поставлено по отношению к религиозным обществам в положение «лишенцев».

Естественно возникает вопрос: для чего Совету по делам РПЦ понадобилось фактическое лишение миллионов верующих граждан Православного вероисповедания принадлежащих им законных прав участия в управлении административно-хозяйственной жизнью Русской Церкви?

8. БЕЗЗАКОННОЕ ОГРАНИЧЕНИЕ ШТАТОВ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕЙ, ПРЕПЯТСТВУЮЩЕЕ СОВЕРШЕНИЮ РЕЛИГИОЗНОГО ОБРЯДА

Следуя принципу отделения Церкви от Государства, Советское законодательство никоим образом не регламентирует штаты священнослужителей, признавая за Церковью право самой решать этот важный вопрос внутрицерковной жизни.

Однако и в данном случае уполномоченные Совета по делам РПЦ грубо нарушают Советское законодательство: пользуясь незаконно присвоенным себе «правом» отвода духовенства — превратив регистрацию духовенства из акта фиксирующего в акт санкционирующий¹⁴⁾ — уполномоченные Совета систематически сокращают штаты духовенства Русской Православной Церкви.

Это приводит к тому, что священнослужитель Русской Православной Церкви оказывается физически не в состоянии должным образом удовлетворить религиозные потребности многомиллионной массы верующих граждан. При этом уместно отметить, что в то время, когда приходы Русской Православной Церкви остро нуж-

¹⁴⁾ См. 1 раздел.

даются в священнослужителях, многие сотни священнослужителей, по вине уполномоченных Совета, находятся за штатом. Таким образом, и в данном случае должностные лица из Совета по делам РПЦ, во-первых, нарушают законы об отделении Церкви от Государства и, во-вторых, незаконно препятствуют совершению религиозных обрядов.

Итак, подводя итоги всему вышеизложенному, следует сказать: должностные лица Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР, грубо нарушая Советское законодательство о религии и Церкви —

1. Присвоили себе «право» отвода священнослужителей, превратив регистрацию духовенства из акта фиксирующего в акт санкционирующий.

2. Потворствовали вызванной Хрущевым и проводимой путем незаконного администрирования антидемократической кампании массового закрытия Православных храмов и монастырей и, более того, вопреки законодательству, *фактически превращали закрытие молитвенных зданий в ликвидацию религиозных обществ.*

3. Навязали исполнительным органам религиозных обществ незаконную систему регистрации крещений и других церковных треб, в нарушение § 3 декрета «Об отделении Церкви от Государства», *фактически вводя фиксирование религиозной принадлежности граждан СССР.*

4. Незаконно воспрепятствовали свободе отправления религиозного культа, запретив священнослужителям совершать требы на дому (кроме Причастия и Соборования больных) и панихиды на кладбищах без письменного разрешения местных властей в каждом конкретном случае.

5. Нарушили принцип свободы совести по отношению к детям.

6. Незаконно вторглись в административно-финансовую жизнь религиозных обществ.

7. Незаконно ограничили количество членов религиозного общества «двадцаткой», *фактически лишив миллионы верующих граждан православного вероисповедания принадлежащих им законных прав участия в управлении административно-хозяйственной жизнью Русской Церкви.*

8. Незаконно присвоили себе «право» ограничивать штат священнослужителей религиозных обществ, административно вторгаясь во внутреннюю жизнь Церкви.

Все эти действия являются нарушением «Декрета об отделе-

нии Церкви от Государства», 124 статьи Конституции СССР и постановления ВЦИК и СНК «О религиозных объединениях» и в большинстве случаев незаконно препятствуют совершению религиозных обрядов.

Таким образом, руководители и уполномоченные Совета по делам Русской Православной Церкви, коренным образом исказив законное назначение Совета, превратили его в явно дискриминационную организацию, вся деятельность которой направлена на систематическое нарушение законов об отделении Церкви от Государства и школы от Церкви и систематическое воспрепятствование совершению религиозных обрядов, что является уголовно наказуемым деянием, предусмотренным статьями 142 и 143 уголовного кодекса РСФСР.

Не удивительно, что для осуществления своей незаконной деятельности уполномоченные Совета избрали противоречащий принципам социалистической законности метод неофициальных устных распоряжений и противоречащих закону негласных инструкций, пытаясь таким образом скрыть свои незаконные действия и уйти от ответственности. Стремление укрыться от глаз общественности, свойственное всякому беззаконию, дошло у руководителей Совета по делам РПЦ до того, что здание, в котором размещилось управление Совета, не имеет вывески — деталь мелкая, но весьма характерная!

В этой же связи примечателен следующий факт: в 1959 и 1965 гг. вышли в свет два сборника партийных и государственных документов о религии и Церкви, и ни в одном из них нет даже упоминания о таком компетентном в данном вопросе органе, как Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР.

Убедительным свидетельством того, что Совет по делам РПЦ препятствует осуществлению Советского законодательства о религии и Церкви служит и тот факт, что, стараниями руководителей Совета, в духовных учебных заведениях Московской Патриархии не введено преподавание этого Законодательства и, в частности, такого важного для будущих священнослужителей закона, как постановление ВЦИК и СНК «О религиозных объединениях», дающего подробное юридическое развитие декрета от 23 января 1918 г.,».¹⁵⁾

¹⁵⁾ «Комм. партия и Советское правительство о религии и Церкви», Госполитиздат, 1959 г., стр. 116.

Беззаконная практика руководителей и уполномоченных Совета по делам РПЦ, которые, в нарушение Законов об отделении Церкви от государства, поставили себя в положение неограниченных диктаторов Русской Церкви, систематически попирая принцип свободы совести и препятствуя свободе отправления религиозного культа, — вызывает законное негодование верующих граждан Союза ССР и дискредитирует в глазах широкой общественности правовые устои Советского общества, нанося этим существенный вред нашему Отечеству.

Принцип дальнейшего упрочения социалистической законности требует, чтобы возмутительная практика руководителей и уполномоченных Совета по делам РПЦ, являющаяся неизжитым наследием осужденного Советским обществом произвола, была решительно вскрыта, тщательно и всесторонне расследована и законно осуждена, а вся деятельность Совета приведена в строгое соответствие с Государственным Законодательством о религии и Церкви! При этом Русской Православной Церкви, которая в течение ряда лет подвергалась систематической дискриминации со стороны руководителей и уполномоченных Совета по делам РПЦ, необходимо возратить гарантированную Конституцией свободу религиозной жизни! Кроме того, Русской Православной Церкви по справедливости должны быть возвращены все храмы, монастыри и духовные школы, незаконно закрытые в период 1961-1964 гг.

Наконец, ввиду того, что отношения Церкви и Государства, в принципе, не содержат в себе ничего секретного, всю деятельность Совета по делам РПЦ необходимо поставить в условия строгой гласности и подвергнуть систематическому общественному контролю, с правом представительства при этом контроле членов Русской Православной Церкви.

На основании всего вышеизложенного, мы убедительно просим Вас принять действенные меры для скорейшего искоренения беззакония и восстановления законных прав миллионов верующих граждан Советского Союза.

15 декабря 1965 г.

Н. И. Эшлиман
Г. П. Якунин

Замыслы и труды

Руководствуясь требованиями связи в нашем положении, мы вернемся к выставочной деятельности начала века, чтобы затем обрисовав обстоятельства создания журнала «Мира Искусства» и печатавшихся в нем материалов, перейти к выяснению эстетической идеологии как «Мира Искусства», так и других группировок, родственных ему.

О выставке финляндских и русских художников, как о первом проявлении либерального и космополитического уклона «Мира Искусства», уже упоминалось. Следующая выставка, также под флагом «Мира Искусства», была организована Дягилевым и открылась 22 января 1899 г. Она была очень богата, разнообразна и имела уже вполне международный характер. На этом непривычном смотре искусства русское общество могло ознакомиться не только с творчеством своих новейших художников, но оценить и то, что создавалось в это время за границей. Как объявлял журнал «Мир Искусства», цель выставки заключалась «в привлечении выдающихся художников, вне зависимости от национальности и направлений». В список русских живописцев должны были войти следующие лица: Лев Бакст (1866-1924), Александр Бенуа (1870-1960), Ф. Боткин, Аполлинарий Васнецов (1856-1933), Михаил Врубель (1856-1910), А. И. Головин (1863-1930), Константин Коровин (1861-1939), Сергей Коровин (1858-1908), Евгений Е. Лансере (1875-1945), Исаак Левитан (1861-1900), Сергей Малютин (1859-1937), Михаил Нестеров (1862-1942), Елена Поленова (1850-1927), В. Д.

Поленов (1844-1927), П. П. Переплетчиков (1863-1942), В. Е. Пурвит (1872-1945), Илья Репин (1844-1930), Ф. Рушиц (1870-?), Константин Сомов (1869-1939), С. И. Светославский (1857-1932), Валентин Серов (1865-1911), скульптор кн. Паоло Трубецкой (1863-1938), кн. С. Щербатов и И. Якунчикова (1870-1902).

Искусство Финляндии на выставке представляли художники: Б. Бломстед, Э. Енерфелт (1863-1937), А. Эдельфелт (1854-1905), М. Энкель. Этот список дополнялся именем известного иллюстратора финского эпоса «Калевалы», национального живописца А. Галлен-Каллелы (1865-1931), который выставил десять произведений.

Западно-европейские художники представляли искусство следующих стран: Франции, Бельгии, Германии, Швейцарии, Англии, Италии и Норвегии.

Следующие французские живописцы выставили свои картины: Луи Анкетен (1861-1932), Эдмон Аман Жан (1860-1935), А. Бенар (1849-1934, 5 картин), Ж. Бланш (1862-1942, восемь вещей, среди них портрет ныне всемирно-известного английского иллюстратора Обри Бирдслея), П. А. Ж. Даньян-Бувере (1852-1929), Шарль Дега (1834-1906, восемь произведений), Е. Каррьер (1849-1917, три вещи), Ж. Казен (1841-1910, пять вещей), П. Лагард, Ж. Ла-Туш, Л. Л. Лермит (1844-1925, две вещи), П. Менар, Клод Монэ (1840-1925, две вещи), Г. Моро (1825-1928, известная его картина «Источник»), П. Пювис де Шаванн (1824-1898, три вещи), Огюст Ренуар (1841-1919, 2 вещи), И. Раффаелли (1850-1924, одиннадцать вещей), А. Ривьер, Л. Симон (1852-1931).

Швейцарское искусство было показано в вещах А. Беклина (1827-1901) и Ф. Валлотона (1865-1925). Как Бенуа, так и Игорь Грабарь считали Беклина (как и многие его современники) чуть ли не великим живописцем. Но международный успех этого позднего эпигона немецкого романтизма, черпавшего свои сюжеты в мифологии, был кратковременным. Творческая же его фантазия оказалась чуждой последующим эстетическим исканиям. Упомянутый другой швейцарец, Феликс Валлотон, судьба и творчество которого были тесно связаны с Парижем, оказал в свое время значительное влияние как на русскую гравюру на дереве, так и на международную. На названной выставке находились две его вещи: вообразаемый «портрет» Достоевского и «Казнь».

Немецкое искусство представляли: Г. Бартельс (1865-1913), Г. Германн, Г. Дилль, Ф. Ленбах (1836-1904, два произведения, одно из них — портрет Бисмарка) и М. Либерманн (1847-1935, семь произведений).

Из английских живописцев приняли участие в выставке: А. Блант, Дж. Брангвин (1867- ? , три вещи), Г. Джонстон, Ч. Кондер, И. Сван. Американца по происхождению Дж. Уистлера (1834-1903), которого некоторые историки искусства считают представителем английского импрессионизма, мы тоже относим к английским живописцам.

Нет сомнения, что отдельные участники этой выставки не могли дать полного представления о национальных особенностях и тенденциях своих школ. Их произведения скорее отмечали общие черты эпохи. Это соображение касается также норвежца Ф. Таулоу (1847-1906) и двух бельгийских живописцев Л. Фредерика (1856-?) и А. Берсона.

Итальянский портретист Дж. Болдини (1842-1929), автор технически изысканных изображений современников, выставил пять произведений.

Если мы задумаемся над тем, что прошло больше шестидесяти лет с той поры, когда искусство названных художников было предметом споров, столкновений и недоумения для их же соотечественников, их привлечение к участию на выставке в Петербурге было несомненным культурным предвидением ее организаторов.

Вторая выставка «Мира Искусства» открылась 28 января 1900 года, т. е. через год. Продолжалась она до 26 февраля. На ней были показаны только вещи русских художников, но число их увеличилось. Кроме тех, кто принимал участие в первой выставке, а мы рассматриваем этот прирост в качестве проявления нарастающей идеологической солидарности, появились: Иван Билибин (1876-1942), М. Боткин, И. Е. Браз (1873-1938), скульптор А. Голубкина (1864-1927), Н. Давыдова, Н. В. Досекин (1863-1935), иллюстратор русских писателей-классиков В. Кардовский (1866-1943), М. Мамонтов, А. Обер (скульптор, род. 1843 г., жизнь животных и образы фантастических существ), гравер А. Остроумова (1871-1955) и живописец Я. Ционглинский (1858-1912).

Отсутствие иностранных художников на последующих выставках «Мира Искусства» не было вызвано какими-либо изменениями программы общества или новыми принципиальными соображениями. Этому мешало только отсутствие необходимых материальных средств. Проповедь же космополитизма по-прежнему продолжалась на страницах журнала общества.

Третья выставка состоялась 10 января 1901 года. Из новых живописцев в ней приняли участие В. Бакшеев (1861-1958), Сергей Виноградов (1869-1938), Леонид Пастернак (1862-1945), Аркадий Рылов (1870-1939), А. П. Рябушкин (1861-1904) и Н. Около-

вич. За исключением последнего, имя которого осталось в тени, все остальные художники, отнюдь не принадлежа к «декадентам» (Пастернак преподавал в московской Школе живописи и ваяния), усилили авторитет «Мира Искусства».

Четвертая выставка была открыта 9 марта 1902 года и продолжалась до 21 апреля, причем к участию в ней были привлечены новые художники. Среди них были столь самобытно-индивидуальные живописцы как Павел Кузнецов (1878-?) и Н. Н. Сапунов (1880-1912). Смерть вырвала Сапунова у русского искусства в расцвете его таланта, обещавшего очень много. Как известно, плавая на яхте с друзьями, он утонул в Балтийском море.*).

Уже первые три выставки петербургского объединения, если рассматривать их со стороны личного состава, имели обще-национальный характер. Среди художников были представители как обеих столиц, так и всей страны, принадлежа одновременно к разным ее национальностям и сословиям. Мы отмечаем это чисто внешнее обстоятельство с целью указать, что в разновидности участников выставок еще раз обнаружилась давняя особенность русской интеллигенции — ее внесословное сознание и гуманитарные традиции. Тенденциозные и мало убедительные попытки советской печати представить «Мир Искусства» как единый фронт буржуазии грешат надуманностью и искусственностью. Никакого организованного и осознанного «фронта» в данном случае не имелось, хотя нарождавшийся эстетический индивидуализм, с точки зрения социологического анализа, был обусловлен поступательным развитием и интересами среднего класса.

Центробежные силы наряду с интегрирующей природой, которые были присущи объединению, вскоре уже вывели его художников за пределы Петербурга. А именно, с 15 ноября 1902 г. по 1 января 1903 г. выставка «Мира Искусства» гостила в Москве.

---

*) В сборнике, посвященном памяти последнего (См. «Н. Сапунов». Стихи, воспоминания, характеристики: В. Брюсова, М. Кузмина, П. Потемкина и др., Москва, 1916, илл., стр. 94) А. Эфрос в 1916 г. писал: «Под знаком эстетизма протекло последнее пятнадцатилетие русского искусства, и поиски красоты определили путь большинства художников. Но ни в ком эти стремления не раскрывались с большей отчетливостью, чем в Сапунове. Он шел общим путем и с апологетами старины в лице петербуржцев «Мира Искусства», и с молодыми мистиками красоты, своими московскими друзьями...»

Пятая выставка объединения была снова открыта в Петербурге, причем она продолжалась с 13 февраля по 23 марта 1903 г.*).

Мы уже говорили, что «Мир Искусства» не был ни «случайным», как утверждал Грабарь, ни обособленным явлением в жизни России. Те же самые признаки культурного завершения и те же художественные убеждения отразила другая организация. Речь идет о «Современном Искусстве», основанном в Петербурге в 1903 г. кн. С. Щербатовым и В. В. фон Мекком. Во главе всего этого дела с довольно широкой программой стоял Игорь Грабарь, т. е. один из влиятельнейших участников «Мира Искусства». Учреждение Щербатова настолько ярко отразило состояние русской художественной культуры в начале века, что о нем нельзя не рассказать, хотя бы коротко. Существование «Современного Искусства» было недолговечным (полтора года), но решительно все, что было связано с ним, типично для художников поколения, в котором было гораздо больше утонченной женственности, нежели деятельной мужественности. По словам Щербатова**), в его план входило «создать центр, могущий оказывать влияние на периферию и являющийся показательным примером, центр, где сосредоточивалось бы творчество, то есть выявлялось бы в прикладном искусстве, кровно связанном и с чистым искусством, долженствующим быть представленным рядом коллективных выставок, чередующихся и весьма разнообразного состава». Как можно заключить из следующих выдержек, Щербатов был знаком с идеями Виллиама Морриса и, так сказать, нащупывал проблему среды, в которой произведение должно находиться. Но его идеалом остается, однако, экспозиция произведения в обрамлении той или иной «гармонической» обстановки. «Прикладное искусство, — продолжает Щербатов, — не должно было быть представленным только, как обычно, рядом тех или других подобранных экспонатов, а должно было выявить собой некий цельный замысел ряда художников, постепенно привлекаемых для устройства интерьеров комнат, как некоего органического и гармонического целого, где, начиная с обработки стен, мебели, кончая всеми деталями, произведен был бы принцип единства, мной указанный, как незыблемый закон». Некоторые подро-

---

*) Иной счет выставкам ведет Бенуа, считая 5-ю выставку «Мира Искусства» последней. Он невольно впадает в некоторое противоречие, когда на следующей же странице пишет: «Впрочем, еще раз затем Дягилев все же выступил перед публикой с тем же знаменем и тем же единоличным хозяином. Это произошло в тяжелую зиму 1906 г.»

**) С. Щербатов, назв. книга.

ности программы Щербатова не представляют для нашей работы интереса, но отметим, что в залах «Современного Искусства» должны были устраиваться, отдельно от секции прикладного искусства, выставки картин, гравюр и скульптур, преимущественно русских художников. Предполагалось еще, что организация один раз в год будет издавать книгу с очерком творчества какого-нибудь талантливого художника и воспроизведениями его вещей. Кроме того, «Современное Искусство» имело целью знакомить за границу, при посредстве художественных журналов, с творчеством русских художников, выставяющих свои произведения в его залах.

Что касается других эстетических взглядов самого учредителя и художников, которые работали с ним (Грабарь, Бенуа, Бакст, А. Головин, Лансере, К. Коровин, Яремич и др.), то они довольно пространно изложены в названных воспоминаниях. Воззрения эти, порожденные теорией «искусство для искусства», изложенные с долей горячности, живо освещают ширившееся в то время течение эстетического индивидуализма. Щербатов в своей книге, спустя полстолетия все еще сетует на умирание красоты, на «мразь», «обволакивающую, как туман, целую эпоху», на «яд интеллигентской идеологии» и пр. Предполагается, конечно, что от всех этих бед Россию должны были спасти глашатаи идей чистого искусства. Желая придать больше веса своим рассуждениям, Щербатов приводит выдержку из «Бесов» Достоевского об универсальном значении красоты, а также изречения проф. И. Ильина, в которых вновь веет высокий стиль эстетизма начала 20-го века: «...Интеллигентское разрушение эстетики, — говорит он, — есть не средство, а цель. Радикальный интеллигент есть человекоподобное существо, определяемое в своей основе прежде всего и после всего ненавистью к красоте. Красота — верховная ценность, предельное выражение и утверждение бытия, цель мирового процесса, пришествие духа-утешителя...» Мы останавливаемся довольно подробно на деятельности Щербатова и его окружения, которое состояло из тех же лиц, которые входили в «Мир Искусства», потому, что в ней отразились лишней раз идеи, чувства, вкусы и устремления поколения 900-х годов. Самовлюбленность и самообольщение некоторых представителей его кажутся ныне чудовищными, если вспомнить противоположный тип художника, трепетно ожидавшего откровений красоты, вроде Александра Иванова. Эгоцентризм Щербатова толкает его презрительно говорить о «яме идейного, тенденциозно-социального передвижничества» и восхищаться проектом Бакста для одной из комнат «Современного Искусства», от которой, по словам же Бакста, должен был исходить

«аромат духов и пудры»!.. Настоящим документом эпохи являются описания Щербатова, которые посвящены обстановке выставочных комнат в «Современном Искусстве», исполнение которых было поручено разным художникам. Остановимся на описании комнаты, которая была создана самим автором, также живописцем, учившимся одно время с И. Грабарем в Мюнхене. Оно интересно еще потому, что мы узнаем о времени, когда проблема изоляции произведения и освобождения его от побочных элементов, проблема создания для него *нейтральной* среды не только не была поставлена, но казалась несуществующей вообще. Рассказав об украшении комнат, исполненных Бакстом, Бенуа, Головиным («Терем»), Коровиным, Грабарем, автор говорит о своем творчестве:

«Я взял себе темную проходную, соединяющую комнаты Бакста и Ковина, красиво компановать которую было нелегко. Я вылепил из пластилина модель для изразца и, приложив рисунок-акварель, заказал изразцы в мастерской Мамонтова. Изразцы составляли собой фриз из стилизованных павлинов с раскрытыми хвостами цвета старого золота, с вставленными глазками бирюзового цвета. Шеи павлинов темно лилово-синего тона ритмически перебивали узорчатый стилизованный орнамент хвостов, сверкавших позолотой при электрическом освещении темной комнаты. Мотив длинного павлиньего пера из серой стали, орнаментально замыкающего концами углы стульев, с инкрустированным глазком из бирюзы, роднил собой мотив фриза и портьеры из серого сукна, с орнаментом павлиньих перьев. Вся мебель была из серого клена. Портьера, для которой я скомпоновал драгоценный орнамент, была из серого сукна и шелка с золотой парчой, повторяющей мотив перьев и фриза. Поблескивание золота в нарочито-сдержанной гамме комнаты давало красивый эффект при единственном источнике света — электричестве».

Слава Лоренцо Медичи не давала покоя многим заметным общественным деятелям в России в описываемое время. Но вскоре страна вступила в полосу тяжелых испытаний, вызванных русско-японской войной, а затем пережила период внутренних политических волнений, как известно закончившихся переходом нации к парламентскому строю. Относительное успокоение позволило «Миру Искусства», в лице его первого поколения и под руководством того же Дягилева, возобновить свою деятельность зимою 1906 года. В этом году была организована шестая выставка объединения. Она закончила собой первый период деятельности «Мира Искусства» в узком значении, т. е. тот период в жизни организации, который руководился преимущественно Дягилевым и Бенуа. Немного ранее перестал выходить и журнал, который издавался под тем же названием.

Прежде чем рассказать о втором периоде, приведем список участников выставки в 1906 году, т. е. последней первого периода существования «Мира Искусства». Помимо ознакомления с художниками, которые принадлежали окрепшему к этому времени эстетическому индивидуализму, этот список в дальнейшем послужит для нас некоторого рода доказательством. Мы имеем в виду показать мнимость идейного «раскола» общего фронта представителей «Мира Искусства», считая некоторые изменения в объединении фактом чисто внешним, мнение же это, которое с легкой руки Бенуа стало повторяться (например, Лобановым), ошибочным.

Участниками выставки 1906 г. были следующие художники: Борис Анисфельд (1880-) проживающий теперь в Соединенных Штатах, Лев Бакст, Александр Бенуа, Иван Билибин, С. Виноградов, М. Врубель, А. Головин, Игорь Грабарь, Мстислав Добужинский (1874-1957), К. Коровин (1861-1939), Павел Кузнецов, Евгений Лансере, М. Ларионов (1881-) который прославился позже границей как автор теории «лучизма» и сотрудник Дягилева, А. Линдеман, Вальтер Локкенберг, Луговская, Ф. Малявин (1869-1939), В. Миллиоти, Николай Миллиоти (1875-), В. Мусатов (1870-1905), С. Ноаковский, А. Остроумова-Лебедева (1871-1955), Аркадий Рылов (1870-1939), Сабашникова, Н. Сапунов, В. Серов, Николай Ульянов (1875-1949), В. Фалилеев (1879-1948), К. Юон (1875-1958), Алексей Явленский (1864-1942), оставшийся почти неизвестным на родине, но позже занявший видное место в движении экспрессионизма в Германии, Сергей Яремич (1873-), автор ценной книги о Врубеле, и Н. Феофилактов (1878-).

Выставка 1906 г. по разным причинам объединила далеко не всех художников, входивших в организацию «Мира Искусства», или разделявших ее теоретическую платформу. К этому времени не стало в живых даровитой Якунчиковой (ум. в 1902 г.), не приняли в ней участия и такие видные мастера как живописец Браз и скульптор Паоло Трубецкой.

Ответим теперь на вопрос, чем руководствовалось общество «Мира Искусства», принимая на свои выставки произведения того или иного художника. То есть, каков был критерий художественной оценки для жюри, которым в конце концов оказался Дягилев единолично, так как он заключал в себе, как в фокусе, не только пожелания своих ближайших сотрудников, их склонности, художественное понимание, но и развивавшиеся и определявшие с большой ясностью взгляды эпохи. Разъяснение, хотя далеко не исчерпывающее вопроса, мы находим опять таки у Бенуа.

«В основе приглашения того или другого художника, — говорит он, —

лежала не принадлежность его к какому-либо направлению (у нашего кружка направления не было)³¹⁾, а оценка вообще подлинности, даровитости, мастерства приглашаемого, к какому бы толку он ни принадлежал. Этому принципу «Мир Искусства» не изменил и тогда, когда в виде уступки запросам времени, вместо единоличного управления при нашем «диктаторе» (т. е. Дягилеве — Н. Е.), был образован «комитет», заботившийся о пополнении кадра экспонентов, следивший за тем, чтобы на выставку не проникали вещи недостойные, ничтожные, бездарные и безвкусные. Вместо направления у нас царил вкус — правда, объединенный известным уровнем культурности всей группы³²⁾, но все же свободный, подчас капризный и во всяком случае враждебный всякому доктринерскому рабству, всяким предвзятым формулам.» («Возникновение», стр. 50).

Если мы отнесемся внимательно и пытливо к этим утверждениям Бенуа, то, во-первых, мы заметим, что понятие «направление» он заменяет понятием «вкус». На протяжении всей своей деятельности художественного критика, Бенуа очень часто пользовался этим термином, как будто уверенный в том, что это понятие является чем то постоянным и общезначимым. Вместе с тем, подобного рода предпосылка никакого объективного и универсального содержания не имеет. В чем заключаются определительные признаки «вкуса» как категории, разумеется только исторической, т. е. связанной с определенным отрезком времени и определенной социальной средой, Бенуа умалчивает. И это понятно, почему он прибегает к подобному методу. Трудно предположить, чтобы Бенуа мог считать феномен «вкуса» категорией неизменного, т. е. изначального, вневременного порядка.

Другое определение Бенуа, выраженное в словах «известный уровень культуры всей группы», имеющее в виду ввести понятие «вкуса», по-видимому, в исторически-социальные, однако тоже предположительные, рамки, делает его менее зыбким, но все-таки оно лишено аналитической четкости. Таким образом, противопоставление понятий «вкус» и «направление» черезчур обще и поверхностно. Художественные принципы и эстетическое вероисповедание художников, которых Бенуа вообще не раскрывает, подменено общими фразами. Ни исторически-специфических, ни эстетических признаков «вкуса», о котором Бенуа говорит, не дано. Вместе с тем, тщательно отобранные, и по возможности конкретизированные, подобные признаки всегда определяют художественные восприятия и воззрения. Если не тождественность, то родственность их и относительная устойчивость во времени творят эстетический знаменатель как отдельной группы художников, так и целой эпохи. Говоря очень расплывчато, Бенуа только за-

тронул духовно-нравственное состояние, которое было свойственно участникам петербургского кружка. Что же касается пресловутого «вкуса», то таковой принадлежал не только поколению 900-х годов, но любой исторической эпохе.

Во вне, однако, носителем всех стремлений и выразителем борьбы, строительства и центром притяжения, т. е. живой и действенной силой, была объединяющая и творящая воля Дягилева. Эта воля воплощала чаяния нового поколения опять поверить в чудо мечты, безраздельно отдаться культуре красоты, какую она представлялась эпохе, и эта же воля позволяла Дягилеву создавать внутреннее единство выставок. Закономерно достигнутая их целостность выражала собою стилевое лицо «Мира Искусства». Вместе с тем, по мнению упомянутого В. Лобанова, отмеченное нами не только уставное, но идейное единство «Мира Искусства» существовало будто бы недолго.

Задержимся на этом вопросе, который имеет для нашего истолкования всего движения эстетического индивидуализма первостепенное и принципиальное значение. Как полагает Лобанов, уже в первые два года выставочной деятельности петербургского объединения выявились два главных течения в творчестве его участников, а именно петербургское и московское. Эти направления, по словам Лобанова, «потенциально существовали с первого момента возникновения этой организации и в конце концов привели к расколу объединения».³³).

Прежде всего, надо сказать, что мысль о «двух течениях», в первых, принадлежит не Лобанову, но впервые была высказана Александром Бенуа в предисловии к каталогу выставки русского искусства, которая была устроена Дягилевым в Париже в 1906 году, т. е. за четверть столетия до появления очерка Лобанова (1930). К этому необходимо добавить, что, когда Бенуа, поневоле в очень краткой форме, высказал мысль «если не о двух школах, то о двух течениях» в русском современном искусстве³⁴), он не только не отрицал, но подчеркнул е д и н с т в о художественных принципов в творчестве своих друзей и соратников в лоне «Мира Искусства». Различными были лишь цели исканий и область мотивов отдельных живописцев, принадлежавших Петербургу и Москве. Существо же их художественного мировоззрения, как отмечает это сам Бенуа, «покоилось на тех же основаниях».

Кроме того, в 1906 г. Бенуа был занят исключительно эстетической стороной затронутой проблемы, а именно природой искусства своих современников и общим анализом живописных средств «двух течений» по его суждению. Индивидуальные склонности и

области, к которым обращались названные Александром Бенуа живописцы, не образовали все-таки достаточно различных художественных групп, чтобы их можно было бы назвать «течениями». В начале своего предисловия Бенуа указывает на то, что в конце 19-го века русское искусство характеризуется поворотом, ведущим к чисто эстетическому восприятию жизни. Новая художественная концепция как раз дала целостное течение эстетического индивидуализма, в котором естественные отличия отдельных дарований не противоречили его общему ходу.

Мы напомним еще раз в связи с этим, что эстетический индивидуализм рассматривается нами в качестве синтеза. Социологическое истолкование проблемы; имеющееся у Лобанова, отнюдь не может считаться неприемлемым. Однако, неудачное разграничение и противопоставление этим критиком тенденций якобы возраставшего русского империализма в петербургской группе и пренебрежение традициями за счет темпераментности москвичами, нам кажется выводом не только искусственным, но логически неверным. Объектами суждения избраны разные величины: политически-культурные переживания, с одной стороны, и эмоционально-оптическое истолкование реального мира с другой.

Главная ошибка Лобанова заключается в том, что он смешивает внешне-организационные проявления художественной жизни с эстетическими воззрениями или склонностями данной эпохи. Представляется естественным и не подлежит сомнению, что между участниками «Мира Искусства» некоторые отличия существовали не только в 1906 году. Подобные отличия при желании можно было найти даже в среде художников, которые выставляли свои вещи на первой же выставке объединения. Как явление, присущее любому человеческому коллективу, оно настолько элементарно, что не требует особого объяснения. Однако, это не дает основания говорить о двух «течениях», а тем менее о двух школах. Единство эстетических идей и верований всего движения было несомненно, что отрицать невозможно, если отнестись к фактам со спокойной объективностью.

В этом отношении интересно, что и «раскол объединения», о котором пишет Лобанов (опять-таки используя мысли Бенуа, высказанные им уже в его очерке о «Мире Искусства»), был главным образом явлением внешним. Это была естественная эволюция общества «Мира Искусства», о чем мы говорим более подробно в примечаниях. Образование двух групп, — петербургской и московской, — было вызвано главным образом практическими сооб-

ражениями и в значительной степени интересами личного честолюбия и соревнования отдельных лиц.

Совместная работа членов обеих групп, которые во вне были представлены «Миром Искусства» и «Союзом русских художников» (основан в 1903 г.), продолжалась в течение нескольких лет. Доказательством этого, кроме прочего, служат списки лиц, участвовавших на выставках этих двух организаций. Если сопоставить имена художников выставок, которые устраивались названными двумя объединениями, получается впечатление, что эти художники состояли членами одной организации, но с двумя разными названиями.

Суммируя все вышесказанное, мы считаем, что развитие «Мира Искусства», а вместе с ним и всего движения эстетического индивидуализма, принадлежало одним и тем же силам и шло в одном общем идеологическом русле. Выставочная практика указывала на усиливавшийся рост и приток сил «Мира Искусства» и на завоевание им все большего и большего признания и авторитетности. Но борьба с противниками, с той «нежитью», о которой писал Бенуа, продолжалась. Она велась словом и делом. Приверженцы академической и передвижнической эстетики, в лице нечуткой, без кругозора и самодовольной критики, не понимали, что произошел огромный общий сдвиг в области эстетических идеалов и чаяний русской интеллигенции. Новое поколение, порою даже без теоретических установок или программ, жаждало нового истолкования красоты, нового содержания художественного образа. Старое возражение обывателя «в действительности этого не может быть» все больше и больше теряло свою убедительность. Новейший живописец увлекал не логикой, но зовом чувственного порядка, преображая действительность и наделяя ее признаками собственного мира.

(Окончание следует)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹⁷⁾ С утверждением об отсутствии направления мы не можем согласиться и в нем обнаруживается непоследовательность Бенуа, о которой уже была речь. Художественная идеология, которая и составляла в конце концов «направление» кружка, будет еще выяснена нами в обзоре передовиц журнала «Мира Искусства». Здесь, однако, укажем, что сам Бенуа, вспоминая о своей переписке с кн. Е. К. Четвертинской по поводу журнала, сообщает: «Последней (т. е. Четвертинской) я как-то резюмировал и свои пожелания, относительно направления журнала». Из пожеланий Бенуа определенно явствует, что он собирался «насадить кое-какие путные взгляды».

18) Бывший соратник Бенуа, Дягилев и участник движения эстетического индивидуализма, выставявший свои картины на выставках «Мира Искусства», позже видный писатель по вопросам искусства в Советском Союзе, художник Юон говорит по этому поводу: «Движение за художественную культуру и культурность в искусстве, которое проводилось группой художников, объединенных журналом «Мир Искусства», сделало в этом отношении большой вклад в русское искусство» (стр. 113). См. К. Юон: «О живописи», ИЗОГИЗ, 1937, 278 стр., илл.

19) В. Лобанов (Назв. книга, стр. 79). Говоря о «расколе» в среде «Мира Искусства», Лобанов имеет в виду образовавшийся в 1903 г. в Москве «Союз русских художников», куда вошла часть художников из «Мира Искусства». Образование этой самостоятельной в юридическом и хозяйственном смысле организации ничего, однако, не изменило в идеологии нового содружества. Как мы укажем дальше, почти все члены «Мира Искусства», участвовавшие в выставке своей организации в 1906 г., выставяли свои вещи на выставке «Союза русских художников» в 1909 г.

20) Salon d'Automne. Exposition de l'Art Russe. Paris, 1936.

«La fin du 19-^e siècle fut marqué par un revirement dans l'art russe vers une conception purement esthétique. Quelques artistes, Lévitane, Serov, Korovine et M-elle Yakountchikof s'adonnèrent à l'étude simple et recueillie de la nature; d'autres et parmi eux un des plus grands artistes que la Russie ait produits, le malheureux Wroubel (maintenant aveugle et interné dans un asile d'aliénés) se mirent à la recherche d'un art idéaliste, réalisant les rêves dont ils étaient hantés, les réminiscences étranges qui les rattachent aux époques passées, travaillant aux grands problèmes du choc des couleurs.

Ce mouvement est encore dans toute sa force, mais déjà ceux qui vinrent les premiers voient l'arrivée des plus jeunes; ceux-ci, tout **en ce fondant sur les mêmes principes**, cherchèrent des voies isolées chères à leurs individualités. A l'heure présente on peut distinguer sinon deux écoles, du moins deux courants bien différents dans l'art moderne russe. L'art de Pétersbourg qui a pour représentants: Constantin Somof, un des maîtres les plus délicieux de l'art moderne, Bakst, Dobuzinski, Lanceray, et l'auteur de ces lignes; elle représente un art qui parfois un peu littéraire, aime la recherche des sensations chères aux époques de grand raffinement, se plaît à la douce flânerie dans le passé, et se voue au culte de l'intime, du précieux et du rare. L'art de Moscou, qui découle principalement du grand décorateur Wroubel et qui est surtout, représenté par Golovine, Millioti, Soudikine et Paul Kousnetsov, a des tendances décoratives, plus franchement peintre . . . «

Через десять лет эту мысль подхватил и развил А. Эфрос в сборнике, посвященном Сапунову. Позже ею воспользовался Лобанов, о чем мы уже говорили.

К проблеме движения

Данная статья имеет свою историю. Автор написал ее в 1963 году, рассчитывая опубликовать ее в журнале «Вопросы философии». Статья имела несколько иной вид: автор не упомянул в ней совершенно имен Энгельса и Ленина и критику марксистской концепции представил исключительно как критику концепции гегелевской. Сознывая, что и в таком виде статья имеет мало шансов появиться в журнале, автор сделал оговорку, которой дал понять, что он готов принять к сведению все замечания от сторонников гегелевской концепции и дать на них посильный ответ, если только замечания эти будут носить серьезный научный характер, а не характер апелляции к различного рода авторитетам, кто бы они ни были. Тем не менее автор получил от редакции журнала ответ именно такого рода.

23 января 1964 г.

Уважаемый тов. СОРОКИН!

Возвращаем Вашу статью «К проблеме движения». Она не может быть опубликована в журнале по следующим причинам:

1. Вы называете концепцию движения Гегеля абсурдной (стр. 2), нелепым построением» (стр. 7). Между тем В. И. Ленин в «Философских тетрадах» оценивает гегелевскую концепцию движения несколько иначе. Вопрос о том, как выразить движение в логике понятий — один из труднейших вопросов в истории философии и в современной науке. В настоящее время существуют различные точки зрения по этому вопросу. Возражая против гегелевской концепции движения, Вы фактически выступаете против диалектического понимания движения. С этим связано Ваше предубеждение против закона противоречия (стр. 6-7).

2. Вы полагаете, что Гегель рассматривает движение как движение только в пространстве (стр. 5), в то время как он пытается понять его как противоречивое единство пространственных и временных характеристик.

3. Вопрос о том, как же происходит движение, остается Вами не рассмотренным. Вы сами пишете, что «на этот вопрос мы столь же мало можем ответить сегодня, сколь мало мог ответить на него тот, кто впервые задумался над ним» (стр. 5). Но здесь же Вы критикуете диалектическое понимание движения, развитое кстати не только Гегелем, но и Ф. Энгельсом и В. И. Лениным.

4. Предлагаемая Вами концепция движения, суть которой в том, что «тело движется, находясь в данный миг — в данном месте, в следующий миг — в следующем месте и т. д.» (стр. 1), не может объяснить процесс движения. Она описывает лишь результат движения. Движение здесь остановлено. Вся полемика В. И. Ленина против Чернова направлена на то, чтобы показать недостаточность подобной концепции, ибо в ней процесс движения остается непонятым.

Рукопись возвращаем.

С уважением,

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

(И. В. БЛАУБЕРГ)

Три раза упомянуто в письме имя Ленина, два раза — диалектический материализм, один раз — имя Энгельса; но совершенно обойден молчанием главный аргумент, с каким выступает автор против «диалектического понимания движения»: как возможно, что движущаяся вещь, не будучи способной занимать одно место в пространстве, способна, однако, занимать одно место во времени?

Автор.

Движение представляется нам в высшей степени загадочным явлением. Едва мы над ним задумываемся: тысячи вопросов тотчас возникают у нас. Между прочим, и такой вопрос: как вообще возможно движение, каким образом удаётся вещи перемещение из одного места в другое?

Этот вопрос, на первый взгляд столь элементарный, занимает философов, физиков и математиков вот уже более двух тысячелетий.

Сегодня ситуация такова: все исследователи, за исключением марксистов, соглашаются между собой, что проблема в высшей степени загадочна и затрудняются даже ответить, будет ли она когда-либо вообще решена; марксисты, оптимизм которых в об-

ласти гносеологии хорошо известен — равно как и то, что только оптимизмом своим они и знамениты в этой области, — напротив, полагают, что проблема давно решена — разумеется, не кем иным, как Энгельсом и Лениным. При некотором участии Гегеля, впрочем.

Действительно, в свое время Гегель выступил с оригинальной концепцией движения. Несостоятельность концепции, однако, была настолько очевидна, что она принесла ему насмешки, а не славу. Так и осталось бы это ничтожным эпизодом в истории философии, показывающим, что *и мудрые ошибаются*, если бы... если бы некоторое время спустя о ней не заговорили с восторгом Энгельс и Ленин. Этого достаточно было, чтобы марксисты, во-первых, тотчас прониклись к ней надлежащим благоговением, а во-вторых — присовокупили ее к «сокровищнице марксизма-ленинизма».

Философы улыбаются, когда речь заходит о гегелевской концепции движения. Однако никто из них не дал себе до сих пор труда *опровергнуть* ее. А коль скоро желающих опровергнуть концепцию не находится, она продолжает существовать — пусть только и в марксистской философии.

Такое положение, когда одни улыбаются при одном упоминании гегелевской концепции, а другие провозглашают ее величайшим достижением человеческой мысли, побудило нас сделать этот анализ.

I

Раздумывая над движением, мы непременно обращаем внимание на следующую деталь: вещь, чтобы пройти некоторый путь, должна прежде пройти *половину* его, то есть некоторый меньший путь; но чтобы пройти этот меньший путь, она также должна пройти прежде *половину* его, то есть опять некоторый меньший путь; но чтобы пройти этот путь, она также должна пройти прежде *половину* его — и т. д. В конце концов мы обнаруживаем, что вещь не способна пройти вообще никакой путь, как бы мал он ни был: ибо для этого ей сначала необходимо пройти меньший путь, а перед этим — еще меньший, а перед этим — еще меньший — и так *до бесконечности*.

Мы оказываемся в затруднении: с одной стороны, мы *видим* движение; с другой стороны, *рассуждение* убеждает нас в том, что вещи не способны к движению.

Такова трудность номер один.

Совершенно очевидно, что движущаяся вещь в любой момент своего движения занимает пространство, *равное ее объему*. Но если так, то в любой момент своего движения она *покоится*. Но если она покоится и в первый момент движения, и во второй, и в третий и т. д. — и, наконец, в последний, то она, следовательно, *покоится во время всего своего движения*. Вновь мы оказываемся в затруднении: с одной стороны, мы *видим* движение; с другой стороны, *рассуждение* убеждает нас в том, что движущиеся вещи в действительности *покоятся*.

Такова трудность номер два.

Трудность номер три заключается в необходимости объяснить, как вещь перемещается из места, *в котором она находится, в следующее место*.

Совершенно очевидно, что, когда движущаяся вещь занимает некоторое определенное место, она *покоится*, ибо занимает при этом пространство, *равное ее объему*; совершенно очевидно также, что, когда она занимает следующее место, она также *покоится*, ибо также занимает при этом пространство, *равное ее объему*. Но каким образом она оказывается в следующем месте? Разумеется, она оказывается в нем лишь благодаря движению из предыдущего места; но каким образом возможно само это движение? Каким образом возможно для вещи движение между двумя ближайшими местами, в каждом из которых она *покоится*? Где мы можем увидеть в этом случае ее движение? Ведь *между* тем и другим местом она оказаться не может, как между местами ближайшими. Мы решительно не видим возможности движения для вещи в данной ситуации; мы решительно не в состоянии объяснить, как вещь, *покоясь* в двух *ближайших* местах, тем не менее *перемещается* в одно из этих мест из другого.

Таковы три главные трудности, с которыми сталкивается исследователь движения.

II

Гегель, оставив без внимания трудность номер один, попытался объяснить вторую и третью трудности следующим образом:

«Когда мы желаем уяснить себе вообще движение, мы говорим, что тело находится в одном месте, а затем идет в другое место. Во время движения оно уже не находится в первом месте, но вместе с тем оно еще не находится во втором месте; если бы оно находилось в одном из этих мест, оно находилось бы *в покое*. Но где же оно *находится*? Если скажем, что оно находится между этими двумя местами, то этим в действительности ничего не

скажем, ибо в таком случае оно так же находилось бы в одном месте, и перед нами, следовательно возникало бы то же самое затруднение. Но двигаться означает быть в *данном* месте и в то же время не быть в нем, — следовательно, находиться в обоих местах одновременно». (Собр. соч., т. IX, стр. 241).

«Нечто движется не поскольку оно в этом «теперь» находится здесь, а в другом «теперь» — там, а лишь поскольку оно в одном и том же «теперь» находится и здесь и не здесь, поскольку оно в этом «здесь» одновременно находится и не находится» (Собр. соч. т. V, стр. 521).

Итак, Гегель как будто действительно объясняет вторую и третью трудности. Согласившись с ним, мы, во-первых, не будем более смущаться тем, что вещь во время движения как будто и не движется, но покоится, ибо занимает пространство, равное ее объему: Гегель ведь полагает, что движущаяся вещь никогда не занимает пространства, равного ее объему, но в любой миг своего движения занимает как бы *протяженное* пространство; находясь в некотором определенном месте, она в то же самое время в нем уже не находится и, следовательно, действительно как бы постоянно является *движущейся*; во-вторых, мы не будем также смущаться и вопросом, каким образом удается вещи перемещение из места А в Б: согласно мнению Гегеля вещь движется не таким образом, что сначала она находится в месте А, а затем — в месте Б; он полагает, что она как бы *одновременно* находится в обоих этих местах, а если так, то бессмысленно спрашивать, как она *перемещается* из места А в Б; само такое перемещение не будет при этом иметь места.

Итак, с одной стороны, Гегель освобождает нас от необходимости среди движущихся вещей искать движение, которого мы до сих пор не могли найти, исходя из того, что данные вещи занимают пространство, равное их объему, а потому покоятся; с другой стороны, он освобождает нас от необходимости объяснения, каким образом движущаяся вещь из некоторого определенного места перемещается в следующее.

Но как может вещь, будучи в некотором определенном месте, в то же самое время не быть в нем? Увы, это тайна Гегеля, а также Энгельса и Ленина, которую они почему-то не пожелали раскрыть миру. Не желают раскрыть ее миру и сегодняшние марксисты.

Предположим, Гегель действительно избавил нас от некоторых загадок движения. Но ведь, одновременно, он поставил нас перед загадкой куда более грандиозной, ибо разве не грандиозная загадка для нас вещь, которая находится в некотором определен-

ном месте и в то же самое время в нем не находится? Эта удивительная вещь смущает наш ум несравненно более, нежели сама загадка движения! А есть ли смысл решать загадочные проблемы таким образом, чтобы на месте их выросли проблемы еще более загадочные? До появления гегелевской концепции мы не знали, как происходит движение, но зато не принуждены были объяснять проблем сверхразумных; ныне мы знаем (допустим это), как происходит движение, но зато вынуждены объяснять, каким образом вещь, находясь в одном месте, находится в то же время в другом!

III

Опровергнуть гегелевскую концепцию кажется на первый взгляд делом нелегким. И не потому, что она сложна, а как раз потому, что она удивительно проста: простые построения опровергнуть труднее, нежели сложные. Мы способны опровергнуть систему Канта, но мы совершенно не способны опровергнуть, например, такое простое утверждение: «через две точки, лежащих на плоскости, можно провести две прямых линии». Это утверждение представляется нам ложным с *первого взгляда*, и мы объявляем его ложным именно *на этом основании*, но не потому, что имеем *доказательство* его ложности. И если найдется человек, который *не увидит непосредственно* ложности этого утверждения, мы будем бессильны убедить его, что он заблуждается.

Гегелевское утверждение — «во время движения вещь, находясь в некотором месте, в то же время в нем не находится» — именно такого рода, что ложность его очевидна с *первого взгляда*. И коль скоро нашлись люди, не находящие это утверждение ложным, мы оказались в затруднительном положении: мы как будто бессильны поколебать их убеждение в том, что Гегель прав. Когда мы говорим марксисту, имея в виду вышеупомянутое гегелевское утверждение, «нам совершенно очевидно, что так быть не может», он нам отвечает «мне совершенно очевидно, что так есть». Мы не представляем ему *доказательства* того, что «так быть не может», а тот факт, что *нам* это очевидно, его не смущает. Именно такого рода диалоги, как приведенный, и происходят по сей день между противниками гегелевской концепции движения и ее сторонниками.

К счастью, гегелевская концепция не столь неуязвима, как, например, утверждение «через две точки, лежащих на плоскости, можно провести две прямых», и если бы философы дали себе

труд задуматься над ней внимательно, а не отмахивались от нее небрежно, как от чепухи, не заслуживающей внимания, они увидели бы способ *доказать* ее ложность. Именно *доказать*, доказать таким образом, что и марксист был бы вынужден признать, что концепция эта действительно чистая чепуха.

*

Как это ни странно, но когда говорят о движении, имеют в виду обычно лишь движение *в пространстве* — либо движение пешехода мимо здания, либо движение автомобиля по шоссе, либо движение поезда от одной станции к другой и т. д. — и совершенно упускают из вида, что вещь движется не только *в пространстве*, но и *во времени*. Точно так, как движущаяся вещь в начале своего движения находится в одном месте пространства, а в конце — в другом, она в начале своего движения находится в одном моменте времени, а в конце — в другом. Достаточно вспомнить поезд, который отправляется с некоторой станции в 12.00, а прибывает на другую станцию уже не в 12.00, но, например, в 15.00. Всякая движущаяся вещь движется как бы в *двух материях*: с одной стороны — *в пространстве*, перемещаясь из одного места в другое, в третье и т. д.; с другой стороны — *во времени*, перемещаясь из одного момента времени в другой, в третий и т. д. Земля наша, совершая свой путь по орбите, мчится не только сквозь *пространство*, но и сквозь *время*; она оставила позади себя не только миллионы километров пройденного пути, но и миллионы лет пройденного времени; и точно так ей предстоит еще преодолеть в своем движении не только миллионы иных километров, но и миллионы иных лет. Мы не найдем ни одной вещи, которая, перемещаясь *в пространстве*, не перемещалась бы при этом и *во времени*, а постоянно пребывала бы в одном и том же моменте времени.

Можно предположить, что такое положение, когда мы под движением разумеем лишь движение *в пространстве*, сложилось оттого, что движение *в пространстве* мыслить несравненно легче, нежели движение *во времени*: нам достаточно вообразить некоторый фон из материальных предметов — здания, либо деревенский луг с неизбежными цветочками, либо обычную бревенчатую стену — и некоторый предмет, передвигающийся на этом фоне, как мы воочию увидим движение *в пространстве*; но мы не можем вообразить такого фона и такого предмета, передвигающегося на этом фоне, которые бы помогли нам отчетливо увидеть и движение *во времени*. Движение *в пространстве* мы можем лег-

ко *представить*, движение же *во времени* мы можем лишь *мыслить*. Этим и объясняется тот факт, что, когда мы говорим о движении мы обычно имеем в виду лишь движение *в пространстве* — то движение, какое легче понимаем.

Увы, такой житейской точки зрения на движение придерживаются и философы, когда пытаются объяснить движение: они пытаются объяснить лишь движение *в пространстве*, но оставляют без внимания движение *во времени*. Вспомним Зенона и его знаменитые апории. Зенон ставил нас перед фактом, что движение *в пространстве* не поддается объяснению, но мы не встречаем в его апориях попытки рассмотреть также и движение *во времени*. Вспомним, как Гегель приступает к объяснению движения:

«Когда мы желаем вообще уяснить себе движение, мы говорим, что тело находится в одном *месте* (выделено нами — С. В.), а затем идет в другое *место* (выделено нами — С. В.)».

Опять-таки мы видим попытку объяснить движение *в пространстве*, движение *из места в место*, но не видим попытки объяснить также и движение *во времени*, *из момента в момент*.

Спросим же себя, каким образом перемещается вещь *во времени*? Столь же трудно объяснить это, как например, перемещение ее *в пространстве*? Увы, это действительно так: попытавшись объяснить движение вещи *во времени*, мы столкнемся с трудностями, хорошо уже знакомыми нам из попытки объяснить движение вещи *в пространстве*: во-первых, мы увидим, что вещь не может преодолеть какого-либо определенного промежутка времени, как бы мал он ни был: ведь если ей надлежит, например, преодолеть промежуток времени А, она должна прежде преодолеть *половину* этого промежутка — допустим, Б; но прежде, чем преодолеть промежуток времени Б, она опять-таки должна преодолеть *половину* его и т. д. Продолжая рассуждать таким образом, мы так и не найдем никогда настолько малого промежутка времени, который вещь могла бы преодолеть *сразу*, не преодолев прежде *половины* его; в конце концов мы вынуждены будем признать, что вещь, действительно, не способна преодолеть какой бы то ни было промежуток времени и, таким образом, не способна к движению *во времени*. Между прочим, данное логическое затруднение позволяет нам создать апорию, касающуюся движения *во времени*, в противоположность апориям Зенона, касающимся движения *в пространстве*, — например, такую: «Человек никогда не состарится». В самом деле, если человеку, например, 30 лет, ему недостаёт 40 лет, чтобы стать глубоким стариком. Но прежде чем прожить 40 лет, он должен прожить *половину* этого времени — 20 лет;

но прежде, чем прожить 20 лет, он должен прожить 10 лет; но прежде, чем прожить 10 лет, он должен прожить 5 лет; но прежде, чем прожить 5 лет, он должен прожить 2,5 года и т. д. Делить 40 лет можно таким образом бесконечно; мы никогда не получим такого отрезка времени, какой невозможно было бы уже делить дальше. А коль скоро 40 лет представляют собой бесконечное число отрезков времени различной длительности, наш тридцатилетний человек *никогда* не будет в состоянии прожить эти сорок лет и, следовательно, *никогда не состарится*.

Анализируя движение во времени, мы, во-вторых, увидим, что вещь как будто и *не движется* во времени. В самом деле, когда бы мы ни посмотрели на вещь, мы всегда увидим ее в *данном миге*, в тот миг, в который она существует: в предшествующем миге мы ее не увидим потому, что она в нем *уже* не находится; в последующем миге мы ее не увидим потому, что она в нем *еще* не находится. Посмотрим мы на вещь *сейчас*, мы увидим ее в *данном миге*; посмотрим мы на вещь через десять минут, мы опять-таки увидим ее в *данном миге*, хотя это и будет уже *другой* миг; посмотрим мы на вещь через три дня, через год, через десять лет, мы опять же увидим ее в *данном миге*; мы никогда не увидим ее как бы *простертой* в нескольких мгновениях; она постоянно как бы заключена в *данном*, в *настоящем* миге и, таким образом, постоянно *покоится* во времени.

Итак, как видим, движение *во времени* столь же труднообъяснимо, как и движение в *пространстве*. С одной стороны, мы не можем понять, как вещь может преодолеть какой бы ни было отрезок времени; с другой, мы не видим, чтобы она *двигалась* во времени, мы постоянно видим ее заключенной в *одном* миге.

Эта последняя трудность заслуживает особенного внимания, ибо попытка найти из нее выход как раз откроет нам, в чем ложность гегелевской концепции движения.

Рассматривая движение в пространстве, Гегель столкнулся с точно такой же трудностью: он увидел, что движущаяся вещь постоянно находится в *одном* месте пространства и, таким образом, *не движется*. Он не нашел другого способа разрешить эту трудность, кроме как объявить, что движущаяся вещь никогда не занимает *одного* места в пространстве, но постоянно находясь в некотором месте, в то же время в нем не находится.

Если мы пожелаем объяснить движение *во времени* таким же образом, как Гегель объяснил движение в *пространстве*, мы должны будем объявить, что движущаяся вещь никогда не находится в *одном* моменте времени, но, находясь постоянно в некотором

моменте, в то же время в нем не находится. Не будем спрашивать себя, как это возможно, — Гегель ведь не спрашивал себя, как возможно, чтобы вещь, находясь в некотором месте пространства, в то же время не находилась в нем; будем помнить лишь, что *так есть*, и будем помнить, что пришли мы к своему заключению, распространив теорию движения Гегеля на движение *во времени*.

Посмотрим теперь, что сам Гегель думает о движении *во времени*:

«Нечто движется не поскольку оно в этом «теперь» находится здесь, а в другом «теперь» — там, а лишь поскольку оно в *одном и том же «теперь»* (выделено нами — С. В.) находится и здесь и не здесь...»

Итак, не признавая за вещью, движущейся в *пространстве*, способности находиться в одном и том же *месте*, Гегель признает за вещью, движущейся *во времени*, способность находиться в одном и том же *моменте*; не признавая за вещью, движущейся в одной среде, способности находиться в одном и том же *месте* этой среды, он признает за вещью, движущейся в другой среде, способность находиться в одном и том же *месте* этой среды! Удивительная логика!

Пусть, коль скоро сам Гегель уже не в состоянии это сделать, сторонники его концепции ответят нам, как это возможно; пусть они ответят нам, отчего, когда вещь движется из одного места в другое, в третье и т. д., она не может находиться в *одном* месте, а когда она движется из одного момента в другой, в третий и т. д., она может находиться в *одном* моменте!

Мы указывали уже на странную традицию подразумевать под движением лишь движение в *пространстве*. Гегель стал жертвой этой традиции. Свообразно объяснив движение в *пространстве*, он, однако, не попытался объяснить также и движение *во времени*; между тем, если бы он сделал такую попытку, он, *следуя собственной логике*, увидел бы, что вещь никак не может находиться «в одном и том же «теперь»».

Между прочим, есть значительно более простой способ опровергнуть гегелевскую концепцию: достаточно спросить марксиста, какое пространство занимает вещь при своем движении. И если марксист ответит, что она занимает пространство, *равное ее объему*, он тем самым признает, что она *покоится*; а если он попытается убедить нас, что она занимает пространство, *большее, чем ее объем*... пусть попробует убедить в этом сначала самого себя; пусть попробует убедить себя, что предмет, имеющий объем, например,

1 кубический метр, при движении занимает пространство в 1,5 кубических метра!

Сделаем небольшое отступление, чтобы спросить себя: как случилось, что гегелевская концепция завоевала популярность у марксистов? Неужели их самих не смущала поразительная способность вещей, находясь в некотором месте, в то же самое время в нем не находиться, — способность, которую приписал вещам Гегель.

Разумеется, она смущала их; она смущает их и сегодня, но как можно выступить против гегелевской концепции, когда сами «великие учителя человечества» — Энгельс и Ленин — приветствовали ее! Энгельс в свое время писал:

«Движение есть само противоречие; уже простое механическое перемещение может осуществиться лишь в силу того, что тело в один и тот же момент времени находится... в одном и том же месте и не находится в нем» (Анти-Дюринг, 1957, стр. 113).

А Ленин, штудирова «Логику» Гегеля и оставляя на полях издания свои замечания, выразил свое одобрительное отношение к гегелевской концепции словечком «верно!» с восклицательным знаком (Соч., т. 38, стр. 264), а в адрес Чернова, отвергавшего гегелевскую концепцию, разразился следующей тирадой:

«Движение есть нахождение тела в данный момент в данном месте, в другой, следующий момент в следующем месте — таково возражение, которое повторяет Чернов вслед за всеми «метафизическими» противниками Гегеля» (Соч., т. 38, стр. 255).

И все-таки находятся среди марксистов люди, имеющие смелость не соглашаться с Гегелем, а следовательно, и с «учителями человечества». На философской конференции по вопросам противоречий, состоявшейся в Москве в 1958 году, профессор Кольман позволил себе *публично* усомниться, следовало ли Энгельсу столь поспешно, как он это сделал, одобрять гегелевскую концепцию. Имея в виду высказывание Энгельса о движении, приведенное выше, он заметил во время своего выступления, что «...последняя о ш и б о ч н а я (разрядка наша — С. В.) часть высказывания Энгельса перенята им почти дословно у Гегеля». (Ж-л «Вопросы философии», 1958, № 12, стр. 167).

На бедного профессора, как и следовало ожидать, зная нравы, царящие на советском философском Олимпе, тотчас посыпались громы и молнии из стана «ортодоксальных марксистов». Пространные отповеди дали Кольману Д. Ильенков, В. Лекторский, С. Дудель. Между прочим, Дудель обвинил Кольмана... в солидарности с академиком А. Шаффом, имеющим нахальство также не согла-

шаться с «самими» Энгельсом и Лениным! «Кольман солидарен с А. Шаффом» (там же, стр. 172).

В результате поднявшейся травли Кольман был вынужден в своем заключительном выступлении унизиться до следующих слов:

«Я еще раз подчеркиваю, что в первой половине цитируемого мною положения о противоречивости механического движения Энгельс глубоко выразил диалектическую сущность механического движения, дал единственно правильное решение проблемы... Данная во второй части ошибочная формулировка является лишь исключением на фоне несметного множества безупречных высказываний Энгельса» (там же, стр. 173).

Интересно отметить, что выступая против «ошибочной формулировки» Энгельса (факт сам по себе беспрецедентный в истории советской философии), Кольман не рискнул все-таки упомянуть имя Ленина, причастного к «ошибочной формулировке» отнюдь не в меньшей степени, чем Энгельс.

IV

Но как же все-таки происходит движение? Увы, на этот вопрос мы столь же мало можем ответить сегодня, как мало мог ответить на него тот, кто впервые задумался над ним. Мы можем лишь *предполагать и гадать* в этой области, но никак не *утверждать* что-либо.

Что касается первой трудности (вещь не может преодолеть какого-либо определенного отрезка пути и какого-либо определенного отрезка времени, поскольку она для этого должна преодолеть *бесконечное* число отрезков пути и времени), то можно предположить, что этой трудностью мы обязаны *несовершенству* своего разума, в частности, своей способности мысленно *увеличивать и уменьшать* всякую сущность — будь то вещь, будь то время или пространство — *бесконечно*, тогда как нам *неизвестно*, возможно ли увеличение и уменьшение всякой сущности до бесконечности *и в действительности*.

В самом деле, нам присуща такая способность. Мы, например, раздвигаем *мысленно* границы Вселенной *до бесконечности* и на этом основании заключаем о *бесконечности* Вселенной; именно *на этом основании*, единственно на *умозрении*, а не потому, что мы подтвердили *экспериментом* бесконечность Вселенной. Мы, кстати, оказываемся при этом в трудном положении: собственный разум убеждает нас в том, что Вселенная *бесконечна*, а какой-то

внутренний голос нам говорит, что *бесконечность* Вселенной — вещь совершенно невероятная.

Мы можем мысленно увеличить биллиардный шар до размеров не только земного шара или солнца, но вообще до сколь угодно больших размеров; точно так мы можем мысленно уменьшить его не только до размеров песчинки, но вообще до сколь угодно малых размеров; мы можем мысленно увеличить вес пушинки не только до миллиардов тонн, не только до веса, какой имела бы вся материя Вселенной на поверхности, например, Земли, но до бесконечно большого веса; точно так мы можем бесконечно уменьшать ее вес и никогда не достигнем при этом нуля; мы можем мысленно бесконечно уменьшать и увеличивать запах фиалки; мы можем мысленно бесконечно увеличивать и уменьшать яркость солнца; мы можем мысленно бесконечно увеличивать и уменьшать силу чувства — неважно, ненависть это или любовь, гнев или страх — и т. д. Едва ли можно найти такую сущность, такое качество или свойство, какие мы не были бы в состоянии увеличивать и уменьшать *до бесконечности*.

Но обстоит ли дело и в действительности так, что мы можем и *физически* увеличивать или уменьшать всякую сущность *до бесконечности*, как мы делаем это *мысленно*? Обстоит ли дело так, что, например, запах фиалки или вес пушинки могут быть *физически* увеличиваемы до бесконечности?

История науки представляет нам не один пример того, что дело так как раз не обстоит, что не всё, что мы можем мысленно увеличивать и уменьшать до бесконечности, и в действительности может увеличиваться и уменьшаться до бесконечности. Еще немногим более полувека назад мы полагали, что тела не имеют предельной скорости, что скорость их может увеличиваться бесконечно; мы не видели, почему бы телу, если оно может увеличить свою начальную скорость в два, в три, в пять раз, нельзя было увеличить ее и в сто, и в тысячу, и в миллион раз — и т. д. Сегодня, однако, мы знаем, что конечная высшая скорость тел существует и знаем, какова она.

Точно так мы полагали, когда не знали природу теплоты, что температура тел может увеличиваться и уменьшаться бесконечно; мы видели, что тела могут значительно увеличивать и уменьшать свою температуру в обе стороны от 0°C , и на этом основании заключили, что они могут увеличивать и уменьшать свою температуру бесконечно. В действительности, однако, низший предел температуры — -273°C , и физики говорят также о высшем пределе, хотя и не выражают его в точных цифрах.

Эти два примера прекрасно иллюстрируют, что мы ни в коем случае не должны всегда полагаться на «здравый смысл», что законы действительности порой расходятся с законами здравого смысла; в частности, не всякая сущность, какую мы можем увеличивать и уменьшать мысленно бесконечно, может и в действительности быть увеличиваема или уменьшаема бесконечно. Кант, на наш взгляд, был абсолютно прав, когда указал нам на антиномии в нашем разуме и объяснил их таким образом, что разум имеет свои собственные законы, не всегда совпадающие с законами объективными.

Вернемся теперь к рассматриваемому нами предмету. Как следует из вышесказанного, тот факт, что мы можем делить пространство и время, какие надлежит преодолеть движущейся вещи, *бесконечно*, отнюдь не говорит о том, что так дело обстоит и в действительности. И мы особенно почувствуем это, когда пронаблюдаем, каким образом мы производим мысленно деление какой-либо сущности — например, яблока. В первые мгновенья деления мы *представляем* яблоко и *представляем* части, какие получаются от деления. Но по мере того, как эти части уменьшаются, они *исчезают* из поля нашего зрения; мы уже более *не видим* их и, продолжая деление, делим уже не *представляемую* часть яблока, но *мыслимую*. Мы при этом думаем, что если мы разделим ничтожную часть яблока, которую уже не видим, мы получим две еще более ничтожные части; если мы разделим одну из них, мы также получим две еще более ничтожные части и т. д. О том, возможно ли такое деление, мы не думаем; мы не сомневаемся в этом; мы уверены, что если от деления крупной части яблока получаются две меньших, то и от деления ничтожной части яблока должны получиться две меньших — *неважно*, что мы не можем их видеть.

Однако если мы попытаемся *физически* делить яблоко, мы очень скоро получим частицы, во-первых, далее не делимые — по крайней мере, нашими средствами; во-вторых, не имеющие ничего общего с природой яблока — они не будут иметь ни вкуса яблока, ни его цвета, ни его запаха. Мы увидим, таким образом, что *мысленное* деление имеет иную природу, нежели *физическое*, и что результаты его могут резко расходиться с результатами деления *физического*.

Если встать на ту точку зрения, что законы нашего разума не всегда совпадают с законами действительности, и признать, в частности, что пространство и время, хотя мы и можем делить их мысленно бесконечно, в действительности делимы лишь *до известного предела*, мы более уже не будем смущаться тем, что вещи при

своем движении предстоит преодолеть, с одной стороны, *бесконечное* число отрезков пути, с другой стороны, *бесконечное* число мгновений; если отрезок пути, какой предстоит преодолеть вещи, делим лишь *до известного предела*, а не *бесконечно*, он не состоит из *бесконечного* числа ничтожно малых расстояний; он состоит из суммы тех ничтожно малых отрезков, на какие мы его можем разделить; точно так и время какое надлежит преодолеть вещи, если оно делимо лишь *до известного предела*, не включает в себе *бесконечного* числа мгновений; оно состоит из суммы тех мгновений, на какие мы его можем разделить. А если так, то вещи при своем движении не должны преодолевать *бесконечное* число отрезков пути и времени; они должны преодолевать *вполне определенное число* тех и других, что они успешно и делают, как мы это постоянно видим.

Мы, разумеется, не можем вообразить такого ничтожного отрезка пути и такого ничтожного отрезка времени, какие нельзя было бы разделить еще раз, и еще раз, и еще раз; мы не видим причины, почему бы над ними нельзя было произвести такое деление. Но разве видим мы причину того, что ни одна вещь не может двигаться со скоростью, большей скорости света? Или причину того, что тела не могут иметь температуру ниже, чем 273° С?

Итак, выход из первой трудности заключается в том, чтобы признать, что пространство и время отнюдь не делимы *бесконечно*, как нам это кажется по причине особенного устройства нашего разума.

Данная точка зрения совсем не нова, и автор так подробно остановился на ней лишь постольку, поскольку он вообще задался целью обозреть возможные пути, какими мы можем воспользоваться, чтобы выйти из затруднений при попытке объяснить движение.

Что касается второй трудности (вещь не движется ни во времени, ни в пространстве, ибо постоянно пребывает в *одном мгновенье времени* и в *одном месте пространства*), то и из нее можно найти выход.

Прежде всего вспомним, что слово «существовать» имеет *два* смысла и вспомним, что мы подразумеваем, когда употребляем его в том или в другом смысле.

Совершенно очевидно, что всякая вещь существует, с одной стороны, *в настоящий миг*, с другой стороны, *вообще*. Наша Земля, например, с одной стороны, существует *в настоящий миг*, с другой стороны, *пять миллиардов лет*; столетний дуб, с одной стороны существует *в настоящий миг*, с другой стороны, *сто лет*; Москва су-

существует с одной стороны, в *настоящий миг*, с другой стороны, *восемьсот с лишним лет* — и т. д. Всякая вещь, одним словом, имеет как бы *два бытия*: с одной стороны, бытие в *настоящий миг*; с другой стороны, бытие *во времени*.

Совершенно очевидно, что *реально* вещь существует лишь в *настоящий миг*; лишь в *настоящий миг* мы можем ее видеть, осязать, обонять и пр.; в предшествующем мире ее *уже* нет, в последующем мире ее *еще* нет. Сама Вселенная *реально* существует лишь в *настоящий миг*: сколько бы ни всматривались мы в *прошлое*, мы не увидим там Вселенной; точно так сколько бы мы ни всматривались в *будущее*, мы нигде не увидим ее и там. Как бы странно ни звучало это для нашего слуха, но если мы желаем быть реалистами, мы должны признать, что все вещи, нас окружающие; все многообразие красок, цветов и форм, радующее наш глаз; все удивительные творения природы, в том числе и живые твари; небо с рассыпанными по нему звездами, солнце, льющее на нас свое благодатное тепло, деревья, цветы, камни, ручьи и океаны — все это *реально* существует лишь *один миг*, именно в пределах *настоящего мгновенья*.

Спросим себя теперь, возможно ли движение в *реально* существующей Вселенной, т. е. во Вселенной, существующей в *настоящий миг*? На этот вопрос отрицательно ответил уже Аристотель в своей «Физике», заметив, что в *настоящий миг*, являющийся как бы *границей* между *прошлым* и *будущим*, движения нет и не может быть. В самом деле, движение требует *времени*, по крайней мере, *нескольких мгновений*; даже ничтожное перемещение вещи означает, что имело место «тогда», когда вещь находилась в *том* месте, и что имеет место «теперь», когда вещь находится в *этом* месте. Как же вещь может двигаться в пределах *одного мгновенья*?

Но если вещи не могут двигаться в пределах *одного мгновенья*, а Вселенная *реально* существует лишь в *настоящий миг*, то есть как раз в пределах *одного мгновенья*, мы должны признать, что в *реальной* Вселенной *движения нет* что весь *реальный мир* — это мир *неподвижных вещей*. Не следует обвинять нас в плагиате у Платона, который также утверждал, что *реальный мир неподвижен*; Платон утверждал это совсем по другому поводу и под *реальным миром* понимал *мир идей*, который нельзя ни видеть, ни ощущать, ни обонять, который можно лишь *мыслить*; мы же понимаем под *реальным миром* тот самый мир вещей, в котором живем, перемещаемся, любим, ненавидим и пр. — словом, *существуем*.

Нам трудно поверить в то, что окружающий нас *реальный*

мир абсолютно неподвижен; органы чувств свидетельствуют нам как будто об обратном — мы видим кипучую жизнь вокруг себя: мы видим мчащиеся автомобили, перемещающихся пешеходов, деревья, качающиеся от ветра, и т. д. И тем не менее мы должны признать, что это так, что *реальный мир абсолютно неподвижен*.

Что же касается показаний наших органов чувств, свидетельствующих как будто, что все вокруг нас — жизнь и движение, но не смерть и покой, то легко можно показать, что чувства обманывают нас. Вспомним опыт с горящей папиросой, которая, при быстром ее вращении, создает у нас впечатление замкнутого огненного круга. *Зрение* убеждает нас в данном случае, что огненный круг существует в *действительности*; *разум* же убеждает нас в том, что в действительности существует лишь *огненная точка*, а *огненный круг* существует лишь в *нашем сознании*. Ошибка зрения в данном случае происходит оттого, что образ огненной точки, закрепленной за каким-то местом в пространстве, исчезает из нашего сознания *не столь же скоро*, как исчезает из действительного места действительная огненная точка; образ её сохраняется в нашем сознании еще на некоторое время. А коль скоро так, то быстрым вращением огненной точки мы добиваемся того, что все ее образы, запечатленные в нашем сознании, не успевая исчезнуть, постоянно возобновляются, и мы получаем вследствие этого впечатление огненного круга. Будем мы вращать папиросу несколько медленнее, и целостность огненного круга нарушится: значительная часть его не успеет возобновиться в нашем сознании.

Точно так объясняется и иллюзия движения, которое мы как будто видим вокруг себя: мы видим предмет движущимся лишь постольку, поскольку его образ, запечатлеваясь в нашем сознании на некотором фоне, не исчезает из него столь же скоро, как действительный предмет покидает свое место; он сохраняется у нас в сознании еще некоторое время, и к нему прибавляются его новые образы, в результате чего мы получаем впечатление, что видим *движущееся тело*. Мы как бы улавливаем в *едином акте познания* данный предмет *во многих его положениях*, хотя реально он занимает при этом лишь *одно* из этих положений.

Мы увидели бы реальный мир таким, каков он есть в действительности, то есть *неподвижным*, лишь в том случае, если бы наше сознание потеряло способность *сохранять* на некоторое время свои впечатления и отражало бы лишь то, что *реально* имеет место вне нас. В этом случае, оглядевшись вокруг, мы не увидели бы ни мчащихся автомобилей, ни передвигающихся пешеходов, ни стремительно проносящихся над нашей головой птиц; мы увидели бы

автомобили, *застывшие* на одном месте; мы увидели бы пешеходов, также *застывших* на одном месте в странных позах; мы увидели бы птиц, *неподвижно повисших* над нашей головой.

Прodelать какой-либо опыт над своим сознанием, чтобы лишить его способности сохранять свои впечатления и, таким образом, увидеть реальный мир таким, каков он есть, мы, к сожалению, не можем. Однако мы можем заменить его родственным опытом: мы можем замедлить движение некоторых вещей до такой степени, чтобы образы их исчезали из нашего сознания значительно раньше, чем новые образы присоединились бы к ним, и в этом случае мы увидим данные вещи *неподвижными*. Такой эффект как раз имеет место, например, когда мы смотрим на стрелку часов. Она движется, но нам кажется неподвижной, ибо вследствие медленности ее движения наше сознание бессильно уловить ее во многих положениях в едином акте познания.

Итак, *реальный* мир неподвижен. Но движение, разумеется, есть, хотя происходит оно не так, как мы это представляем, доверяясь показаниям зрения и других чувств. Присмотримся внимательно к движущейся вещи, например, к брошенному камню. Камень постоянно занимает одно место в пространстве, *равное его объему*. Именно в том месте, какое он занимает, он и существует *реально*, ибо более мы нигде не можем его увидеть — ни в той части пространства, которую он уже преодолел, ни в той части пространства, через которую ему еще предстоит двигаться. И *реально* существующий камень неподвижен, ибо занимает пространство, *равное его объему*. Но мы увидим, что тот же камень *движется*, если сосредоточим внимание на его существовании *во времени*. В самом деле, хотя в *настоящий миг* камень всегда *неподвижен*, за некоторое время он всегда преодолевает какое-то пространство. Неважно, мало или велико это время; если оно мало, он перемещается на небольшое расстояние, если оно велико — на большое.

Также, например, и дерево, качающееся от ветра, хотя оно и кажется нам движущимся в *настоящий миг*, в действительности занимает в *настоящий миг* одно из многих своих положений, в каких поочередно находится на протяжении некоторого времени и следовательно, *покоится*; *реально* существующее дерево *покоится*; но то же дерево *движется*, существуя *во времени*.

Точно так ведет себя и всякая движущаяся вещь: когда она существует *реально*, она занимает пространство, *равное ее объему*, и потому *покоится*; а *движется* она, существуя *во времени*. Если мы хотим хоть сколько-нибудь приблизиться к пониманию движения, нам совершенно необходимо отчетливо различать оба аспекта

существования вещи — ее *реальное* существование и ее существование *во времени*.

Теперь мы почти вплотную подошли к ответу, где выход из второй трудности движения. Исследователей движения постоянно смущал тот факт, что вещь в любой момент своего движения занимает пространство, равное ее объему, и как будто *покоится*; они поэтому все свои усилия сосредоточивали на том, чтобы увидеть возможность движения для вещи в данной ситуации. Увидеть это, однако, «посчастливилось» одному Гегелю. Гегель рассуждал просто: вещь при движении уже не находится в своем первоначальном месте; она не должна находиться и во втором месте, ибо это означало бы, что она *покоится*; она не должна находиться и между обоими местами, ибо это также означало бы, что она *покоится*. И выход из трудности он увидел в спасительном предположении, что вещь в один и тот же миг при своем движении и находится в некотором месте, и не находится. Между тем ему вовсе не следовало искать для вещи возможность движения; ему следовало признать тот факт, что вещь при движении постоянно *покоится* в том месте, какое занимает, как несомненный, и поискать другого пути объяснить ее движение.

Итак, решение второй трудности состоит в том, чтобы признать, что таковой трудности вовсе не существует; что вещь *действительно* покоится в любой миг своего движения, что покой этот не кажущийся; если бы, исследователи движения, пытаясь объяснить движение, помнили постоянно, что всякая вещь существует в *двух* аспектах, их не смущал бы тот факт, что вещь при движении как будто и покоится. Она действительно покоится, когда *реально* существует, но она движется, существуя *во времени*. Пытаться увидеть движущейся *реальную* вещь, как это делал Гегель, то же самое, что пытаться увидеть восход солнца на западе. Движущаяся в *настоящий момент* вещь невозможна, ибо движение требует *времени*.

Таково решение второй трудности. Не следует бояться того факта, что вещь в любой момент движения занимает пространство, равное ее объему, и потому *покоится*; не следует пытаться всеми силами навязать ей возможность движения в данной ситуации; бессмысленно стараться *растянуть* вещь в пространстве в пределах ее *реального* существования; она без нашей помощи *простирается* в пространстве, используя для этого свое существование *во времени*.

Третью трудность (вещь не имеет возможности движения между двумя местами, поскольку она *покоится* в каждом из них)

можно если и не объяснить, то, по крайней мере, прокомментировать так, что у нас появится надежда на то, что когда-нибудь мы ее объясним. Эта трудность, между прочим, самая серьезная из трех.

Прежде всего очевидно, что объяснить перемещение вещи из одного места в другое затруднительно потому, что мы не можем представить *ближайшего* места, чем мы обязаны своей способности *делить бесконечно* пространство и время. Мы не можем указать некоторое будущее место вещи как ее *ближайшее* место, ибо мы можем представить между этими двумя ближайшими местами *еще одно*; в свою очередь, мы можем представить между этим последним местом и первоначальным местом вещи *еще одно* место и т. д. Как видим, способность нашего разума к бесконечному делению всякой сущности вредит нам и в данном случае.

Можно, однако, высказать некоторые замечания, внушающие надежду, что и перемещение вещи из одного места в другое, ближайшее, будет когда-нибудь нами объяснено.

Спросим себя, что, собственно, движется, когда мы видим какой-либо движущийся предмет: сам предмет или что-то другое? Что движется, например, когда мы видим мчащийся автомобиль? Зрение свидетельствует нам, что движется автомобиль и ни что другое; но если мы обратимся за ответом к разуму, он нам подскажет, что самого автомобиля *как сплошного тела* в действительности не существует; что существует масса подвижных частиц, разделенных громадными расстояниями и составляющих в совокупности своей автомобиль, и они именно движутся, а нашему зрению, бессильному различить их, кажется, что движется некое сплошное тело, называемое автомобиль. Точно так, когда мы смотрим на громадную стаю птиц, находящуюся от нас далеко, мы видим темное движущееся пятно, тогда как такого пятна в действительности нет, а есть масса маленьких тел, которые движутся приблизительно в одном направлении.

Что же нам следует объяснять: движение автомобиля или движение частиц, из каких он составлен? По-видимому, то движение, какое имеет место в действительности, а не то, какое нам кажется имеющим место. Бессмысленно объяснять, как изменяет свое положение автомобиль; следует объяснить, как изменяют свое положение миллиарды маленьких частиц. Но попытка сделать это сегодня несколько преждевременна, поскольку мы еще не знаем достаточно хорошо природы этих частиц: они как будто и частицы, они как будто и волны. Когда мы узнаем их природу достаточно

хорошо, тогда нам только можно будет пытаться объяснить, как они **движутся**.

Таковы замечания, какие мы хотели сделать по поводу третьей трудности. Очень важно отдавать себе отчет в том, что *нигде в природе* не имеет места движение *сплошного твердого тела*; попытка объяснить движение такого тела может оказаться столь же бессмысленной, как попытка увидеть возможность движения для тела в тот момент, когда оно *реально* существует.

Мы не берем на себя смелость объявлять это рассуждение истиной в последней инстанции, но мы почти уверены, что разгадку движения следует искать в микромире, в частности, в странном свойстве элементарных частиц быть, с одной стороны, частицами, с другой — волнами.

Все, что было сказано по поводу трудностей второй и третьей в отношении движения *в пространстве*, в равной степени относится и к движению *во времени*; мы не рассматривали специально в этих двух случаях движения *во времени*, стремясь избежать повторений.

Подведем итоги.

Мы указали в первой части статьи на три главные трудности, с какими сталкиваются исследователи движения. Во второй части мы показали, каким образом пытался найти выход из этих трудностей Гегель и показали, что, избавив нас от второй и третьей трудностей, Гегель поставил нас перед новой трудностью, значительно более серьезной, чем та и другая трудность вместе взятые. В третьей части мы указали, в чем ошибка Гегеля; мы указали на противоречие в его концепции: с одной стороны, Гегель отрицает за движущимся телом возможность находиться в одном месте пространства, с другой стороны, он признает за ним возможность находиться в одном мгновенье времени, тогда как движение *во времени* представляет для нас точно такую же загадку, как и движение *в пространстве*, и объяснять то и другое движение мы должны *одинаково*. В четвертой части мы сделали попытку указать примерные пути, какими надлежит следовать в поисках решения проблемы движения.

Заметки. Письма. Отклики

Мы открываем новый отдел, который надеемся, будет пользоваться благосклонным вниманием наших читателей. Потребность в нём назрела, и уже давно редакция была преисполнена желанием начать разговор с читателем и разговор читателей между собой. Осуществление этого желания откладывалось от номера к номеру по причинам, объективно, может быть, и не столь существенным, но для редакции весьма важным. Материальные трудности, с которыми постоянно борется журнал, проистекающие отсюда технические трудности, отсутствие редакционного аппарата — всё это мешает осуществлять творческие планы, от недостатка которых редакция не страдает. Однако, один из замыслов мы, всё же, начиная с этого номера, осуществляем. Надеемся, что и другие замыслы редакции в ближайшем будущем будут реализованы. Существенную помощь нам могут оказать наши друзья и читатели всячески содействуя распространению журнала, повышению его тиража.

Редакция

Переписка с друзьями

Переброска нашего журнала в Россию — трудная задача. Надо преодолевать полицейские рогатки на границе, свирепствующую кагебистско-почтовую цензуру. Одно из технических препятствий — объем журнала. Несмотря на это, экземпляр за экземпляром попадает к читателю в России.

Но чтобы ознакомить больший круг людей с нашим журналом, мы решили создать специальное издание. Это — «Переписка с друзьями журнала Г р а н и». На восьми страничках почтового формата, мелким шрифтом, на тонкой бумаге печатаются выдержки из отдельных произведений, статей, опубликованных в журнале. Дается содержание каждого вышедшего номера журнала. Публикуется информация о важнейших явлениях культурной жизни в России и за границей. Это специальное издание, которое мы сокращенно называем — «Переписка с друзьями», посылается

в Россию по почте, из разных стран мира. Адресаты в России — писатели, артисты, художники, ученые и другие деятели культуры, студенческая молодежь.

Отправка «Переписки с друзьями» в Россию производится силами друзей нашего журнала. Десятки читателей откликнулись на наш призыв — помочь в распространении, в популяризации «Граней» в России. Но далеко не все возможности исчерпаны. А, тем более, не удовлетворены все нужды. Так, например, один московский писатель (его письмо мы поместим в следующем номере «Граней») требует, что бы «Переписка с друзьями» рассылалась всем членам Союза Писателей. А их — шесть тысяч человек!

Поэтому мы снова обращаемся к нашим читателям и друзьям с призывом помочь увеличить отправку «Переписки с друзьями» в Россию. Каждый, кто готов откликнуться на этот призыв, может получить в редакции все нужные справки, материалы для ознакомления, советы. Это очень простое, нетрудоемкое дело: вложить в конверт очередной выпуск «Переписки с друзьями», надписать адрес, наклеить марку и бросить письмо в почтовый ящик. Чем большее число читателей «Граней» возьмут на себя такую обязанность, тем легче технически и материально вести эту работу. Чем из большего числа мест и от большего числа людей будут идти письма в Россию, тем больший процент их пройдет через цензуру.

О результатах этой работы, об откликах на нее мы будем регулярно сообщать в каждом номере «Граней».

Мы пользуемся случаем поблагодарить всех, кто уже откликнулся на наш призыв и посылает «Переписку с друзьями» в Россию.

Отклики советских писателей на „Переписку с друзьями“

Специальное издание журнала «Грани» — «Переписка с друзьями» — вызывает отклики. Их довольно много. Приходят они от читателей, которые никогда не видели нашего журнала, судят о нем только по специальному изданию; приходят и от тех, кому в руки попадали отдельные номера журнала; приходят и от писателей. На некоторых писательских откликах мы и остановимся в этот раз.

Мы выбрали три письма. Первое из них, от мордовского писателя Е. И. Пятая из Саранска, было опубликовано в «Перепис-

ке с друзьями» вместе с ответом редакции. Два других, от Б. Непейна (Вологодское отделение Союза Писателей) и от Б. Бурлака и А. Рыбина (Оренбургское отделение СП), публикуются впервые. Мы снабжаем их небольшим редакционным примечанием.

ПИСЬМО Е. И. ПЯТАЯ

Господа из журнала «Грани»!

Я получил Ваше так называемое письмо № 8 от апреля 1963 года. Долго же Вы раздумывали, пока догадались обратиться и ко мне. Обычно, когда русский человек получает письмо, он в своем ответе выражает сердечную благодарность и признательность автору. А я не могу Вас отблагодарить за грязную «Переписку с друзьями» Вашего журнала. Мне, признаться, просто жаль Вас, как мелких и непорядочных людишек занимающихся столь неблаговидным ремеслом и ставших на такой подленький путь «общения людей друг с другом». Неужели Вам нечем больше заниматься? Неужели у Вас нет более важных дел, кроме такой переписки? Я даже жалею минуты, потраченные на то, чтобы прочесть Вашу стряпню и хотя бы кратко ответить на Ваш вызов.

Извините, что я, в целях экономии времени, не пользуюсь машинкой, а пишу от руки. А почерк у меня не важнецкий. Но, как говорят, любишь кататься, люби и саночки возить. Иначе сказать: если любите письма рассылать, то потрудитесь и ответы читать.

Прежде всего, должен сказать, что вся эта Ваша «переписка» вызвала во мне чувство глубокого негодования и возмущения. Ведь просто нетактично и неприлично врываться в чужую квартиру без спроса и разрешения. А Вы так и поступаете, направляя экземпляры «переписки» советским людям. Как это могли Вы так низко пасть, чтобы выискивать адреса советских граждан и направлять им гнусную мазню, отпечатанную, видимо, большим тиражом. Надо полагать, что это «сочинение» Вы отправили не только мне, но и другим. Только я очень уверен, что Вы не дождетесь желаемых результатов. Каждый, кто получит Ваше письмо, просто посмеется над Вами и еще раз убедится — до чего опустились, до чего докатились Вы, господа, в своей звериной ненависти ко всему советскому. И, конечно же, мало найдется таких, кто пожелал бы ответить Вам. У меня тоже не было никакого намерения завязывать переписку с Вами. Но, в конце концов, решил кое-что сказать. Я совершенно не собираюсь вступать с Вами в полемику и подробно высказать свое отношение ко всему тому, что нагородили Вы и Ваш Левицкий. А скажу я Вам вот что.

Как бы Вы не бесновались, какие бы грязные приемы борьбы против Советского Союза не предпринимали, как бы ни пытались повлиять на умы,

на убеждения советских людей, — Вы не сможете предотвратить неумолимый ход событий. Не повернуть Вам вспять колесо истории.

У меня нет лишнего времени и какого-либо желания, чтобы подробно останавливаться на каждом положении Вашего письма и очерка Левицкого, чтобы опровергнуть все Ваши измышления и философский бред.

Как мне кажется, философские воззрения Левицкого приводят Вас в телячий восторг. Ну что ж, читайте сами эту нищету философии, тени прошлого. Что касается меня, то прямо скажу — не нуждаюсь я в такой идейной пище. Уж если мне нужно знать историю русской и современной советской литературы, то я предпочитаю иметь дело с Белинским, Чернышевским, Добролюбовым, Писаревым, Плехановым, Горьким, Луначарским, Воронским и другими подлинными теоретиками литературы прошлого и настоящего. Вся религиозно-мистическая гнилая «философия» Левицкого чужда мне, как и любому советскому человеку.

Свой так называемый очерк Ваш покорный слуга Левицкий назвал так: «Заживо погребенный век». Это меня ничуть не удивляет. Что иное он мог сказать? Но куда лучше и вернее было бы, если бы он свой очерк назвал: «Заживо погребенный человек», имея в виду себя. Наш век здравствует и процветает, а ваш живущий за границей «философ» Левицкий действительно «заживо погребен» в грязное болото антисоветской лжи и клеветы. Он отравил себя собственным ядом ненависти к тем, кто живет, борется и побеждает под великим знаменем марксизма-ленинизма. Мы достаточно знаем о левицких и им подобных, получающих жалкие подачки от своих хозяев. Они готовы на всякую омерзительную пакость, лезут из кожи вон, чтобы быть и «философами», и «экономистами», и кем угодно, лишь бы угодить своим хозяевам.

Вы и Ваш Левицкий пытаетесь доказать, что лучше всех знаете историю русской и советской литературы, что Вы обеспокоены ее судьбами, современным состоянием и т. д. и т. п. Но позвольте спросить Вас, господа: где же Ваша объективность? Ведь вся проповедь Левицкого — это, по меньшей мере, клевета. В ней нет ни грамма правды (я уже не говорю о многом другом, что можно было бы сказать по поводу этого очерка и Вашего к нему предислания. Уж мы как-нибудь сами, без Левицкого и без Вашей помощи, в состоянии разобраться в нашем большом многонациональном литературном хозяйстве. Зачем Вы вмешиваетесь в это дело? А уж если вмешиваетесь, то давайте так скажем: если бы Вы были серьезными людьми, ревностными любителями и ценителями русской и советской литературы, то Вы имели бы полную возможность, спокойно и непредвзято читая наши газеты и журналы, убедиться, как советские люди сами оценивают литературные явления, как они смело высказывают свое отношение к тому или иному произведению, как критикуют недостатки и от-

мечают достоинства книг, как они решают тот или иной литературный спор. У нас на всех языках народов СССР издается много книг. Не все они равнозначны по своим идейно-художественным достоинствам. Но успехи, расцвет многонациональной советской литературы неоспоримы, господа, что бы там не брехали. Советские люди любят книгу и у каждой книги есть свои читатели. Многим, например, нравится повесть «Один день Ивана Денисовича». А мне она не нравится. Слабое, беспомощное произведение. Но это мое личное мнение. Другие могут думать иначе. Каждый из нас знает, что ему читать. Свою литературу, своих писателей мы знаем лучше, чем, скажем, люди запада знают о своей литературе и писателях. Больше того, мы и западную литературу знаем и ценим не хуже Вас, господа. А что касается того, чьи произведения читают советские люди, то это, мне кажется, личное дело каждого. Если я, например, творчество Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Некрасова, Тургенева, Толстого, Чехова, Горького, Достоевского, Лескова, Блока, Шолохова, Фадеева, Есенина, Байрона, Бальзака, Гюго, Флобера, Гете, Гейне, Драйзера, Лондона и многих, многих других предпочитаю творениям Сологуба, Гумилева, Андрея Белого, Мережковского и иных — то это уже дело моего вкуса. Зачем Вы пытаетесь свои вкусы навязывать другим? У каждого человека, у каждого народа есть свои идеалы, эстетические взгляды и убеждения. Никакой Левицкий не убедит меня читать такие произведения, которые мне не нравятся. Неужели Вы, люди так называемого «свободного мира», не можете понять такой простой истины? А еще болтаете о свободе слова, совести, взглядов, убеждений, мнений и т. д.

Нет, господа, Вы не о судьбах русской литературе печетесь. Вы в своей дикой ненависти ко всему советскому запутались и сами с головой выдаете себя. Поймите, что мы давным давно разгадали и знаем Вас до самых мелочей и поэтому напрасны все Ваши потуги ввести нас в заблуждение. В оценке литературных, философских, экономических, политических и иных явлений мы разберемся без Вас и Ваши «добрые услуги» в этом нам не нужны.

На Западе много пишут и говорят о свободе творчества, при этом стараются кого-то убедить, что советские писатели пишут по социальному заказу. Нет, это неправда. Советские писатели живут одной жизнью, одними мыслями и чувствами со своим народом, они создают произведения для многомиллионного народа и пишут о том, что им близко и дорого, что волнует и радует их. Они пишут по велению своего сердца. И если это Вам не нравится, тем хуже для Вас. У нас существует подлинная свобода творчества. Но эту свободу мы с Вами не одинаково понимаем. Вы считаете свободой творчества служение горстке империалистов, а мы — служение миллионам, служение народу.

В своем послесловии к очерку Левицкого Вы пишете, что в № 52 Вашего журнала «Грани» был опубликован подпольный литературный журнал московской молодежи «Феникс» и что это — «один из многочисленных подпольных журналов, распространяющихся сейчас по России». Врите, господа, да знайте же меру. Не смещайте людей. Вам, конечно, хотелось выдать это за истину. Ведь есть старая русская поговорка: «Кто о чем, а вшивый все про баню». Так и Вы, господа. Уж если по России и распространяются «подпольные журналы», то это ни что иное, как экземпляры Вашей переписки и другие антисоветские фальшивки. Но вся эта грязная работа не имеет ни малейшего отношения к московской и всей советской молодежи.

Вы приводите стихотворные слова из своего «Феникса». Я напому их:

Пишите Правду, чтобы слово жило;
чтоб под вуалью покрывала
мысль, закрученная, как пружина,
Вдруг прикоснувшихся —
Убивала.

До чего же Вы обеднели, господа, если прибегаете к такой безграмотной стряпне! Что общего эти слова имеют с поэзией? Это — бред психически ненормального выродка. Вот они, Ваши мастера слова! Не завидую Вам! Еще раз только хочу сказать: жаль Вас, господа. Вы просто духовные уроды. У Вас нет ни вкуса, ни элементарной порядочности. Вы просто беснуетесь в своей беспомощности и ненависти к нам. Если не найдете в себе мужества признаться в этом, то Вы — законченные негодяи.

В Вашем письме есть слова: «Победит духовно возродившийся человек, творящий свободным умом и душой». Да, это так. С этим можно согласиться. Это положение подтверждено всем развитием советского государства и советской литературы. Октябрьская революция дала нашим народам подлинное духовное возрождение и эти народы побеждали и побеждают, творили и творят свободным умом и душой. Ведь если бы Вы были мало-мальски объективными, то не стали бы отрицать величайшие победы и завоевания советского народа. Но то, что радует и вдохновляет нас, — приводит в бешенство Вас.

Каждый народ сам творит свою историю и счастье. Мы, советские люди, первыми в мире создали настоящий свободный мир, мир братства и дружбы народов, мир счастья и радости людей, мир развития и процветания талантов. Этому Вы могли бы позавидовать, если бы не Ваша ненависть к нам, нашим успехам.

Вы прислали свое письмо № 8 и ко мне, как к советскому писателю. Вы обо мне ничего не знаете, кроме моего литературного псевдонима, найденного Вами, видимо, в справочнике Союза писателей СССР. Поэтому коротко хочу сказать о себе.

По национальности я мордвин и пишу на родном языке. А великий русский язык стал моим вторым родным языком.

Несмотря на всю Вашу так называемую свободную осведомленность, вряд ли Вы что-либо знаете о моем мордовском народе, его культуре и литературе. В дореволюционной России мордовский народ был одним из самых отсталых в экономическом, политическом и культурном отношениях. Он не имел даже своей письменности. Ему запрещалось разговаривать на родном языке. После Октябрьской революции мордовский народ получил настоящее национальное возрождение и полное равноправие в дружной братской семье советских народов. Уже в первые годы советской власти в Москве, Саратове, Пензе, Ульяновске и других городах страны стали издавать первые на мордовском языке газеты, журналы, книги. Мордовские дети стали обучаться на родном языке. С каждым годом растут тиражи наших периодических изданий и книг. У мордовского народа есть своя автономия, своя литература, свое искусство. Он имеет свой университет, пединститут и многие другие высшие и средние учебные заведения, где, наряду с многочисленными дисциплинами, изучаются мордовский язык и литература. Мордовская молодежь учится так же в высших учебных заведениях Москвы, Ленинграда, Киева, Горького и других городов.

Мордовская литература зародилась в годы советской власти и за несколько десятков лет она стала зрелой литературой. Имена многих наших писателей известны далеко за пределами мордовской автономной советской социалистической республики. Произведения Н. Эткая, А. Куторкина, К. Абрамова, Я. Понясова, А. Мартынова, М. Бебана, Т. Кирдяшкина и многих других издаются не только на родном языке, но и в переводах и в Москве, Ленинграде, на Украине, в Белоруссии, в Таджикистане, в Чувашии и во многих других союзных и автономных республиках.

А как прекрасно звучат мордовские песни и другие музыкальные произведения в концертных залах, со сцены мордовского музыкально-драматического театра, с эстрады, по радио и телевидению! У нас есть свой ансамбль песни и пляски. Есть свои национальные пьесы и оперы. Есть своя живопись. Есть свой радио-телецентр. Разве можно рассказать обо всем! Я уж не говорю об экономическом процветании моей родной республики.

Все это следовало бы изучать и знать Вам, господа, вместо того, чтобы заниматься фальсификацией фактов. Тогда бы вы по иному стали относиться к советской действительности. И стали бы знать, что означают приведенные в Вашем письме слова о том, что победит духовно возродившийся человек. Будьте объективными и Вы тогда поймете, что таким духовно возродившимся человеком является советский человек, что это он победил, побеждает и будет побеждать, несмотря на все Ваши козни.

Вы много клеветаете на Советский Союз и его народы. Этой клеветой

переполненно и Ваше письмо с очерком Левицкого. Что можно сказать в связи с этим?

А вот что: собака лает — ветер уносит. Или еще: собака лает, а караван движется вперед.

Вот, пожалуй, и все, господа. Не обессудьте, если что не так сказано. Как сумел, так и ответил. Конечно, можно было бы сказать еще больше. Но зачем? Ведь Вы все равно не прочтете даже эти страницы. Потому что они против Вас, против Вашей грязной затеи.

26. 5. 64, Саранск.

Эм. Пятай,

член Союза писателей СССР

ОТ РЕДАКЦИИ:

Нижеприведенный ответ Е. И. Пятаю послан ему лично и опубликован в одном из номеров «Переписки с друзьями» журнала «Г р а н и».

Емельян Иванович!

Подтверждаем, что Ваше письмо было нами получено и прочтено. Не скроем, что от такого длинного письма можно было ожидать большего. К сожалению, вместо аргументированного разбора полученного Вами восьмого номера нашей «Переписки с друзьями» и помещенной в ней статьи С. Левицкого «Заживо погребенный век», Вы употребили свое время на повторение обычных в официальном жаргоне выпадов и штампов. Думаем, Вы согласитесь, что продолжать переписку в стиле начатой Вами перебранки — затея бессмысленная и недостойная. Стоит, однако, остановиться на некоторых нелогичностях и неточностях в Вашем письме.

Вы правильно указываете, что выбор книг для чтения — «личное дело каждого», и выбор любимых авторов — дело личного «вкуса». Мы с Вами согласны, что вкусы регламентировать нельзя. И, если продолжить эту мысль, то надо придти к выводу, что Вам Левицкий может не нравиться, но это отнюдь не исключает, что кому-то другому он будет по вкусу. А если так, то и полностью оправдано распространение его и подобных ему авторов и произведений. Однако как раз тут Вы делаете весьма нелогичный скачок. Говоря сперва о своих личных вкусах, Вы их потом обобщаете и начинаете расписываться уже за всех остальных, как например: «Каждый, кто получит Ваше письмо, просто посмеется над Вами», или «Вся религиозно-мистическая гнилая «философия» Левицкого чужда мне, как и любому советскому человеку». Возможно, что Вам не известно, что именно на эту «гнилую философию», представленную Соловьевым, Бердяевым, Лосским и др., довольно большой спрос в среде нашей интеллигенции. Но глав-

ное, Вам остался непонятен смысл свободы мнения, слова, совести, убеждений. Иначе Вы бы ощутили, что в ее основе как раз лежит высказанное Вами же требование о первенстве личного вкуса над регламентацией. Такая свобода предполагает спор, но спор по существу и без предвзятости. Познание может быть только свободным и достичь его можно только в свободном поиске и в соревновании различных мнений.

В связи с этим вопросом Вы упоминаете произведение А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», указывая опять, что Вам лично оно не нравится. Что ж, это дело Вашего литературного вкуса. Но Вам будет трудно оспаривать тот большой резонанс, который вызвали его произведения у читателей, посчитавших Солженицына одним из лучших современных писателей. Это легко определить, читая «объективно» (как Вы требуете) советские газеты и журналы. Ведь на их страницах нашла отражение страстная защита Солженицына и его произведений, показавшая, что тяга и желание свободы мнения и слова в нашей стране усиливается. Если А. Солженицыну не дали Ленинской премии, то отнюдь не из-за мнений читателей, а вопреки им.

Неправильно и Ваше толкование свободы творчества. Вы утверждаете, что не может быть свободы творчества, когда служишь «горстке империалистов». Зато она полностью осуществляется в служении «миллионам, в служении народу». Разрешите Вам указать на то, что Вы совмещаете два несовместимых понятия. Вопрос не в том, что при одном служении нет свободы творчества, а при другом она осуществляется. Вопрос в том, что «служение» вообще исключает свободу творчества, превращая ее из ценности духовной в своеобразное «орудие производства», из цели в средство. Свобода творчества — это не «служение» внешним, не связанным с искусством, силам, а свободное развитие творческих сил, направленное на свободное познание Истины, Добра и Красоты. У нас в стране свободу творчества насильно хотят подчинить «служению миллионам». В результате писатели гибнут от насилия системы, которая тоже «служит миллионам». Достаточно упомянуть имена Мандельштама, Пильняка, Корнилова, Заболоцкого или Пастернака. Трудно утверждать при таком положении, что наша культура обогатилась духовными ценностями, или доказывать, как Вы это делаете, что с Октябрьской революцией пришел уже «духовно возродившийся человек».

Что же касается «завоеваний советского народа», о которых Вы пишете, думаем Вы сами откажетесь приписывать к ним сталинские и современные лагеря, насильственное переселение целых народов, как это было с калмыками, ингушами, крымскими татарами, или вечный сельскохозяйственный кризис. Для народа — это горе. Но может Вы посчитаете это завоеванием и победой системы?

Нас немного удивило Ваше ограниченное знание фактического положения с распространением иностранной литературы в нашей стране. Вы дали довольно большое перечисление известных Вам имен, закончив его Драйзером и Лондоном. А где же имена более современных и бесспорно талантливых писателей? Этим Вы фактически опровергли свое же утверждение, что у нас иностранную литературу знают и ценят больше чем на Западе. Ведь только несколько лет тому назад В. Некрасов (один из самых наших культурных писателей) откровенно признался, что он не только не знал произведений Кафки, но и имя этого автора было ему неизвестно. Теперь начали переводить Кафку. Переведен Ст. Экзюпери и переводится Г. Бёль, но зато А. Камю по-прежнему остается неизвестен нашим читателям. Ведь даже лучшая книга Хэмингуэя «По ком звонит колокол» до сих пор еще не вышла. Согласитесь, что при таком положении трудно знать, как на самом деле развивается мировая литература.

Немного странным оказался и Ваш перечень авторов, по которым Вы знакомитесь с историей русской и современной советской литературы. Вы его заканчиваете Воронским! Если Вы этим хотите сказать, что во времена Сталина литературоведение, как и все области искусства и науки, переживало период творческого удушья, тогда это понятно. Однако в таком случае Вам надо было бы указать на те поиски обновления, которые наблюдаются как раз в области литературоведения в наше время.

Вы ошибаетесь, предполагая, что мы ничего не знаем о Вашем народе, его прошлом и настоящем. Мордовский народ всегда был равноправным братом в семье российских народов, а его территория — частью общей нам всем России. Как русским, нам просто было бы трудно ничего не знать о Вашем народе. И нам хотелось бы указать на некоторые неточности и упущения, которые Вы допустили, рассказывая о мордовской культуре.

Конечно, никогда и до революции не было такого положения, когда запрещали говорить на мордовском языке. Интеллигенция стремилась говорить по-русски, но мордовский язык оставался родным и на нем говорил Ваш народ. В то же время и до революции мордовские студенты были в университетах России, откуда бы иначе появились в дореволюционный период мордовские врачи, учителя, инженеры? Они учились в российских университетах, доступных всем народностям страны. Была и мордовская письменность. Были издания на мордовском языке, как например изданные различными Земствами брошюры на мордовском языке по сельскому хозяйству, гигиене, или научно-популярные брошюры. Казанская Духовная Академия издавала на мордовском языке книги религиозного и светского содержания. Жаль, что Вы не упомянули имени большого мордовского ученого этнографа — Макара Евсевьевича Евсевьева, умершего в 20-х годах, но проводившего свои научные работы, главным образом, до револю-

ции. Может Вы не знаете, что он собирал и публиковал мордовский фольклор, давая в своих публикациях параллельно мордовский текст и русский перевод. Он имел много последователей и помощников среди мордовской интеллигенции еще до революции. Его коллекции хранились в Музее антропологии и этнографии Казанского университета и в Казанском городском музее. Потом эти коллекции были переданы в Саранск.

В своем письме Вы должны были признать, что наша «Переписка с друзьями» распространяется по России. Это нам известно. Мы рассылаем наше издание регулярно писателям, а дальше его передают из рук в руки. Недавно мы получили новое подтверждение, что наша «Переписка» широко известна в Москве, ее передают друг другу для прочтения, ищут недостающие номера. Нам также стало известно, что «Переписка с друзьями» завоевала себе моральный авторитет. Ее знают не только в писательской среде, но и в других слоях интеллигенции.

Высказанная в Вашем письме точка зрения сближает Вас с той группой писателей, которые не могут или не хотят отказаться от узости мышления и догмопочитания, возвращенных в них во времена Сталина. Однако существуют и другие писатели, литературоведы, критики, которые стремятся вернуть нашей литературе свободу поисков и выражения, творческую независимость. Как раз в этой среде остро поставлен вопрос о будущем нашей культуры и высказанные в писательской среде мнения представляют для них особый интерес. Поэтому мы решили довести до сведения наших свободомыслящих писателей и читателей содержание нашей переписки, опубликовав ее в одном из наших изданий. Предполагаем, что и Вы заинтересованы в том, чтобы Ваше мнение стало как можно более широко известно.

4. 9. 64

От редакции журнала «Г р а н и»
Е. Михайлов

ПИСЬМА ИЗ ВОЛОГДЫ И ОРЕНБУРГА

1.

В редакцию журнала «Грани».

Я прочитал ваше письмо, полученное Вологодским отделением Союза советских писателей. И вот что хочу сказать в ответ: ваша грязная писанина, неуважаемые господа, попала сюда явно не по адресу!

Письмо претенциозно озаглавлено: «Переписка с друзьями». Это где же вы нашли себе «друзей»? Их нет и не может быть! Ни одному честному советскому человеку не по пути с жалкой кучкой эмигрантских отщепенцев,

которые, как известно, давно уже перешли всякие «границы» клеветы и злопыхательства на свою бывшую Родину.

Ваш с позволения сказать «журнал» (а точнее — подзаборный листок) пишет о какой-то якобы, «трагедии культурной жизни в СССР».

Вот уж, действительно, как говорится — с больной головы на здоровую!

Это там у вас, на Западе, — трагедия культурной жизни. В Советском же Союзе, наоборот, величайший расцвет социалистической культуры, искусства, науки, народного образования. Эти факты общеизвестны. Никаких доказательств не требуется.

В своих критических «опусах», надергав цитат, вырванных из контекста, сознательно исказив их социальный смысл, вы хотите опорочить советского писателя Ефима Дороша, приписывая ему несуществующие реакционные тенденции. Не выйдет!

Автор талантливо написанных очерков, в которых сегодняшний день советской деревни художественно показан в контрастах и противоречиях, в переплетении нового со старым, Дорош, разумеется, никогда и ни в какой степени не был и не будет вашим идейным единомышленником.

Вы спекулируете именем поэта Бориса Пастернака, претендуя на роль каких то «защитников» его. (От кого же? — От советской литературной критики?).

Мы по достоинству оцениваем Пастернака — лирика, мастера русского пейзажа. В ряде его поэм и стихотворений запечатлены революция и новая советская действительность. Многие стихи Пастернака наполнены содержанием, нужным и близким советским людям.

Заслуженная дань отдается нами и Пастернаку — переводчику. Но мы не можем принять его романа «Доктор Живаго», как антипатриотического и реакционного.

Мы сами, без всякого вашего непрошеного вмешательства, в состоянии прекрасно разобраться во всех вопросах развития советской литературы. Мы хорошо знаем и по праву ценим свои достижения, умеем вскрывать и исправлять ошибки и недостатки.

У нас достаточно возможностей для того, чтобы глубоко, по-деловому, обсуждать в товарищеской среде все творческие проблемы. Мы можем делать и делаем это в свободных дискуссиях в наших писательских организациях, на страницах многочисленных литературных изданий, на семинарах и совещаниях, конференциях и съездах.

Нам совсем не к чему пользоваться для этого «услугами» вашего грязного и подпольного изданийца которое — как вы указываете — рассчитано, якобы, на какие-то «широкие круги в стране».

Да где они?!!

Оглянитесь! Вы же отстали от жизни по меньшей мере лет этак на... пятьдесят!

Уместно спросить вас, пользуясь стихами Пастернака:

«Какое, милые, у нас
Тысячелетье на дворе?»

(Эти строчки, кстати сказать, взяты из книги «Сестра моя жизнь», о которой вы упоминаете и они, видимо, вам знакомы!).

Как известно, у нас на дворе — новая, Октябрьская эра, далеко отбросившая вспять все ваши представления о России и русских людях.

Я пишу сейчас эти строки. А из раскрытого окна доносится радостный, неумолчный гул летнего июльского дня. Это шумит бодрая, молодая и счастливая жизнь. Весело и беззаботно играют дети, проходят их матери и отцы — простые трудовые люди. Они выращивают хлеб и варят сталь, пишут стихи и посылают в космос могучие многоместные корабли...

А ведь это все *наши*, а не *ваши* единомышленники! О них и для созданы и создаются все лучшие произведения нашей литературы.

Мы отстояли свое счастье, свою Родину, свое право строить новую жизнь в жестоком, кровавом бою с фашизмом.

Мы переносили в годы войны тяжелейшие лишения и страдания, испытывали нечеловеческое напряжение. Наш народ проявил массовый, никогда еще в истории невиданный, героизм.

Все это — вовсе не для того, чтобы продавать сейчас свою Родину — Союз Советских Республик — за тридцать иудинных сребренников, как предлагаете нам вы!

Посмотрите же на себя, господа: давно уже все лучшие из вас, из вашей среды, сделали необходимую «переоценку ценностей».

Нашел же в себе силы выбраться из белоэмигрантского болота писатель А. И. Куприн.

Его произведения входят в золотой фонд русской литературы. Книги его издаются и читаются в массовых тиражах.

Даже такой, казалось бы, непримиримый враг советской власти, известный в свое время вдохновитель борьбы с ней, идеолог белогвардейщины, В. В. Шульгин и тот во всеуслышание заявил, что он полностью осознал свои заблуждения и хочет честно прожить на Родине остаток своих дней. Он мужественно обратился к своим бывшим братьям — эмигрантам с призывом последовать его примеру.

Не мешало бы и вам, господа, всерьез задуматься над этим, разобраться в том, где же правда жизни, и уж если вы хотите быть действительно «истинно русскими людьми», то вы и должны говорить о своей Родине настоящую правду, должны помочь прозреть тем, кто все еще остается слепым.

Я думаю, что вряд ли вы получите от наших граждан какие-либо интересующие вас материалы. А если и найдется какой-нибудь отщепенец, то ведь вовсе не это характеризует советское общество!

Так что, как говорится в известной басне, «нельзя ли для прогулок по-дальше выбрать закоулок».

Не тратьте напрасного труда на сочинения и забрасывание к нам своих подметных писем. Поймите, наконец, что здесь совсем иная социальная почва, на которой ваш «посев» не даст никаких всходов, кроме разве чертополоха.

Что же касается «духовной аристократии», «иерархии ценностей», «царства духа и царства кесаря» и прочей словесной шелухи, которой обильно уснащают свои «философские» трактаты ваши борзописцы типа Н. Бердяева, то вы можете оставить всю эту бутафорию для собственного употребления или бросить в мусорную корзину.

Вы просили дать оценку вашим «Письмам». Ну что-ж, вот она и дана.

Вы громогласно трубите повсюду, что у вас на Западе свобода. Не буду возражать, если этот мой ответ вы напечатаете в одной из своих газет, а затем пришлете мне вырезку.

16. 7. 65, Вологда

Б. Непеин

2.

(Без обращения).

Пепел от ваших грязных бумаг давно уже остыл и развеялся по ветру, господ-лакеи из журнала «Грани». И мы уже давно забыли о вас. Да и стоит ли помнить ваши тухлые яйца, которые вы выдаете за литературные обзоры.

Но вот на нашем современном горизонте появилась аморальная фигура Брука, гнусного агента НТС, к коему принадлежите и вы. Память, естественно, воскресила события. Мы вспомнили вашу писанину и подумали: а не сочтут ли эти господа-лакеи, что молчание — знак согласия? Если так, то вы серьезно просчитались. Узнав о ваших гнусных делах подробнее, мы уже не можем молчать и должны вам ответить.

На что вы рассчитываете? На то, что ваша писанина вызовет у нас телячий восторг? Наоборот. Она вызвала у нас чувство омерзения и только. Может быть вы рассчитываете, что мы пришлем вам рукописи? Мы можем прислать, но они будут наподобие вот этому письму. Кстати, если вы так нуждаетесь в нашем голосе, опубликуйте это письмо в вашем грязном журнале. Из чувства глубокого презрения к вам, мы даем согласие на публикацию этого письма.

Вот так, господа-лакеи...

Кстати, вас не шокирует такое обращение? Но поверьте, оно выражает суть. В самом деле, товарищами вас не назовешь. Да на такое обращение вы, пожалуй, и обидетесь: какие вы к черту товарищи. Назвать вас господами? Тоже не хочется. Ну какие вы госпада, когда пользуетесь лишь объедками с господского стола. Остается назвать вас только лакеями. Это будет правильно и по форме и по содержанию.

Хочется вас спросить, известно ли вам содержание письма запорожцев турецкому султану? Мы с удовольствием ответили бы вам именно так. Но в международной дипломатии, кажется, это не принято.

Смешно смотреть на вашу мышиную возню.

Должны заявить вам, что вы, мышинное племя, нас, советских литераторов, оскорбили, и потому достойны крепкой русской пощечены. Так вот и получите ее с этим письмом, жалкие подонки. Не вам судить о нашем народе и нашей литературе. Вам, лизоблюдам хозяйским, надо бы в ноги поклониться нашему народу, спасшему не только русскую культуру, но и мировую от коричневой чумы фашизма. А... да что говорить об этом вам, которые свою судьбу сплели с фашизмом. На ваших руках кровь тысяч замученных детей, стариков, женщин, мужей, отцов — русских людей. Вашими руками в войну были уничтожены лучшие произведения искусства и литературы. Куда же вы лезете со своими грязными руками?

Мы, советские литераторы, любим свою Родину, гордимся ею и делаем все, чтобы она процветала еще лучше. Так что закинутая вами антисоветская удочка выглядит очень смешно и жалко, и разоблачает все ваши мышинные замыслы. Не вам учить нас, что такое свобода, госпада-лакеи.

Неужели вы так слепы, что не видите, как плодотворно развиваются и завоевывают симпатии наших людей литература и искусство социалистического реализма. Да разве только в нашей стране произведения советских писателей, поэтов, художников пользуются широкой популярностью. Весь мир знает и ценит то, что создается в Советском Союзе, где имеются все условия для широкого свободного творчества. Произведения наших авторов издаются и исполняются почти во всех странах. Они участвуют на международных конкурсах и фестивалях, и многократно отмечались международными премиями. Этого-то вы не можете не видеть? Мы, советские писатели, знаем во имя чего живем и работаем. Мы служим своему народу. А вы, кому служите, находясь за пределами России? На этот вопрос, правда, уже ответил за вас мистер Брук, давая показания на судебном процессе в Москве. Так, что ваша «деятельность» известна всем.

Да, плохи ваши дела. Ведь этак вы можете прогневать и тех, кто представил вам убежище. Где тогда укроетесь? Какому государству захочется, чтобы вы своими грязными действиями омрачали добрые отношения народов? Что еще сказать вам? Не возитесь, не старайтесь показать, что вы чего-то стоите. А в народе у нас говорят так: «Не трать, кума силы, опускайся на дно».

Советские писатели:

Б. Бурлак, секретарь Оренбургского отделения
Союза писателей,

А. Рыбин, член Союза писателей.

ОТ РЕДАКЦИИ:

Помещенные выше письма (с полным соблюдением их оригинальной орфографии) характерны, прежде всего, своим низким культурным уровнем. Погуги на остроумие, жаргон и ругательства — вот всё, что есть за душой у этих «писателей». Да и то, что написано — написано неграмотно.

Полемизировать здесь бесполезно. Можно только пожалеть этих людей, открыто демонстрирующих свой примитивизм, и не испытывающих при этом даже чувства стыда. Почти с первобытной наивностью добиваются они публикации своих писем: «Вы громогласно трубите повсюду, что у вас на Западе свобода. Не буду возражать, если этот мой ответ вы напечатаете в одной из своих газет, а затем пришлете мне вырезку» (кстати, почему же только вырезку?), «Если вы так нуждаетесь в нашем голосе, опубликуйте это письмо в вашем грязном журнале. Из чувства глубокого презрения к вам, мы даем согласие на публикацию этого письма».

Мы с удовольствием публикуем эти письма. Трудно было нанести больший удар по престижу Союза Писателей, чем это сделали Непеин, Бурлак и Рыбин. Разве только Шолохов, в своем выступлении на XXIII съезде, вступил с ними в успешную конкуренцию.

И мы с горечью думаем о тех писателях, которые, видя всю глубину падения своего Союза, хранят молчание о позорном положении этой организации, в рядах которой, наряду с Паустовским, Леоновым, Некрасовым, находятся непеины, бурлаки, рыбины.

Редактирует Редакционная Коллегия
Главный редактор **Н. Б. Тарасова**

Адрес редакции журнала «Грани»:
Grani c/o Possev-Verlag, 623 Frankfurt/M.-Sossenheim, Flurscheideweg 15

Druck: Possev-Verlag, V. Gorachek KG, Frankfurt am Main

